00105850

КС112
К88

Проверено 1953 г.

КС

ЛЕНИНГРАДПОЛИТПРОСВЕТ

38084

А. Е. КУДРЯВЦЕВ

942
К88

ВЕЛИКАЯ АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

00105850
ЭФ СПБГУ

Лен. Гос. Пед. Ин
БИБЛИОТЕКА
ИНОСТРАН. ЯЗЫКОВ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ"
1925

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ПРИБОЙ"
имени
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
пр. КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД.

Библиотека
экономического
факультета
СПбГУ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая работа не в полной мере оправдывает название учебника и как по своим размерам, так и по содержанию отличается от других выпусков той же серии. Автор вынужден был выйти из намеченных рамок, прежде всего потому, что в нашей марксистской литературе до сих пор нет ясных и убедительных построений истории английской революции, если не считать книги Бернштейна о социалистических учениях в Англии XVII в. и недавно вышедшей книги Конрада по истории ранних европейских революций. С другой стороны самая сложность событий английской революции и их научная неразработанность создавали в процессе работы непреодолимые трудности для краткого изложения темы.

Но мне все же думается, что и в таком разросшемся об'еме, предлагаемая книга не теряет характера учебного пособия, которое может найти себе применение как в школах второй ступени, так и в школах повышенного типа (партшколах и других). Никто не станет отрицать методологической ценности материала английской истории для познания закономерности в ходе исторического процесса. А отсюда вытекает и методическая ценность этого материала. Центр тяжести этой работы — в хрестоматии, которая почти целиком составлена из вновь переведенных документальных отрывков. Последние имеют в виду лабораторную проработку периода самой революции, что же касается текста книги, то он охватывает хронологически два столетия английской истории—XVI и XVII веков. В сущности содержанием книги является не английская революция, как таковая, а английский торговый капитализм в его характерных проявлениях. Такая трактовка темы целиком соответствует построению основной части темы „Торговый капитализм в Европе“ в новых программах по обществоведению для школ второй ступени, изданных сейчас Ленинград-

ским Губоно. В своем изложении автор преследовал двоякую цель: сообщить необходимые фактические данные и поставить ряд вопросов для самостоятельной проработки имеющегося в книге хрестоматийного материала. Но, учитывая сложность явлений английской революции, автор считал необходимым прийти на помощь не только учащемуся, но и преподавателям в марксистком истолковании и всей эпохи английского торгового капитализма целиком и английской революции, как его наиболее яркого проявления в частности. В переводах документов мне помогали — Т. Н. Толстая, М. В. Андреевская и Н. А. Бринкман.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Хозяйственный переворот в Англии и его последствия.

1.

Зарождение английского капитализма восходит к отдаленным временам европейской истории, но только в XVI веке становятся заметными глубокие изменения в хозяйстве и социальном строе Англии, предопределившие все дальнейшие победы английского капитала на европейском и мировом рынках. Мощный расцвет производительных сил Англии, необычайная устойчивость и крепость ее капиталистических отношений—являются наиболее характерной особенностью развивающегося английского капитализма в XVI веке. Не уяснивши себе этого основного факта, мы не сможем понять и тех бурных событий английской истории XVII века, которые до сих пор трактуются англичанами, как „великий мятеж", но в действительности означали „великую революцию".

Англия в XVI веке, наравне с другими европейскими государствами, переживает наиболее решительную фазу хозяйственного переворота, подготовленного всем ходом ее развития в предшествующие столетия. До этой поры трудно говорить об английском капитализме, как об активной силе, но уже в середине XV века автор одного политического памфлета с гордостью заявляет: „Англия! Все царства должны тебя приветствовать за твои корабли и шерсть!" Несомненный перелом в хозяйственном развитии Англии в эту пору уж наметился, хотя английская торговля продолжала еще сохранять свой прежний пассивный характер. Великобританские острова очень рано стали посещаться европейскими купцами, которые вывозили отсюда главным образом шерсть и доставляли сюда восточные товары. Для передовых центров Европы, связанных с развивающейся текстильной промышленностью, — Англия

служила источником сырья, в особенности шерсти, которая пользовалась высокой репутацией на европейском рынке и перерабатывалась на фландрских и флорентийских фабриках в превосходного качества сукна. В этих хозяйственных взаимоотношениях европейского континента и Британии мы еще не видим английского купца. Продавцами шерсти и покупателями восточных товаров являлись в XII—XIII в.в. преимущественно лорды и духовенство [1], а посредническая роль в торговле принадлежала итальянцам. Слабо была развита и местная текстильная промышленность. Англия получала высокие сорта сукон, выделанные из ее же шерсти с континента. Один английский летописец в 1265 году не без горечи замечает: „Тебе, о Англия, из твоего материала ткет драгоценные одежды твоя ткачиха—Фландрия". Фландрские города в XIII столетии были наиболее развитым центром текстильной промышленности, притягивавшим к себе английскую и испанскую шерсть. Но здесь же создается и общеевропейский торговый центр—на скрещении торговых путей Северной и Южной Европы. Главным складочным местом товаров и распределительным пунктом был тогда Брюгге. Но его значение начинает быстро падать по мере того, как идет передвижение торговых путей в связи с развитием европейской торговли. Последняя становится крупным организованным предприятием и выходит далеко за пределы узкого европейского рынка. Брюгге не мог уже приспособиться к изменившимся экономическим условиям и к XV веку уступает место Антверпену, который, благодаря своему благоприятному географическому положению, превращается в постоянную ярмарку, складочное место товаров для всей Европы, а вслед за тем становится первой общеевропейской биржей. Здесь и развертывается борьба между крупнейшими представителями европейского капитала, причем итальянские капиталисты—венецианцы, флорентийцы и генуэзцы—должны были очень скоро уступить место южно-германским фирмам Фуггеров, Вельсеров и других. Но в Антверпене с самого начала прочно оседают и англичане с тем, чтобы уже в XVI столетии занять виднейшее место в общеевропейской и мировой торговле.

Судьба английского капитализма в наиболее раннюю пору его развития была тесным образом связана с Фландрией. Именно на Фландрской почве и происходит вытесне-

[1] В середине XIII века поставкой шерсти на рынок занимались не менее 102 аббатств. Флорентийские купцы в 1315 году вывезли шерсть из 200 английских и шотландских монастырей.

ние иностранного поставщика английской шерсти для нужд европейской текстильной промышленности крупнейшими англичанами—предпринимателями, торгующими суконными изделиями собственной страны.

В XIV, а особенно в XV веке, на ряду с продолжающимся вывозом шерсти во Фландрию, главным образом в Брюгге,—наблюдается зарождение и развитие внутри самой Англии центров текстильной промышленности и усиление вывоза английских сукон за границу. На этой почве в середине XV века разгорается ожесточенная борьба между Англией и Нидерландами. Для фландрских городов и местечек беспрепятственный приток английской шерсти был залогом их преуспеяния. „Во Фландрии, читаем мы в цитированном уже выше памфлете, народ живет в сущности переработкой нашей шерсти и без нее не может долго жить и должен погибнуть, либо быть с нами в мире". Несмотря на все усилия бургундского правительства, под властью которого находились тогда фландрские города, англичане одержали верх в этой борьбе и добились того, что английские сукна получили доступ на европейский рынок; но одновременно они покидают Брюгге и делают средоточием суконной торговли Антверпен. Здесь они сразу занимают привилегированное положение и выступают, как организованная корпорация.

Период процветания Антверпена был определенной стадией в развитии раннего европейского капитализма. Торговля становится крупным капиталистическим предприятием и становится уделом наиболее могущественных капиталистических об'единений. Соответственно с этим и английская суконная торговля принимает сразу такой же характер мощного капиталистического предприятия, будучи сосредоточена в руках „общества странствующих купцов". Это общество было монополистом внешней торговли на континенте. Ни один англичанин, непринадлежащий к товариществу, не мог заниматься торговлей в Нидерландах, а члены товарищества могли продавать и покупать только в определенных складочных пунктах. Эти положения статута проводились в жизнь со всей строгостью и все нарушения карались взысканиями вплоть до конфискации товаров и заключения в тюрьму. Условия торговли были регламентированы во всех деталях и это ставило „странствующих купцов" в исключительное положение в смысле ослабления конкуренции и привлечения покупателей. Английское правительство явно покровительствовало компании и санкционировало их монополию специальными хартиями. Даже и в самой Англии создавалась фактиче-

ская монополия „странствующих купцов", энергически добивавшихся у правительства отмены всяких привилегий для своих конкурентов.

Дальнейшим шагом было расширение сферы влияния английского капитала на континенте. Английское сукно завоевывает себе прочную репутацию на европейском рынке, на что указывают уже самые цифры вывоза за промежуток времени с половины XV века до второй половины XVI века. В 1354 году было вывезено из Англии 4.774 кусков сукна, с 1509 по 1523 г.г. вывозилось ежегодно по 84.789 кусков, с 1523 по 1532 г.г.—по 91.394 куска ежегодно, с 1532 по 1537 г.г.—по 102.647 ежегодно, с 1537 по 1547 г.г.—по 122.354. К 1600 году вывоз английских сукон поднялся уже до 1.000.000 кусков. Параллельно с этим цифры вывоза шерсти сильно падают. В 1354 году было вывезено 31.651 мешок шерсти из Англии, в промежуток времени 1485—1509 г.г. он составлял в среднем по 6.759 мешков в год, с 1509—1521 по 8.624 мешка в год, с 1522 до 1531 г.г.—по 4.954 мешка, с 1532 по 1539, по 3.368 мешков, с 1537 по 1547 г.г.—по 4.963 мешка.

Из приведенных цифр можно сделать вполне определенный вывод, что развитие английского капитализма теснейшим образом связано с развитием английской текстильной промышленности. Вместе с тем и самая торговля находилась уже в руках английского купца, который мало-помалу вытеснял иностранных посредников. Активное выступление английского капитала в европейских морях хронологически совпадает с периодом окончательной победы английского сукна над европейскими и, в частности, фландрскими шерстяными изделиями. В течение долгого времени Англия вынуждена была пользоваться услугами итальянского торгового флота,—особенно услугами венецианцев, но в середине XV века она и в этой области переживает перелом, вытесняя посредников в торговле не только у себя дома, но и в европейских морях. Об этом свидетельствует ряд навигационных актов эпохи первых Тюдоров (Генриха VII и Генриха VIII), обеспечивающих привилегии английских моряков, а также быстрый рост за тот же период английского флота и судостроения. В 1525 году Генрих VIII располагал флотом в 26 крупных кораблей, а к концу его царствования государственный флот состоял уже из 53 кораблей. Такую же картину быстрого роста дает и развитие купеческого флота. В навигационных актах этого времени уже незыблемыми являются два основных положения, которые мы встретим и в Кромвелевском навигационном акте 1651 г.: 1) корабли должны принадлежать

англичанам и 2) команда кораблей должна состоять из английских подданных.

Располагая могущественным флотом, Англия уже была в состоянии в XVI веке не только вытеснить иностранных посредников из прилегающих морей, но и проложить себе путь в Средиземное море и Прибалтийские страны. Ганза, господствовавшая до XVI века в Балтийском море и находившаяся под главенством Любека, вынуждена была уступить англичанам свои опорные пункты не только в Нидерландах, но и на всем Балтийском побережьи. „Компания странствующих купцов" завоевывает немецкий рынок, прочно обосновавшись в Гамбурге и открывает путь для английских кораблей в Восточную Европу.

Во второй половине XVI века возникает ряд новых компаний, но такого же монопольного характера, как и ассоциация „странствующих купцов": в 1554 г. образуется Московская компания, в 1558—купцов из Эксетера, 1571 — купцов из Бристоля, 1579 — восточная компания для торговли на Балтийском побережьи, 1581 г.—Турецкая компания, 1585 — Варварская компания (в Марокко), в 1588 — Гвинейская компания, наконец, в 1600 году — возникает и Ост-Индская компания. Приведенный перечень достаточно красноречив для того, чтобы судить о неудержимом росте английской торговли. Англия выступает на арену борьбы за мировые пути торговли и несмотря на то, что этот переход из замкнутого европейского круга на широкий простор океана сказался болезненно на ее внутреннем росте, она вышла победительницей из этого кризиса. Благоприятное географическое положение—у выхода к океану только ускорило ее победу, основная же причина ее успеха лежала в ней самой, в необычайном росте текстильной промышленности, в устойчивости ее хозяйственных связей, об'единивших королевство в цельный и могучий организм.

Активное выступление английского капитала на мировом рынке знаменовало поворотный момент в экономическом развитии всей Европы, которая в XVI веке представляла уже связанное целое. Крупный капитал играет уже решающую роль в международных отношениях. Перед нами не отдельные города, выдвигавшиеся по своему значению в ходе хозяйственного переворота, а крупные государственные об'единения, между которыми и идет ожесточенная борьба за преобладание на европейских и мировых торговых путях. Создавшиеся общеевропейские хозяйственные центры становятся важным фактором в дальнейшем развитии европейского капитализма. Кровавые войны за

веру и национальную независимость, которыми так полна история XVI века, имели в своей основе совершенно реальную экономическую подкладку. Войска враждующих государств были в сущности капиталистическими предприятиями и силу свою они почерпали на бирже. Финансирование правительств занимало огромное место в биржевых операциях двух важнейших бирж того времени—Антверпенской и Лионской. Но кредит на военные предприятия, направленные на захват чужих земель, для европейских банкиров был непроизводительным помещением капитала. Военные предприятия терпят крах и это роковым образом отражается на кредиторах, на чувствительном аппарате обмена и кредита. Сходят со сцены южно-германские капиталисты во главе с Фуггерами, пустеет Антверпенская биржа в 1572 году, приходит в упадок Лион, „площадь обмена" которого порастает травой. Ранне-капиталистический период европейской истории быстро идет к закату: в 1581 году Португалия со всеми своими колониями была присоединена к Испании, но в том же году северные Нидерландские провинции освобождаются от испанского ига и создают буржуазную республику. В 1585 году Филипп II захватывает в португальских водах все нидерландские корабли, а в 1588 г. у берегов Англии терпит страшное поражение испанская „Непобедимая Армада". Испания сходит с мировой сцены. На арене мировой борьбы остаются только две могущественные торговые державы, вступившие в период расцвета своих производительных сил как раз в тот момент, когда вся остальная Европа, более слабая экономически, истощала себя в многочисленных войнах. Эти державы — Голландия и Англия.

В таком исходе борьбы не было ничего случайного. Победа галландского и английского капитала обусловлена была не только благоприятным геграфическим положением у выходов к океану, но и условиями внутреннего развития названных государств. Характерна уже самая устойчивость центра хозяйственной жизни Европы, неизменно тяготевшей к нидерландским провинциям. Этот центр передвигался, не выходя из пределов небольшого, сравнительно, района Фландрии и Нидерландов. Средоточием общеевропейского хозяйства — последовательно становились—Брюгге, Антверпен, наконец, Амстердам, отражая в этой смене определенные этапы развития и самого капитализма. Торговый посреднический капитал был тесным образом связан с производством, главным образом текстильной промышленностью, — сначала фландрской, а потом английской. Это придавало ему

устойчивый, организованный характер и определяло общеевропейское хозяйственное значение всего названного района.

К концу XVI века посредническая роль в мировой торговле всецело переходит к Голландии и ее столице Амстердаму, который становится мировой гаванью, складочным местом не только восточных товаров, но и хлеба из Прибалтики и продуктов европейской промышленности, из которых одно из первых мест занимало английское сукно. Наконец, здесь же было средоточие и селедочного промысла, кормившего голландское население.

Но одновременно с образованием Голландской торговой республики, как мы видели, — быстро идет по пути преуспеяния и Англия. Она неминуемо должна была столкнуться с могущественной наследницей прежней Фландрии на почве борьбы за мировые пути торговли.

Хозяйственный переворот в Англии, выдвинувший ее на одно из первых мест в Европе к концу XVI в., протекал в гораздо более сложной обстановке, чем во фландрских провинциях и нам необходимо теперь ближе взглянуть на те глубокие изменения, какие произошли в хозяйстве Англии и во всем ее социальном и политическом строе в течение XVI века.

2.

История хозяйственного переворота в Англии дает необычайно яркую и отчетливую картину реорганизации производства на фоне разложения феодальных форм хозяйства. Отмеченный выше резкий перелом в английских экономических отношениях и характеризуется прежде всего тем, что с XV века английский капитал реорганизует производство и вносит глубокие изменения между городом и деревней. Развитие суконной промышленности является основным фактом истории Англии в ранне-капиталистический период ее существования. Если вывоз английской шерсти удовлетворял потребности иностранного капитала, а внутри королевства был выгоден прежде всего феодальным классам и правительству, еще носившему полуфеодальный характер, то вывоз суконных изделий свидетельствовал уже о значительном росте английского капитала, захватившего в свои руки скупку шерсти и создавшего собственную текстильную промышленность. Об успехах последней в течение XV и XVI в.в. свидетельствуют многочисленные данные, одинаково устанавливающие факт широкой распространенности суконного производства в различных районах Англии, особенно же в восточных графствах с Норфольком во главе

и в самом Лондоне, который уже в XV в. считался и центром текстильного производства и главным складочным местом. На ряду с внешним расширением сукноделия по всему королевству, идет и реорганизация самого производства и со стороны технической и организационной. Улучшению техники в значительной мере содействовали последовательные переселения с континента фландрских ткачей, а новая организация текстильной промышленности создавалась в связи с ростом английского капитализма, принимавшего уже характер крупного хозяйственного предприятия. На ряду с цеховой промышленностью, сосредоточенной в городах, возникают в деревнях новые центры массового производства сукон, организованного уже в форме так называемой „домашней промышленности". Здесь преобладающая роль и в организации самого производства, и в сбыте товаров на европейские рынки—принадлежала новому классу „суконщиков-предпринимателей". Переход к системе домашней промышленности в широком масштабе и расцвет торговой деятельности монопольной компании „странствующих купцов" хронологически совпадают. Тесная связь зарождающегося английского торгового капитала с производством сукон достаточно уже удостоверяется фактом преобладания суконных изделий в английском вывозе XVI века. Сукна составляли, по крайней мере, $^3/_4$ всех товаров, вывозимых из Англии—в этом столетии.

Не менее важна и реорганизующая роль английского капитала в деревне и ее хозяйстве. Основные факты, характеризующие резкий перелом в аграрных отношениях Англии, поразительно совпадают с отмеченными уже выше фактами, касающимися английской торговли и промышленности. Они точно также приходятся на вторую половину XV в. и первую половину XVI в. и связаны с так называемыми „огораживаниями", которые в сущности означали грандиозную аграрную революцию, придавшую совершенно новый облик английской деревне и вызвавшую глубокие изменения в социальных отношениях Англии. Начало „огораживаний" пахотных полей, общинных и пастбищных земель было еще в XIV веке и даже раньше, но массовый характер они принимают с половины XV века, а в следующем столетии становятся крупным общественным явлением, вызывавшем с одной стороны резкие нападки, а с другой стороны столь же решительную защиту. В наиболее раннюю пору стремление к огораживаниям прежде всего связано было с разложением феодального общинного хозяйства и имело в виду устранение общинной чересполосицы, служившей тормазом к введению новых систем земледелия.

Загораживает свои участки не только лендлорд (феодал-землевладелец), но и крестьянин, предпочитавший уже индивидуально располагать своей долей в пользовании общинными угодьями. Но в ту же пору возникла и другая форма огораживаний, приводившая к сокращению полевого хозяйства и замене его пастбищным. Здесь главная роль принадлежала уже лорду-помещику, который отчасти считался с дороговизной и недостатком рабочих рук после эпидемии „черной смерти", обезлюдившей деревню, а главным образом почувствовал интерес к овцеводству в связи с возрастающим экспортом английской шерсти за границу. И вот здесь то резким образом и столкнулись интересы лендлорда и крестьянина. Пастбищное хозяйство стало более выгодным и наиболее предприимчивые помещики стали посягать на общинные угодья и даже на пахотные участки крестьян, находя поддержку и в законе. Уже так называемый Мертонский статут 1236 года предоставлял лорду право загораживать общинные земли и пустоши, при условии предоставления держателям „достаточного" количества угодий. Но определение крестьянской доли в пользовании земельным фондом всецело зависело от усмотрения лорда. Так возникает борьба за раздел общинных земель в английской деревне и с самого начала она ставит крестьянина в неравное положение сравнительно с собственником земли.

В дальнейшем—отмеченный выше процесс огораживаний еще более осложняется, получая характер аграрного переворота. Во второй половине XV века и первой половине XVI в. в Англии, как и в других странах, уже заметно сказывается на поземельных отношениях влияние развивающегося капитализма. Земля превращается в товар и поступает на рынок, происходит грандиозная земельная мобилизация, в результате которой феодальная знать, потерпевшая жестокий урон в открытой борьбе („война Алой и Белой Розы"),—теряет и свое прежнее хозяйственное значение. Прилив благородного металла и связанная с ним революция цен еще более обостряет аграрный кризис; под его влиянием в XVI веке—начинается во многих странах—земельная мобилизация массового характера. В Англии такое грандиозное перераспределение земельной собственности произошло под флагом реформационного движения в 1536 и 1539 годах, когда были конфискованы и пущены на продажу монастырские земли. На этой почве процесс огораживаний принимает такой же массовый характер, составляя характерную черту процесса более широкого—аграрной революции. На основании имеющихся данных

трудно дать ясную картину этого процесса и его размеров. Наиболее интенсивно огораживания производились в южной и центральной части острова, особенно на юго-востоке (Суффольк, Эссекс, Кент и значительная часть Норфолька), где преобладали пашни и развивалась текстильная промышленность. По приблизительному подсчету, количество загороженных земель все же было невелико сравнительно с общей земельной площадью. С другой стороны, процесс огораживаний оказывается гораздо более сложным, чем думали раньше. К огораживаниям стремятся не только крупные собственники, но и значительные группы крестьянства, которые даже выносили мирские приговоры о разверстании всех угодий и склонны были к загораживанию собственных участков для разведения овец. В других случаях крестьяне загораживали свои земли, чтобы предупредить захват их со стороны крупных собственников. Нападки направлялись только на округление и огораживание помещичьих земель, а отнюдь не крестьянских, так как в первом случае такое загораживание вело и к повышению аренды, а во втором оно открывало перед самим крестьянством возможность ведения пастбищного хозяйства, или улучшенного полеводства.

О прогрессе в сельском хозяйстве у нас имеются определенные указания источников. На огороженных участках удобно было комбинировать и пастбищное хозяйство и полеводство. Один из агрономических писателей XVI в. Фицгерберт усиленно рекомендует именно такую систему хозяйства взамен прежней—трехпольной. Но все же основной фон картины составляло необычайное развитие пастбищ и оно вызывало резкие нападки со стороны писателей XVI века. Томас Мор в своей „Утопии“ (1516 г.) заявляет, что „овцы не только пожирают людей, но опустошают и уничтожают поля, дома и города“. Другой писатель XVI века точно также жалуется, что „Англия во всем христианском мире известна была под прозвищем „веселой Англии, но алчные огораживания настолько лишили ее веселья и радости, что лучше бы теперь ее назвать „вздыхающей и печальной Англией“.

Такими нападками на огораживания переполнена литература XVI века, изображающая в очень мрачных красках бедственное положение сельского населения. Последнее и само заявляло о себе, обрушивая свой гнев во время аграрных возмущений прежде всего на загороженные участки. Разумеется, основная причина тяжелого положения крестьянской массы лежала не в огораживаниях, а в той грандиозной перетасовке хозяйственных и социаль-

ных отношений, которая, в свою очередь, была вызвана революционизирующим действием капитала, распаставшего обычный уклад деревенской жизни. Было бы ошибочно по многочисленности нападок на огораживания, судить о размерах самого движения, равно как и о его хозяйственных последствиях. Мы можем только сказать, опираясь и на более об'ективные источники, что овцеводство, питавшее английскую текстильную промышленность, было одним из наиболее характерных и заметных явлений хозяйственного развития Англии в XVI веке. Новейшие изыскания удостоверяют и другой факт, что от огораживаний и овцеводства выигрывали и не один только крупные землевладельцы, но и довольно значительные группы крестьянства и фермерства. Однако неоспоримым остается, что на положении основной массы сельского населения хозяйственный переворот отразился самым гибельным образом, подтверждая и нападки писателей XVI века и ту мрачную картину обездоления крестьянства, какую нарисовал К. Маркс в I томе „Капитала". Но это приводит нас уже к вопросу о социальных последствиях переворота.

Сложный процесс социального расслоения со всей силою сказался в XVI веке, но и значительно раньше мы можем наблюдать, как на фоне разложения феодальных форм хозяйства, распадается и феодальная общественная группировка. По мере того как растет экспорт шерсти, — рядом с крупным феодалом (духовным и светским) появляется купец, стремившийся к тому, чтобы вытеснить из пределов острова иностранного посредника. Но ему уже невыгодно было вывозить шерсть за границу и совершенно не случайно, что одновременно с зарождением английского капитализма, возникает и своя текстильная промышленность. Английский купец имеет дело с вывозом не шерсти, а суконных изделий. На этой почве создается резкая противоположность интересов феодальных классов и купечества, за которым шли массы населения, занятого в нарождающейся промышленности. Одновременно с этим и в английской деревне, как мы видели, обостряется борьба за землю между лордом, помещиком и крестьянином. Последний тянется в город, в поисках заработка; деревня пустеет, а черная смерть завершает этот процесс обезлюдения английских деревень. Социальные противоречия выливаются в форму кризиса, вызвавшего восстание крестьянства (1381 г.—Восстания Уота Тайлера). В XV веке—обстановка, в какой идет процесс социального расслоения, чрезвычайно усложняется. В грандиозной и кровавой гражданской войне, известной в истории под именем войны

Алой и Белой Розы — вносит опустошение в рядах феодальной земельной знати, а наряду с этим у лордов маноров (поместий) — в самой деревне возникают серьезные конкуренты. Деревня становится ареной ожесточенной борьбы за землю, которая приводит к радикальной перегруппировке населения. Стоявший в средине века на верху общественной лестницы помещик, или как его называли тогда лорд-манора (поместья) не выдерживает конкуренции новых людей, нахлынувших в деревню. Он сокращает свою господскую пашню, раздает землю в аренду соседнему крестьянству и, подверженный общему закону, заботится только об одном, — чтобы перевести прежние натуральные повинности в денежные и обеспечить себе исправное поступление платежей в силу его сеньоральных прав. Это не значит, что социальная группа лордов-землевладельцев стала отмирать. Далеко нет. Подорвана была только старая хозяйственная основа могущества владельца-манора, но он сумел приспособиться к новым условиям, воспользовавшись манориальными обычаями, как орудием в борьбе с крестьянством. В тяжбе крестьянина с лордом,—местный суд, носивший ярко классовый характер, в подавляющем большинстве случаев становился на сторону последнего. Отголоски классовой борьбы в деревне — преимущественно между помещиками и крестьянством — довольно ясно чувствуются еще и в XVII веке. Но господствующее положение в английской деревне XV и XVI века занимают уже новые пришельцы, явившиеся сюда с капиталом и предпринимательскими замыслами. Таков прежде всего скупщик-суконщик, который организует производство, скупает шерсть, дает заказы, сбывает их потом на рынке. Но он же занимается и усиленной скупкой земель в целях разведения пастбищ в широком масштабе и для спекулятивных целей. Но суконщик только одна из наиболее заметных фигур в длинной веренице лиц, потянувшихся в деревню. Насколько это вторжение в деревню новых людей составляло заметное явление в XVI веке—показывают многочисленные жалобы и петиции со стороны деревенского населения. Так, например, в петиции, поданной Генриху VIII в 1514 году, мы читаем:

... „и эти злоупотребления и затруднения причиняются не только различными джентльменами вашего королевства, но также различными и многими странствующими купцами, суконщиками, ювелирами, мясниками, кожевниками и другими ремесленниками и неумеренными алчными людьми, которые ежедневно захватывают много ферм, больше чем они могут занять для пахоты и посева, как это было в прежние времена".

„Взгляните на лондонских купцов и вы увидите, как они, когда бог, благодаря их почтенному призванию и торговле товарами, пошлет им великое изобилие богатств, не довольствуются благосостоянием своего звания, чтобы удовлетворить себя и помочь другим, но со своими богатствами являются в деревню и скупают фермы у достопочтенных джентльменов, честных юменов (крестьян) и бедных трудящихся земледельцев“.

Яркую картину настоящей земельной горячки представляет процедура распродажи монастырских земель в первой половине XVI века. Вокруг монастырского наследства завязалась ожесточенная борьба конкурентов. В их среде представителям торгово-промышленного класса принадлежит весьма видное место. Они были наиболее крупными покупателями — и как установлено недавними исследованиями, приобретали земли по всей стране и притом огромными кусками. Таким образом, капитал прочно оседал на земле и тем самым создавал новую и влиятельную группу сельского населения. К этой группе примыкает другая, ей родственная — это фермеры-предприниматели, не имевшие собственной земли, а бравшие в аренду чужие участки.

Фермерство, столь типичное для всей последующей аграрной истории Англии, — окончательно уже складывается в XVI веке и играет крупную роль в деревне.

В его среде мы ясно можем различить группу пришлых элементов, совершенно новых для деревни. Они потянулись туда вслед за крупным купцом и фабрикантом и были главными участниками в ходе земельной мобилизации и в переустройстве деревенского хозяйства.

Другие категории фермеров, представляющие различные градации, в смысле размеров земельных держаний, уже близко подходят к группе крепкого крестьянства.

Обычно принято думать, что крестьянство в XVI веке уже было обречено на гибель, лишаясь своих участков и переходя в ряды пролетариата, что оно стало жертвой аграрного переворота и обличения этой эпохи — как будто подтверждают факт массового обезземеления крестьян, очень часто принимавшей характер насильственной экспроприации. Но в последнее время тщательное изучение земельных описей убедительно показало, насколько, в действительности, был сложен процесс расслоения в среде крестьянства. Терминология эпохи довольно сбивчива и запутана, но наиболее характерные группы земледельцев мы все же можем выделить. Прежде всего мы находим многочисленные указания на существование зависимого кре-

0010 5850 90849

стьянства, так называемых виллланов или еще иначе бондменов. Оказывается, что еще и в XVI веке крепостничество не было еще целиком изжито. Хозяйственные основы крепостного права были уже давно подорваны, средневековая община находилась в процессе полного разложения, а источники продолжают еще ясно указывать на сохранившиеся права лорда на личность и имущество крепостных. Даже в документах XVII века иногда идет речь о барщине и „отпусках на волю" и других переживтках поместного строя. Но это были уже только переживтки, сохранившие лишь внешнюю оболочку старины, под которой скрывалось иногда совершенно другое содержание. Если мы подойдем к виллану XVI в. со стороны его хозяйственного, а не правового положения, то увидим, что эта категория сельского населения далеко не однородна, что в ней мы можем выделить по крайней мере, два основных слоя—зажиточного крестьянства и полупролетариев, располагавших жалкими клочками земли. Для первых феодальные права сиьора были уже чистой фикцией, — а вторые продолжали чувствовать над собой тяжелую руку лорда, с'умевшего сделать из присвоенных им прав над крестьянином другое употребление. Реже мы встречаемся со средним вилланством, которое сбросило с себя гнет крепостного права уже гораздо раньше. Отсюда можно вывести заключение, что расслоение в среде крестьянства началось еще в период преобладания общинного и поместного строя, торговый капитал значительно ускорил этот процесс, придал ему совершенно другой темп и внес большую сложность в картину разложения средневековой деревни. Основную группу деревенского населения составляют уже не вилланство старого типа, а так называемые „держатели по копии" или копигольдеры, права которых на землю определялись манориальным (поместным) обычаем, а не общегосударственными постановлениями. Это связывало судьбу копигольдера — в правовом, а часто и в хозяйственном отношении с личностью лорда, собственника земли.

На это указывает и старинное определение копигольда как держания „на воле лорда сообразно обычаю манора".

Лишь путем весьма медленного процесса происходит правовая эмансипация копигольдера от собственника земли и от власти обычая и еще до сих пор английские законы строго отличают копигольдера от фригольдера — „свободного держателя". Но если мы отрешимся от архаических определений английского права и взглянем на копигольдеров XVI века с чисто хозяйственной стороны, то и в их среде мы найдем очень большую группу многоземельных крестьян,

располагавших в среднем от 20 до 40 акров пахотной земли и выше, при чем многие снимают и дополнительные участки, у себя в деревне и у соседей, занимаются овцеводством и ведут свое хозяйство с явно предпринимательскими целями. Не редкость встретить у таких „хозяйственных мужичков" и батраков. К XVI веку все более и более входит в оборот термин „номен", ставший потом обычным названием земледельца-крестьянина. Но под это понятие подходили самые разнообразные в правовом отношении группы, об'единяемые, однако, общей характерной чертой:— это прежде всего зажиточный крестьянин, независимо от того, является ли он копигольдером, фригольдером, крепостным, или просто с'емщиком чужой земли. Так, в ходе экономического развития сословные отличия стали стушевываться и заменяться классовыми. И в XVII веке номеном считался всякий земледелец, имевший в своем распоряжении свыше 20 акров земли и располагавший возможностью вести прибыльное хозяйство и держать работников. Вот эта весьма обширная и разнообразная по своему составу группа крестьянства и была наиболее активной и крепкой в английской деревне XVI века. Спустимся еще ниже и мы увидим уже деревенских бедняков, которые обычно называются в источниках „коттерами". Эти маломочные крестьяне, сидевшие на жалких клочках земли и лишенные возможности вести правильное хозяйство вследствие отсутствия скота и необходимого инвентаря, обречены были на полуголодное существование, больше всего пострадали от земельной мобилизации и вынуждены были наниматься в батраки, или покидать деревню. Пастбищное хозяйство сильно сократило спрос на рабочие руки. Это делает понятным любопытный факт, отмечаемый исследователями: убыль сельского населения происходит как раз именно за счет коттерского класса; он в значительной своей массе уходит в города и промышленные центры, также, например, как Норфольк и находит здесь себе более выгодный заработок. Но коттеры же пополняли собой и массы нищих, бродяг и бедняков, на которых уже в XVI веке указывают писатели, проповедники и само правительство, как на серьезное общественное бедствие.

Такова картина социального расслоения деревни, развернувшаяся со всей яркостью в эпоху аграрного переворота. На почве этого расслоения создавались классовые противоположности весьма разнообразных групп населения, между которыми происходила ожесточенная борьба, то глухая и скрытая, то выливавшаяся в целые восстания на подобие германских. Такими восстаниями особенно отмечена

середина XVI века. В 1536—40 годах, в связи с реформацией, разделившей английскую территорию на два лагеря: отсталый и католический северный район и затронутый протестанским движением — центр королевства, на котором больше всего отразился и хозяйственный переворот. Вспомним, что к этому же времени относятся и акты о распродаже монастырских земель. Низшее население деревень и городов принимало в этом движении активное участие, но настоящее восстание чисто крестьянского типа разразилось несколько позднее — в 1549 году в промышленном районе Норфолька. Это восстание, связанное с именем Кэта, было как бы предверием великой английской революции, но в то же самое время напоминало и крестьянские войны в Германии.

Программные пункты, выработанные наиболее передовым Норфолькским лагерем, не оставляют сомнения в том, что в этом восстании мы имеем дело с единым фронтом различных групп сельского населения, направленным против собственника земель — лендлорда. Но основная и руководящая группа восставших отнюль не состоит из бедноты, а главным образом из среднего крестьянства. И центральное требование программы заключается в понижении ренты, что прежде всего отвечало интересам держателей различного типа, но нисколько не облегчало положения коттера и рабочего, заинтересованного в повышении заработной платы и понижении цен на жизненные продукты. Обращает на себя внимание сравнительная умеренность требований и отсутствие коммунистических тенденций в самой программе. Последняя даже не посягает на огораживания по существу, а только требует ряда ограничений и в огораживании и в покупке земель для лордов и духовных лиц. Точно также и на засилье крупных фермеров мы не находим указаний в программе, хотя в других документах этого времени жалобы на пресмыкательство фермеров перед собственниками земли довольно обычны.

Еще меньше отразились в требованиях повстанцев — пожелания бедняков, а между тем современники событий 1549 г, свидетельствуют нам, что среди восставших были и „просто бедные люди, стремившиеся получить назад доходы, отнятые у них силой и избавиться от чрезвычайной дороговизны и высоких цен на жизненные продукты“. Но эти элементы остались одиноки в своих требованиях, так как их интересы не целиком совпадали с интересами более зажиточного крестьянства.

И становится понятным, почему Лондон и другие города не поддержали восставших, несмотря на то, что

у городской бедноты были серьезные основания к резкому проявлению недовольства. Рабочий вопрос уже в XVI веке становится злобой дня для общества и правительства. Низшие слои сельского и городского населения и были главной жертвой хозяйственного переворота. Если в английской деревне коттер и мелкий съемщик страдал от высокого уровня аренды, которая получила название „голодной ренты", то и в деревне, а особенно в городе давало себя знать, резкое несоответствие заработной платы с ценами на хлеб и другие предметы широкого потребления. „Революция цен", вызванная громадным притоком благородного металла в Европу — привела к общему повышению цен на товары, но это лишь одна сторона процесса, составлявшая общий фон картины. Повышение цен в отдельных странах было кроме того результатом совокупных действий очень сложных обстоятельств.

Как общее правило, заработная плата в XVI веке хотя и поднималась, но сильно отставала от роста цен на пшеницу и другие продукты.

В годы неурожаев и кризисов, связанных с „порчей", может быть это несоответствие было настолько разительным, что не могло не обратить на себя внимание правительства, которое уже само устанавливает таксы на предметы потребления, но в то же самое время регулирует и заработную плату. Но это ведет нас уже к характеристике политики правительства и государственного строя, развившегося на основе новой социальной группировки английского общества.

3.

Описанный выше процесс изменений в классовой группировке английского общества был непосредственным следствием развития торгового капитала, не только разложившего феодальную организацию средневековья, но и выдвинувшего новые социальные образования. На этом основном фоне в XIV, а особенно в XV веке, развертывается кровавая и упорная война с феодалами. Она закончилась гибелью виднейших феодальных родов и окончательно подорвала политическое значение знати. Новая власть вышла из этой борьбы победительницей. Но ее победа была обусловлена очень глубокими причинами.

Социальная основа власти была уже другая. Землевладение продолжает и теперь играть громадную роль, но рядом с ним и торговый капитал уже оказывает заметное влияние на политику правительства.

Следует, однако, помнить, что в эту эпоху процесс формирования новых классов далеко еще не завершился. Мы ясно можем различить два основных господствующих класса—крупных землевладельцев и купечество. Но первые и в Англии и в других европейских странах представляют сложную социальную группу, которая только по названию напоминает средневековых феодалов. В среде землевладельческого класса — в ходе хозяйственного переворота выделился верхний слой крупных собственников-овцеводов предпринимательского типа, но основная и наиболее многочисленная группа, это средние и даже мелкие землевладельцы. В Англии она называлась „джентри", что соответствует русскому термину „дворянство". Еще чаще в XVI и XVII в.в. мы встречаем для обозначения той-же группы название „джентльмена" (благородный, дворянин) и „эскуайр" (помещик). Но внутри этого класса существовал ряд переходных ступеней. Новые люди, влившиеся широким потоком в среду английского дворянства, придали совершенно другой облик значительной его части, которую условно приходится называть передовым дворянством, в отличие от феодальных групп северо-западной Англии. Но и между ними трудно провести резкую грань. Мало того, между джентльменом и купцом точно также не было непроходимой пропасти. Для этой эпохи чрезвычайно характерно, что с одной стороны землевладельцы по своей хозяйственной роли сильно напоминают торговых людей, а с другой стороны денежные люди, совершенно неведомые феодальному периоду, поднявшиеся только благодаря силе капитала, далеко неравнодушны к титулам и охотно принимают придворное звание. По внешнему облику и по социальному положению их трудно отличить от типичных дворян.

На этих двух основных группах и строилась новая государственная власть, создавшая и совершенно новый аппарат управления. И если мы теперь бросим взгляд на всю политику королей из династии Тюдоров, то убедимся, что общее ее направление всецело определялось интересами этих двух групп. Классовый характер законодательства Тюдоров и всех важнейших государственных мероприятий этого периода определялся тем, что и в парламенте и во всех решительно учреждениях сидели представители дворянства и торгово-промышленного класса. Даже в среде королевских министров и ближайших помощников, выходцы из буржуазии были не редкостью.

Архиепископ йоркский и канцлер Генриха VIII, кардинал Уольсей, был сыном богатого норвичского буржуа, всемогущий министр того же короля, с именем которого свя-

заны весь первый период реформации и конфискация монастырских имуществ Томас Кромвель — до своего возвышения занимался фабрикацией сукон и торговлей деньгами, наконец Томас Грэшэм, видный сотрудник Елисаветы, игравший роль министра финансов и торговли, был и оставался крупным биржевиком, членом общества „странствующих купцов". Историки не без основания и Тюдоров называют „буржуазными королями". Они были организаторами нового хозяйства в общегосударственном масштабе.

Покровительство торговле и шерстяной промышленности, капиталистическому овцеводству было краеугольным камнем всей их политики. В тоже самое время и организация государства строилась на той же материальной базе, на денежном хозяйстве, на широких финансовых операциях. Постоянная поддержка монополий „странствующих купцов", ряд навигационных актов, направленных к развитию английского судоходства, пронизанная торговым духом внешняя политика, тесная связь с Антверпенской биржей, систематически пополнявшей королевскую казну, наконец грандиозная операция с монастырскими имуществами — вот наиболее яркие факты, характеризующие политику новой династии.

Но Тюдоры были не только государями нового типа; они были и хотели быть самодержцами и мало считались с правами парламента, завещанными от времен средневековья. Для Англии XVI век был таким же веком королевского абсолютизма, как и для других государств Европы, особенно для Франции.

В этом есть глубокий исторический смысл. Новая государственная власть, доставившая господство новым классам, по необходимости должна была строиться на началах строгой централизации и полного подчинения. Она создавалась в обстановке борьбы с феодалами у себя дома и с конкурентами на внешнем, мировом рынке, когда новые классы, выдвинутые историческим развитием, еще не настолько обособились в строго законченные социальные группы и не настолько еще прониклись классовым самосознанием, чтобы могли и стремились взять непосредственно в свои руки политическую власть.

Современники в один голос нам говорят, что парламент был послушным орудием королевского абсолютизма, он с полной готовностью вотировал щедрые субсидии и шел навстречу всем предприятиям королей. Такую покорность нельзя об'яснять только искусственным подбором состава обоих палат и недостатками избирательного права. Покорность эта вытекала из того, что король был фактически исполнителем воли господствующих классов, что политика

королей новой династии отвечала их насущным интересам. Здесь именно и лежит ключ к пониманию реформационного движения в Англии, необычайно бурного и кровавого.

Крайности проявления королевского абсолютизма и ожесточенность борьбы за новые молитвенники и другие новшества в церкви не могут затушевать перед нами основного факта английской реформации — конфискации монастырских земель.

Этим актом был нанесен удар еще уцелевшим остаткам феодализма и английская церковь склонила свою голову пред священной особой короля. Епископы превратились в государственных чиновников и беспрекословно проводили учет монастырского имущества. Распродажа последнего не только обогатила королевскую казну, но создала новых земельных собственников и тем самым усилила ряды сторонников нового порядка. При всех превратностях последующего реформационного движения, английское дворянство и купечество неизменно поддерживали королевскую власть, видя в ней гарантию против посягательства на вновь приобретенную собственность. Правительство не только взяло твердую линию в отношении католиков, оно наносило сокрушительные удары врагам нового общественного порядка и с другой стороны: крестьянское восстание 1549 г. было подавлено с беспощадной жестокостью, при содействии иностранных наемников, а пуританство, броунизм и другие „еретические" учения считались недозволенными и сурово карались. Новая государственная власть была безусловно враждебна интересам низших классов населения, несмотря на то, что она вынуждена была отзываться на такие общественные бедствия, как обеднение мелкого крестьянства в связи с земельной мобилизацией и огораживаниями. Но уступки крестьянству никогда не заходили слишком далеко и были безрезультатны уже по одному тому, что во всех учреждениях сидели классовые враги деревенской массы. Тяжба крестьянина с помещиком была безнадежна для первого. До нас дошло много таких жалоб на разнообразные притеснения лордов, поданные в „Суды справедливости", как назывались тогда „Палата прошений" и „Звездная Палата"[1]. Но „справедливость" этих судов заключалась не в разборе дела по существу и по совести. Тяжба решалась в зависимости от того, насколько претензии жалобщика соответствуют нормам поместного обычая, записанного в особых книгах. Если они противоречат им, дело решается не

[1] Верховный королевский суд, заседания которого происходили в зале с потолком, украшенным звездами.

в пользу крестьянина. И не только обычай — этот хранитель феодальных прав собственника, но и общее право государства было таким же реальным орудием угнетения подчиненных классов. Но оно сильней всего обрушивалось на самые низы общества. Рабочий вопрос во всей своей широте встает уже в XVI веке и находит яркое отражение в законодательстве Тюдоров. Маркс недаром назвал рабочие статуты этой эпохи „террористическими законами".

Основная задача правительства заключалась в том, чтобы обеспечить предпринимателям дешевые рабочие руки; эта мысль и проходит красной нитью через все законодательство.

С ведома и согласия послушного парламента были изданы многочисленные акты, предусматривающие во всех подробностях отношения между трудом и капиталом: длина рабочего дня, распределение рабочих по отдельным производствам, обязательный срок ученичества, количество учеников в предприятиях и категории предприятий, имевших право брать себе учеников, нормы заработной платы, поведение и жизнь рабочего, случаи отказа от работы, побегов, незаконных собраний, попыток об'единений. Каждый закон неизменно заканчивается статьями о мерах наказания, разработанных с предусмотрительной точностью и последовательностью налагаемых кар — от тюрьмы и уродования физического до смертной казни. Даже изданные при Елисавете статуты о заработной плате, регулировать которые, в связи с повышением цен, должны были мировые судьи, — грозят штрафом и тюрьмой за случаи превышения установленной нормы и хозяину и рабочему и второго карают строже, чем первого. Но венцом рабочего законодательства Тюдоров являются законы о бедных, в которых все безработные, нищие, бродяги рассматриваются, как преступные элементы. На них карающая рука правительства обрушивается с неумолимой жестокостью. При Елисавете нищенство принимает настолько широкие размеры, что приходится вносить смягчения в существующие законоположения и принимать меры к организации общественной и государственной помощи бедным. Знаменитые законы о бедных, изданные при Елисавете, составили эпоху в социальной истории Англии и в течение двух с половиной столетий сохраняли свою силу, оказавшиеся удобным средством эксплуатации рабочей силы, и лишь накануне чартистского движения в 1834 г. они были заменены новым законом о бедных.

Таков был ход внутреннего развития Англии в эпоху хозяйственного переворота. Если мы сопоставим вместе

отдельные стороны описанного выше процесса, то ясно увидим, как и почему слагалось и внешнее могущество Англии и крепость ее государственного порядка. Эпоха Елисаветы, охватывающая вторую половину XVI века — как бы завершает первый цикл развития. Она, по сознанию многих англичан, представляется „Золотым веком", преддверием мирового владычества их родины. Англия создает к концу XVI века прочную основу для дальнейшего движения вперед, из сложного, многостороннего процесса, болезненного и бурного в своем ходе, вырастает государство. Окрепшее внутри, благодаря тесному союзу торгового капитала и нового землевладения, оно и с внешней стороны представляет весьма эффектное зрелище. Вспомним, что эпоха Елисаветы была также „Золотым веком" английской литературы, отмеченной великим именем Шекспира.

Творческий рассвет духовных сил Англии, переживавшей тогда свое „Возрождение", становится понятен, если мы поставим его в тесную связь с фактом ее материального и политического преуспеяния. Образы и мотивы английской литературы необычайно ярко и правдиво отражают подлинную реальную Англию той эпохи, они же вскрывают перед нами самую основу, породившую все это великолепие. Английская поэзия и драматургия слагают настоящие гимны золоту. В одном из таких гимнов, появившемся в 1600 году, мы читаем:

„Деньги любимец, источник всякой радости
„Деньги лекарство, целитель всякой скуки
„Деньги сокровище, человек хранит его в запасе
„Деньги кумир, его обожают женщины
. . . . . .
„Милые деньги, они правят подобно королям".

Англичанин времен Елисаветы уже преисполнен национальной гордости. В нем, в его духовном облике, уже складываются типичные черты, присущие английскому буржуа и джентльмену и в настоящее время. Современники — иностранцы оставили нам ряд характеристик, дающих правдивый образ будущего владыки морей: национальная гордость и холодное равнодушие к чужеземцам, предприимчивость и деловитость, любовь к наживе, доходящая до мелочности и расчетливости, независимость, свободолюбие и пристрастие к порядку, к обряду, установленным правилам. Буржуа и джентльмен в одинаковой мере наделены этими чертами, хотя они преломляются своеобразно в каждом из них.

Англия переходит в XVII век, оставив позади себя законченный этап развития, но в недрах сложившегося нового хозяйства и нового государственного строя уже были заложены и ясно наметились те силы, которые очень скоро привели Англию к новой революции. Их нужно искать в социальных соотношениях, создававшихся под непосредственным воздействием торгового капитала. Равновесие, установившееся между производительными силами Англии и новым социально-политическим порядком, не могло быть, устойчивым, так как оно не затрагивало во всем об'еме чрезвычайно сложного процесса социальной перегруппировки, в котором с самого начала давала себя знать не только „гармония интересов" близких по своему положению классов, но и социальные противоречия, порождавшие классовую борьбу. В верхах общественных, занявших господствующее положение в государстве — эти противоречия затушевывались, или еще не успели проявиться, но в средних, низших и беднейших слоях населения дух недовольства в различной степени и по различным побуждениям нарастал по мере того, как капитал производил свою разрушительную и революционизирующую работу.

Но XVI веке люди боролись и умирали за лозунги, далекие от интересов реальной жизни и мы напрасно будем искать в учениях реформации ясных отзвуков на современность и точно формулированных программных пунктов. Крестьянское восстание 1549 г. одиноко выделяется среди религиозных распрей, как ясно выраженное социальное движение. В ранний капиталистический период, при недостаточной классовой расчлененности общества, идеология и не может быть иной, она носит еще средневековую, ярко религиозную окраску, но именно в этой области общественного сознания движущие силы истории и пробивают первую брешь. Поэтому борьба, подсказанная насущными экономическими интересами, выливается в форму борьбы за веру и для XVI века нельзя еще говорить об определенной идеологии того или другого класса, но можно точно установить одно наблюдение: чем дальше религиозное учение отступает от оффициально признанных догматов веры, тем оно демократичнее. В самой страстности и непримиримости религиозных споров чувствуется их истинная, вполне реальная основа — резкий классовый антагонизм, противоречие интересов и земных идеалов. Реформация, имевшая место при Генрихе VIII, носила умеренный характер. Она утвердила в церковном управлении власть епископа, но последнего подчинила королю, который и стал возглавлять церковь взамен папы. В отношении догматов и обрядов еписко-

пальная церковь мало отличалась от католической. Также направление реформации вполне отвечало интересам верхних слоев английского общества, за исключением наиболее отсталых, феодальных его элементов, продолжавших исповедывать католицизм.

Но такое очищение старой феодальной церкви от „предрассудков" казалось недостаточным для ниже стоящих слоев. Отсюда в том же XVI веке возникает ряд более радикальных религиозных учений, об'единяемых понятием „пуританства" (по русски это слово и значит „очищение"). Пуританство шло гораздо дальше по пути очищения церкви от излишней обрядности и догматики, следуя заветам женевского проповедника Кальвина. Оно отрицало епископат, предлагая взамен его более демократическую систему церковного управления через посредство выборных священников (пресвитеров — отсюда и название последователей этого учения—„пресвитериане"), но в то-же время отвергало и католическую внешнюю обрядность и таинства. Пуританство было религией средних классов. Оно нашло себе сторонников в районах, затронутых промышленным развитием, в южной Франции (гугеноты), во Фландрии, в Восточной Англии и позднее в Шотландии. Уже по самому своему характеру это учение, выдвигавшее на первый план самоуправление церковной общины под руководством избранных пресвитеров — шло в разрез с господствующим не только церковным, но и политическим строем и вызывало суровые преследования. Но в самом пуританстве уже в XVI веке начались расслоения, выделились более крайние течения, связанные с именами отдельных проповедников. Крупнейшим из них был Броун, об'явивший в 1582 г., что всякая церковь, которая берет свое начало от светской власти, есть царство Антихриста. Броунисты и другие сектанты стояли за полную свободу и независимость религиозной общины в делах управления и отрицали всякую церковную власть[1].

Сторонников своих они вербовали в широких слоях фермерства и крестьянства, но существовать легально, в рамках существующего строя, они не могли и собирались тайно. Уже во второй половине XVI века разгорается ожесточенная борьба между сторонниками господствующей церкви и пуританством и в ходе этой борьбы, непрерывавшейся до самой революции, стал вырабатываться не только религиозный, но и социальный облик пуританина, каким мы его знаем по английской литературе и по характеристикам

[1] В XVII веке эти секты стали называться общим названием „индепендентов" или „независимых".

...менников. Стала принимать более отчетливые формы ...ританская идеология — как типичная идеология среднего буржуа и джентльмена, бережливого, расчетливого, строго деловитого, но в то же время и независимого в своих мнениях.

Таким образом религиозная борьба была уже ясным показателем того, что „гармонии интересов" приходил конец. Поведение парламента в век Елисаветы точно также далеко не было примерным. В нем уже сидели новые люди, они осмеливались подымать свой голос и оспаривать распоряжения правительства. Умная королева, чувствуя возрастающую силу общественного мнения, избегала конфликтов с парламентом, но уже при ее преемнике начинается борьба за права парламента, составляющая преддверие великой революции.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Англия в первой половине XVII века.

(Подготовка революции).

1.

При общем взгляде на жизнь Англии в первой половине XVII века, историка, прежде всего, поражает факт ее материального преуспеяния, необычайного роста богатства. Об этом наглядно говорят не только документы эпохи, но и цифры. И особенно красноречивую иллюстрацию представляют данные роста населения. По вычислениям экономистов XVII века, население страны в течение столетия увеличилось вдвое. При вступлении на престол первого Стюрта, Иакова I, оно не превышало двух с половиной миллионов душ, к началу XVIII в. равнялось $5\frac{1}{2}$ милл., к началу же революции и установления республики (1649 г.) составляло по приблизительному, конечно, расчету, не менее 4 миллионов. Рост народонаселения не был причиной, а был несомненным следствием и показателем необычайного развития производительных сил Англии. Но приведенные цифры, взятые сами по себе, слишком молчаливы и только в связи с конкретными историческими фактами, будут понятны и убедительны. В ряду этих фактов, на первом месте следует поставить резкий перелом, совпадающий с самым началом нового столетия,— во внешней торговле Англии.

Вспомним, что это был поворотный момент и в мировой торговле. Амстердам приходит на смену Антверпену, и Голландия снаряжает корабли в далекую Индию. Круг внешней торговли Англии к концу XVII века ограничен был европейскими водами, но в первые же годы нового столетия она этот круг прорывает; образовавшаяся, по типу голландской, английская Восточно-Индийская компания, в 1601 году предпринимает, всего на 5 кораблях, первое свое путешествие на Восток. Капитал, вложенный в это дело, составлял всего 74.000 фунт. стерл., в то время как голландская компания располагала 600.000 ф. ст., т.-е. в 8 раз больше. Но это скромное по размерам предприятие положило начало колониальной политике и морскому могуществу Англии. Важно здесь же отметить, что и организация заокеанских компаний строилась на новых принципах. Торговля приняла настолько широкие размеры, что правительство было не в состоянии регулировать ее при содействии непосредственно подчиненных ему органов. Удержав за собой право покровительства и опеки, оно перешло, по примеру Голландии, к системе акционерных компаний. Монополия передавалась целой группе лиц, вкладывавших в дело свои капиталы, и вся компания в целом получала громадные полномочия в отношении предоставленных им территорий. Район торговли значительно расширяется, он охватывает весь мир, и на этой арене в течение всего столетия идет упорная борьба за преобладание. Мало по малу английский купец становится твердой ногой в отдаленных частях земного шара и прокладывает путь к колонизации, которая приняла в XVII веке широкие размеры и составляет характерное явление английской истории XVII века. В процессе колонизации следует отличать две струи. Первыми колонизаторами были крупные купцы, создававшие себе опорные пункты для торговли и насаждения плантаций в целях приложения капитала. Но рядом с такой крупно капиталистической колонизацией шла другая, массовая. Из среды английского „джентри" устремлялись туда младшие представители фамилий, лишенные по английским законам права наследования [1]. На ряду с ними тянутся туда и представители других классов и по весьма различным побуждениям. Не малую роль играли преследования правительства, эксплуатация господствующих классов, малоземелье. Правда, и неподалеку от родного очага были удобные места для колонизации: северная окраина острова—Шотландия и расположенный к западу—остров Ирландия. Судьба этих стран,

[1] Имение после смерти отца переходило к старшему сыну.

заселенных кельтскими племенами, уже предопределялась фактом развития капиталистических отношений и вытекавшего из них процесса государственного об'единения. Англия неминуемо должна была поглотить своих соседок при первой же возможности. В XVII веке такое время наступило. Но в отношении Шотландии английское правительство с самого начала (еще в XVI веке) усвоило наступательную политику даже и после того, как эта окраина фактически об'единилась под властью Шотландской династии Стюартов. Быстрый экономический рост Шотландии, вслед за Англией, переживавшей тогда период ликвидации феодальных отношений, резко вскрыл здесь те же социальные противоречия, какие мы наблюдаем в Англии. Шотландский вопрос уже причиняет много беспокойства первым Стюартам и играет большую роль в подготовке и самом ходе революции. Несколько иначе складывались на первых порах отношения к Ирландии. Сюда в начале XVII века направились партии колонизаторов, в целях эксплуатации земельных участков, при чем, на ряду с обычными привилегированными компаниями, обосновались и колонии военного типа. Ирландия манила к себе плодородием своей почвы предприимчивых людей средних классов, в том числе и представителей „джентри", но уже эти первые попытки насаждения английской „культуры" неизбежно привели к войне с туземным населением и породили Ирландский вопрос, принявший грозный характер с самого начала революции.

Иначе протекала заокеанская колонизация, не связанная с „проклятыми вопросами" отечества и открывавшая широкое поле для выгодного помещения капитала. Она принимает массовый характер и в течение столетия неуклонно возрастает. Судьба этих колоний на первых порах сложилась неодинаково. На западно-индийские острова и в южную часть Сев. Америки, вслед за рядовыми колонистами, потянулись денежные люди, в особенности лондонские купцы. Они ставили себе определенную цель — насаждение табачных и сахарных плантаций для удовлетворения европейского рынка и развития внешней торговли. Очень скоро развитие крупных хозяйств создало потребность в рабочей силе и через оба важнейших порта Англии, Лондон и Бристоль, направились за океан, главным образом, в Виргинию, новые волны колонизаторов, но уже из другой социальной среды, далеко, впрочем, неоднородной: на ряду с обедневшими крестьянами и ремесленниками, было много рабочих и просто ниших и даже преступных элементов. Земельные собственники различных категорий — от ферме-

ров до представителей дворянства — не располагавшие крупными капиталами, точно также потянулись в Америку, населив преимущественно северные провинции. Здесь на первых порах преобладали лишь изолированные хозяйства, не рассчитанные на внешний сбыт, но в процессе дальнейшего развития разрозненные группы земельных собственников создали крупные территориальные единицы, положившие начало штатам будущей Заатлантической Республики.

Широкий поток английской колонизации, несмотря на все разнообразие побуждений, сгонявших людей с насиженных мест, был показателем силы и активности капитала, его стремления к расширению за пределы острова. Но и внутри, у себя на родине, он успешно продолжал работу, начатую еще в предшествовавшие столетия. Внешний облик Англии быстро менялся. Промышленные центры, возникшие до XVII в.— в восточных, центральных и юго-западных графствах — сохранили свое значение, благодаря прогрессу в основной отрасли промышленности — суконной. Англия начинает вырабатывать тонкие сорта сукон, чему способствовали последовательные переселения на Британские острова искусных мастеров-ткачей с континента; но уже в XVII веке ясно наметилось передвижение промышленного центра к северу и северо-западу. О Манчестере и Ланкашире мы уже имеем сведения от начала этого столетия, хотя скромный вид Манчестера не предвещал еще его великого будущего. Во всяком случае, северная часть острова вместе с Шотландией уже имеет довольно развитую текстильную промышленность. Ряд данных свидетельствует и о создании новых отраслей промышленности: производства бумаги, стекла, шелку, полотняных изделий. Но самым ярким показателем огромных перемен, вызванных развитием капитализма, является рост городов и особенно Лондона, который становится не только экономическим центром всей страны, но и средоточием мировой торговли. В данную эпоху значение столицы Англии определялось, прежде всего, ее удобным положением, как портового города. Он был складочным местом для многочисленных торговых компаний, доставлявших сюда товары со всех концов мира, он же был и главным доком, где строились и ремонтировались суда. Большое значение имела и королевская биржа, открытая в Лондоне еще при Елисавете (1550 г.). Основная часть Лондона — Сити была и денежным центром, привлекавшим сюда и провинциальное купечество и иностранный капитал. К концу столетия финансовое значение города настолько возрастает, что он превращается

в мировую биржу, продолжая сохранять свою роль об'единяющего в хозяйственном отношении центра для всей страны. Самый факт промышленного преобладания восточных графств в ранний период английского капитализма стоит в прямой связи с близким соседством столицы. Исключительная хозяйственная роль Лондона вызвала громадный приток сюда населения. В середине XVII века оно составляло больше 200.000, продолжая возрастать, несмотря на то, что город не один раз был жертвой пожаров и эпидемий. Страшная скученность, теснота при постоянной тяге сюда новых потоков людей, значительно раздвинула его пределы и вызвала рост предместий. Из всего сказанного вытекает вполне определенный вывод о громадном социальном и политическом значении Лондона и о той роли, какую ему суждено было сыграть в ходе революции. Классовые расслоения, формировка партий, выработка общественного мнения, нигде не могли зайти так далеко, как именно здесь, в этом многолюдном центре, собиравшем людей самого различного социального положения. И в то же самое время условия жизни города, перенаселенного, с антисанитарным состоянием улиц — давали яркие контрасты богатства и нищеты, создавали среду, легко возбудимую и восприимчивую к самым крайним революционным лозунгам. Характерно, что Лондон гораздо раньше, чем все остальные города Англии, перерос рамки муниципального строя, завещанного средневековьем. Городские власти уже не в состоянии были регулировать его общественную и хозяйственную жизнь, так как огромная политическая и общегосударственная роль Лондона отодвигала далеко на задний план узкие задачи чисто городского быта.

Из остальных городов только один Бристоль выдерживает в известных отношениях сравнение с Лондоном; в нем насчитывалось 48.000 жителей, и главное его значение определялось наличием порта. Все остальные города значительно уступают указанным двум хозяйственным центрам страны, в них еще крепки были корпоративные связи, не дававшие простора для дальнейшего роста производства на новых началах. Для расцвета городской жизни еще не наступило время; Англия XVII века продолжала оставаться страной по преимуществу земледельческой, о чем наглядно говорят цифры распределения населения, относящиеся к 1688 году: земледелием занималось тогда 4.265.000 чел., обрабатывающей промышленностью 240.000, торговлей 246.000. Как видим, количество людей, втянутых в торговлю и промышленность, значительно уступает массе сельского населения. Но приведенные цифры не могут дать полного

представления о степени проникновения капитала в производство. Не следует забывать, что и в XVII веке, несмотря на заметный рост городов, промышленность развивалась по селам и к концу века сделала даже заметные успехи, еще не сделавшись городской. Но еще более убедительны цифры, касающиеся цен на изделия шерстяной промышленности. В то время как цены на сырье и хлеб продолжают подниматься, цены на сукно, особенно низшего сорта, в общем, держатся одного уровня, что ясно указывает на рост производства. В XVII в., несомненно, существовал уже и внутренний рынок для сбыта товаров; Лондон окружен уже сетью дорог, идущих из различных частей королевства, при чем почта берет уже на себя перевозку товаров.

Несмотря на продолжающийся в XVII в. перевес земледелия над промышленностью, вся страна, в целом, уже вовлечена в довольно развитые капиталистические отношения. И ни в какой области хозяйства это не сказалось так резко, как именно в области земледелия. Правда, в XVII веке об огораживаниях мы слышим гораздо меньше, но это далеко не значит, что этот процесс приостановился: огораживание стало обычным явлением и не привлекает уже общественного внимания. Есть прямые указания на случаи огораживания, относящиеся ко всему столетию [1]. Пастбищное хозяйство развивалось, питая шерстяную промышленность. И здесь капитал сделал наиболее крупные завоевания. Тяга к земле в XVII веке была настолько сильной, что пробудила громадный интерес к незаселенным пространствам, пустошам, болотам, заливным участкам, не говоря уже о колонизации, направлявшейся по тем же побуждениям в близкие и далекие края. Индивидуальные и не совсем удачные попытки осушения залитых водой пространств, относящиеся к концу XVI и самому началу XVII века, очень скоро привели к грандиозным предприятиям, организованным по типу обычных для того времени компаний. Такая компания образовалась, например, в 1605 г. для осушения и превращения в культурную площадь Кембриджширских болот, составлявших не меньше 300.000 акров [2]. В 1632 году начаты были подобные же работы в Линкольншире и через 10 лет, несмотря на гражданскую войну, здесь уже были поля, засеянные хлебом. В период обострения революционной борьбы, эти предприятия, как увидим, породили широкое аграрное движение в различных

[1] Так, напр., в 1630 и 1631 г.г. в одном Лейчестершире было загорожено 10.000 акров земли и превращено в пастбища. В других графствах, особенно центральных, указания на огораживания довольно часты.

[2] Акр — поземельная мера, равняется 0,37 десятины.

частях королевства. В сельско-хозяйственных трактатах XVII века советы, как превращать невозделанные и мало пригодные пустоши в плодородные и прибыльные участки, занимают очень видное место. Таким образом, в XVII веке капитал продолжает устремляться к земле, но, в отличие от предшествующего столетия, эта тяга не только становится более настойчивой, она приводит и к расширению сферы его приложения. На ряду с пастбищным хозяйством развивается и полеводство и притом в различных направлениях. Именно этим и можно объяснить большое обилие и успех сельско-хозяйственной литературы. Таковы — „Диалог землемера" Нордена (1607), „Английский земледелец" Маркгэма (1613) и его же „Прощальный привет земледелию", трактаты о земледелии Гартлиба, Блитса, Платта, Вогана, Уорлиджа и других. Многие из этих трактатов неоднократно выходили повторными изданиями и находили живой отклик в передовых кругах сельского джентри и фермерства. Авторы указанных произведений знакомят английское общество с улучшенными способами ведения хозяйства, пропагандируют новые отрасли полеводства, ратуют за культуру корнеплодов, рационального луговодства, огородничества и попутно дают характеристику современного им английского земледелия. Несмотря на отсталость последнего в сравнении с Голландией, откуда и идут все новшества, в нем уже ясно наметился переход к более совершенным системам хозяйства. Но несомненные успехи в земледелии не могли, конечно, быть особенно велики. Авторы единодушно жалуются на гибельное влияние закрепленных в законе земельных порядков, лишавших земледельца уверенности в завтрашнем дне и сковывавших его предприимчивость. Из этих жалоб можно вывести заключение, что общинный строй еще преобладал в английской деревне, и от него страдали не только крупные, но и мелкие держатели, так как и для последних становилось уже выгодно совмещать полевое хозяйство с пастбищным. Указанные писатели настойчиво выставляют требование, чтобы вечнонаследственная аренда была заменена договором по найму. В какой мере предпринимательский капитал разложил уже старый аграрный строй, сказать трудно, но что он именно в этом направлении влиял на английскую деревню — несомненно. Цены на хлеб и другие сельско-хозяйственные продукты стояли высоко в XVII веке, но Англия в состоянии уже была вывозить хлеб заграницу. Это свидетельствует об успехах английского земледелия, работавшего уже и на сбыт. Приведенные факты позволяют сделать заключение, что и процесс разложения и процесс преобра-

зования затронул деревню гораздо глубже, чем город, где внутренняя организация производства, несмотря на все успехи суконной промышленности, туго поддавалась новым веяниям, вплоть до промышленного переворота в конце XVIII века. Соответственно с этим и социальные последствия, вытекающие отсюда, были для деревни гораздо более значительны, чем для города. Но это уже приводит нас к вопросу о социальных основах движения, которое началось в стенах парламента и непосредственно предшествовало революции.

2.

Припомним важнейшия события этого периода. В 1603 году вступает на престол новая династия — Стюартов, в лице Иакова I, фактически об'единившего две короны — шотландскую и английскую. Новый король является в Англии уже с навыками самодержца сложившимися у него в целую систему, в период управления Шотландией. На этой почве с самого начала начинаются столкновения с непокорными подданными. В 1604 году созывается первый парламент, который дал требуемую субсидию, но перед закрытием своих заседаний в представленной королю „Апологии" — указал на злоупотребления правительства и изложил свои взгляды на права палаты общин. В 1606 и в 1610 году парламент вновь созывается в прежнем составе. Расхождение с политикой короля становится все более и более глубоким. Попытки заключить „великое соглашение", в силу которого королю предоставлялась ежегодная субсидия, взамен феодальных поборов, окончилась неудачно. Парламент 1610 г. был распущен. Но через четыре года — в 1614 г. — под давлением финансовых затруднений — произведены были новые выборы, давшие оппозиционно-настроенное большинство. Через два месяца парламент был распущен за свое нежелание дать субсидию без гарантий. В течение семи лет король правил единолично, окружив себя фаворитами, но в 1621 и 1624 г.г. опять обращался к парламентам за субсидией. Результат получился тот же самый: пришлось раньше срока распустить палаты за попытки „вмешиваться в дела государственного управления". При втором Стюарте Карле I, вступившем на престол в 1625 году, борьба продолжается, но уже в значительно более сложной обстановке. Непримиримость противников возрастает. Парламент уже чувствует за собой поддержку за пределами своих стен, нарастающий дух недовольства и революционного настроения в стране; язык парламентских лидеров становится решительным и угрожающим. Но и король не хочет сдавать

своих позиций, он упрямо идет к намеченной цели — к самовластию, — не считаясь с оппозицией; — придумывает новые способы пополнения казны, вводит новые налоги, возобновляет давно уже забытые, созывает парламенты и, наталкиваясь на сопротивления, распускает их; пытается править единоличпо, но войны и восстания на северной окраине вновь вынуждают его обратиться к непокорным подданным. В первом парламенте 1625 г. гнев оппозиции направляется на всесильного королевского временщика герцога Бекингема, палата отстаивает свое право суда и контроля над действиями правительства. Парламент 1626 г. добивается уже предания Бекингема суду за мздоимство и превышение власти и на этом его заседания прерываются. В январе 1627 г., в связи с отказом лидеров оппозиции — Гемпдена, Джона Элиота и Вентворса платить новый налог на земельных собственников, король издает приказ об аресте ослушников. В 1628 году он, не дожидаясь постановления парламента, производит сбор пошлины с ввозимых и вывозимых товаров (так называемый „боченочный и фунтовый сбор") и встречает упорное сопротивление со стороны купцов. В том же году в атмосфере всеобщего возбуждения открывается сессия нового парламента, составляющая поворотный момент в борьбе противников. Король властно требует немедленного вотирования субсидии. Палата, уже с готовым решением, принятым на частном совещании, дает простор накопившемуся чувству гнева и раздражения и заканчивает свою краткую сессию изложением новых политических принципов в „Петиции о Правах". Вторая сессия парламента — 1629 г. направляет свои удары против союзника короля — епископальной церкви и против католиков, но одновременно об'являет врагом отечества всякого, кто будет содействовать взиманию „боченочного и фунтового сбора" без участия палаты, или согласится уплатить такой налог. Это и решило судьбу парламента. Наступает 11-летний период единоличного управления Карла I, в течение которого революционное настроение, в связи с произволом власти, делает громадные успехи. Созванный в 1640 г. парламент, получивший название „Долгого", уже через два года стал революционным парламентом и положил начало гражданской войне.

Таков сухой остов событий, предшествовавших революции.

Присматриваясь к поведению обоих Стюартов, мы не можем не заметить в капризных проявлениях их самовластия определенной системы и последовательности. Перед нами абсолютные государи, но их абсолютизм, несмотря на

кающееся сходство, совершенно иной, чем абсолютизм их близких по времени предшественников Тюдоров. Социальная основа власти Стюартов уже другая. Внутреннее развитие Англии с конца XVI века пошло настолько быстрым темпом, что уже в начале XVII века в среде дворянства идет процесс обособления отдельных его групп. Наиболее передовые слои, наряду с купечеством, проникаются духом капиталистической предприимчивости, принимая деятельное участие в торговых компаниях, в качестве пайщиков, в расширении овцеводства, в насаждении новых земледельческих культур. От этих деятельных элементов дворянства обособляется феодальная его часть, преимущественно на северо-западе Англии, сохранившая во всем своем укладе жизни—старые патриархальные черты и привычки, а также и прежние свои политические симпатии. Между этими двумя основными группами, составлявшими социальную базу абсолютизма Тюдоров, и наблюдается процесс резкого расхождения, который не мог не отразиться и на политическом строе Англии. Уже и в XVI веке королевский абсолютизм не чужд был феодальных элементов, но они не оказывали и не могли оказывать влияния на политику правительства, диктуемую насущными потребностями момента. В XVII веке английский торговый капитал уже перерастает тесные рамки абсолютизма, и вся политика Стюартов не отвечает интересам тех классов и групп, которые были носителями материальных производительных сил страны.

Вспомним все финансовые мероприятия Стюартов. Значительную часть королевских доходов составляют не субсидии [1], в которых парламент систематически отказывает, а поборы феодального характера, вытекавшие из давно уже забытых и утраченных феодальных прав короля. Так, напр., Иаков I широко использовал средневековое право опеки над малолетними вассалами. Право это в XVII в. превратилось уже в призрак, в простой пережиток феодализма. Король пытается оживить этот призрак и реализовать в звонкой монете, распоряжаясь имуществом малолетних. Таким же образом было использовано право постоя в домах вассалов, отчего пришлось откупаться тою же звонкой монетой. Снова ожили „добровольные приношения“, или принудительные займы у лондонских купцов. Создан был новый аристократический титул „баронета“, который и жаловался желающим за приличную сумму. Даже и для таких поборов, как пошлины с ввозимых и вывозимых товаров

[1] По давнему обычаю парламент предоставлял в распоряжение короля определенную сумму денег на удовлетворение государственных потребностей.

(„боченочные и фунтовые“ пошлины) и „корабельные деньги“ [1], король искал оправдания в прошлом, ссылаясь на прецеденты. Но „дух времени“ и здесь сказался в том, что обязанность уплачивать „корабельные деньги“, лежавшая на приморских графствах, была распространена и на внутренние графства. Широкая система монополий, столь характерная для раннего периода нового государства, составляла один из важнейших источников пополнения казны. Оба Стюарта присвоили себе исключительное право раздачи патентов на торговлю и внешнюю и внутреннюю. В результате создавалась привилегия немногих, служившая уже тормазом для хозяйственного развития Англии. И становится понятным, почему парламенты так резко выступили против таких привилегий.

Приведенные факты достаточно красноречиво говорят о том, что королевский абсолютизм в XVII в. оторвался от той социальной базы, в которой он почерпал силу и устойчивость в предшествующем столетии. На фоне необычайного роста материального богатства Англии, резко бросается в глаза огромная задолженность королевской казны. Она не имеет уже кредита на бирже, в виду явно непроизводительного употребления испрашиваемых „субсидий“. Происходит своеобразный процесс „феодализации“ английского абсолютизма. Это был, вместе с тем, и процесс вырождения, так как социальная основа власти представляла из себя тонкий верхний слой английского общества — „новая аристократия“, пришедшая на смену старой феодальной аристократии. Она была смешанной по своему составу, включая в себя и представителей крупного капитала, покупавших у короны патенты на монопольную торговлю, и новую придворную знать, которая не могла похвалиться древностью своего рода и восходила всего лишь ко времени распродажи монастырских имуществ при Генрихе VIII. Был еще и третий союзник короны — епископальное землевладение, крепко державшееся за королевскую власть, как за единственную свою опору.

Любопытна эволюция епископальной церкви в XVII в.— в сторону сближения с католицизмом. Церковное единообразие устанавливается сверху до мельчайших подробностей. „Нет епископа, нет короля“, говорит Иаков I. Из всех союзников короля епископ был самым надежным. Епископальная церковь освящала абсолютизм королевский своим

[1] Еще во времена Елисаветы к приморским графствам обращались с воззванием о поставке судов для защиты страны. Карл I делал это и в мирное время, а затем стал заменять поставку корабля денежным сбором, распространив его на всю Англию.

идейным авторитетом, в свою очередь почерпая силу в королевской щедрости. „Без денег не может процветать ни церковь ни государство", заявлял архиепископ Лод, верный союзник Карла I в его борьбе с подданными. Не случайно, что и отношение к католикам, сперва враждебное, становится более терпимым при втором Стюарте. Понятны становятся и международные комбинации, к которым примыкал Карл I, и даже его женитьба на французской принцессе. Наконец, вполне гармонирует с указанными чертами абсолютизма Стюартов и их идеология, изложенная в собственном трактате Якова I: „монархический строй, заявляет король, есть нечто великое на земле, ибо короли не только наместники бога на земле и занимают трон его, но даже самим богом называются добрыми". На английской почве эти идеи кажутся таким же призраком прошлого, как и феодальные права, которые Стюарты стремятся воскресить. Социальная основа быстро обветшавшего здания королевского абсолютизма чрезвычайно слаба и неустойчива. Король правит, опираясь лишь на своих фаворитов и тайный совет, который послушно регистрирует высочайшие постановления. За королем шла сравнительно немногочисленная группа, в которой заметно выделяются паразитические элементы английского общества, окружавшие его престол и феодальное дворянство отсталых графств.

Королю и его фаворитам противостояла, в лице пуританских депутатов капиталистическая часть Англии, кровным образом заинтересованная в разумном и прибыльном ведении хозяйства, в надлежащем и вполне определенном направлении внешней политики, в экономном расходовании государственных финансов и в планомерной и согласованной с ее интересами работе государственных учреждений. Оба основных класса, выдвинутых хозяйственным переворотом, настолько уже чувствуют свою силу и настолько уже сознали свою роль в государстве, что стремятся сами стать его хозяевами и в лице парламента хотят создать главный, руководящий орган страны.

В частности, английские джентльмены и сквайры, заводившие пастбищные хозяйства и начавшие применять новые системы полевого хозяйства, заинтересованы были в том, чтобы устранить с пути, задерживающие дальнейшее развитие, феодальные пережитки. Мы видели, что в XVI веке феодальные обычаи были на руку владетелям маноров (поместий). При помощи их они держали в узде крестьянина, мелкого арендатора, приспособляя давно отжившие обломки феодального права к изменившимся условиям денежного хозяйства. Низкий уровень арендной платы

и тогда уже им был невыгоден, но они широко использовали право „допуска", — возобновления аренды для повышения крестьянских платежей. В XVII веке и это становится уже невыгодным, и лендлорды усиленно заботятся о том, чтобы заменить вечно-наследственную аренду краткосрочной арендой по договору, при наличии которой они могли бы учитывать меняющиеся условия рынка и соответственно повышать арендную плату. Только в более отсталых северных графствах еще остаются в силе крепостнические отношения; на востоке и в центре последние становятся уже помехой для помещика. Феодальные права были не только невыгодны, но и обременительны для передового джентри, так как служили поводом и источником для королевских поборов.

Таким образом, экономические и социальные мотивы предопределяли оппозиционную тактику средних классов. И становится совершенно понятным возрастающее сопротивление парламента политике короля. За лидерами оппозиции стоял не один только парламент, но и огромная часть купечества и дворянства, об'явивших войну феодальным группам, возглавляемым королем. Примирения здесь быть не могло, возможна была только борьба. В процессе этой борьбы стали все отчетливей выясняться конечные ее цели, по мере того как развивалось классовое самосознание парламентской оппозиции. Эти цели нашли яркое отражение в „Петиции о правах" 1628 г. Задача политическая в этом документе уже определенно поставлена. Но рядом с ней стояла и другая задача — социальная: упразднение остатков феодализма.

Ранний период правления Карла I до созыва Долгого парламента, и был временем идейной и организационной подготовки революции.

Но революция имела и более глубокие корни. Она вовлекла в движение и ниже стоящие классы, для которых первая половина века точно также была периодом постепенного нарастания, революционного настроения. В английской деревне XVII века процесс расслоения, наметившийся в предыдущем веке, создал сложную картину социальных взаимоотношений. Рядом с помещиком стоит фермер-предприниматель, который платит собственнику земли высокую аренду, но успешно возмещает ее прибыльной эксплуатацией разумно поставленного капиталистического хозяйства. Он ярый враг феодальных пережитков и феодального дворянства и безусловный сторонник парламентской оппозиции и притом наиболее радикальной. Ниже его стоят „йомены", составляющие основное ядро сельского населения, но до-

вольно сложное по своему составу и происхождению. Сюда входят и мелкие собственники-крестьяне и фригольдеры (свободные держатели) и многочисленная и пестрая группа зависимых держателей, над которыми в большей или меньшей степени тяготели остатки крепостничества. На положении этих групп одинаково тяжело отражаются и феодальные права собственников и столкновение интересов, вызываемых притоком капитала к земле. Более отсталые представители дворянства извлекают выгоду из феодальных платежей и различных повинностей, лежавших на крестьянстве, а передовые представители того же класса, вместе с крупными предпринимателями, подрывают благосостояние крестьян и арендаторов, пользуясь резким повышением в XVII веке капиталистической земельной ренты, к которой они и приравнивают платежи, следуемые с крестьян в силу свободного договора. Краткосрочность новой аренды создает у среднего крестьянства неуверенность в завтрашнем дне и сковывает его предприимчивость, особенно в связи с непрекращающимися захватами крестьянских земель и загораживаниями общинных участков. Но и в рядах самого крестьянства наблюдается расхождение и противоречие интересов между различными группами, входящими в состав сельской общины. Для наиболее сильных экономически групп, общинные распорядки землепользования становятся уже стеснительными и невыгодными, в то время как отсталые элементы деревни цепко держатся за общину, как за единственное средство спасения. К этим элементам следует отнести многочисленных мелких держателей, арендная плата которых не даром получила прозвище „голодной ренты“; она поглощает весь земельный доход таких держателей и обрекает их на полуголодное существование. Лишь в восточных и центральных графствах их положение было сравнительно более устойчивым поскольку развитая текстильная промышленность давала возможность дополнительного заработка.

Из сказанного можно сделать заключение, что растянувшийся на полтора столетия процесс разложения аграрного строя в первой половине XVII в., создал уже готовую почву для сложной классовой борьбы в деревне и для массовых движений деревенского населения. Мы, в действительности, и видим, что настроение последнего становится все более зловещим по мере того, как мы подходим к моменту гражданской войны. Отдельными проявлениями недовольства отмечена вся первая половина этого века. Так, мы имеем сведения о волнениях 1607 г., вызванных огораживанием крестьянских земель в центральных графствах.

Но самые крупные проявления недовольства относятся уже к правлению Карла I и возникают в связи с обширными предприятиями 1626 г. по осушению болот и дренированию заливаемых водою пространств в Линкольншире и Кэмбриджшире. Предприятия эти вызвали резкие протесты со стороны окрестного населения — главным образом, фермеров и копигольдеров. В 1637 году в Кэмбриджшире местное население привело свои угрозы в исполнение и начало разрушать шлюзы. „Нас разоряют, заявляли крестьяне, чтобы наделить новыми пастбищами телят эссекских. Все осушено, а нам остается только умереть". Немного позднее еще более широкое движение возникло в Линкольншире, где были испорчены посевы на участке в $4^1/_2$ тыс. акров, разрушены дома, захвачен скот. Движение это, начиная с 1642 г., продолжалось ряд лет, приняв революционный характер. Причина недовольства крестьян, была вполне определенная: частные предприниматели, взявшие на откуп у правительства заливаемые морем берега, лишили крестьян лучших участков земли, на которых пасли скот, и оставили в их распоряжении бесплодные пустыни. Подобные аграрные бунты вспыхивали и в других местах королевства и чем ближе к началу революции, тем чаще. При этом следует заметить, что крестьянские волнения XVII века не всегда вызывались огораживаниями, направленными на производительные цели. В более отсталых графствах земли также огораживались, но исключительно для удовольствия феодальной части дворянства, захватывавшей крестьянские участки для устройства охотничьих парков и разведения дичи. Еще в конце XVI века английский писатель Гаррисон жалуется на то, что „место людей занимают дикие звери". На этой почве возникает ряд волнений, которые принимают очень серьезный характер в середине XVII века.

Если мы от английской деревни обратимся к городу, то и здесь заметим довольно сложную классовую группировку городского населения с тою только разницей, что процесс социального расслоения не был здесь таким резким, как в деревне. Английская промышленность в течение всего XVII и значительной части XVIII столетия сохраняет еще цеховые формы организации производства, исключавшие всякую возможность для свободной предприимчивости. Старые „корпоративные" города были оплотом строго регламентированного производства и привилегий замкнутых цеховых корпораций. Разлагающее действие капитала внутри стен таких городов могло быть только медленным, тем более, что королевский абсолютизм в лице Стюартов шел навстречу интересам городских корпораций. Но экономическое

развитие Англии — сильнее, чем где бы то ни было, — пробивало брешь и в этой твердыне средневековой корпоративности. Старые города хиреют, а взамен их, вырастают новые промышленные села и местечки, из которых в следующем столетии возникают новые городские центры. Капиталистическое развитие идет мимо старого города с его цеховой промышленностью и мы слышим в многочисленных петициях того времени жалобы на незаконное обогащение новых промышленных местечек. Даже Лондонское Сити — средоточие английского капитала считает себя кровно задетым непрошенной конкуренцией пригородов, которые не хотят считаться с закрепленными в статутах правами цеховых мастеров и ремесленников. Могущество торгового капитала, почерпавшего свою силу в вывозе преимущественно сукон, настолько уже велико в XVII веке, что цеховая промышленность попадает в зависимость от скупщика, вывозящего товары за границу. Последний и диктует свою волю цехам, учитывая потребности рынка. Но и внутри цеха по действиям тех же причин идет процесс глубокого социального расслоения. Мастера, заправилы цеха, превращаются мало-по-малу в купцов и скупщиков, подчиняя себе других членов цеха. Этот процесс идет и дальше: отдельные ремесленные цехи превращаются в торговые, а иногда они заключают между собой союзы и становятся крупным капиталистическим предприятием, подчиняющим себе ремесленников не только городских, но и деревенских. Чаще всего это происходит с цехами, представляющими отдельные стадии производства, например, шерстобитным, ткацким и красильным. Но, разумеется, таким цеховым об'единениям трудно было бороться с преобладающим влиянием на рынке крупного торгового капитала, и английские цехи теряют свое значение в производстве, которое всецело подчиняется требованиям широкого рынка. На этой почве создавалось противоречие интересов между представителями цеховой промышленности и торговой буржуазии. Но и в среде английского купечества мы точно также наблюдаем резкое расхождение интересов. Яркий пример такого расхождения дают прения, возникшие в самом начале XVII века, в палате общин, по вопросу о „свободе торговли". Свобода в данном случае отнюдь не мыслилась беспредельной: речь шла о предоставлении всем английским купцам права заниматься торговлей и об устранении привилегий немногих. Парламентский отчет отмечает, что в связи с обсуждением билля о свободе торговли на заседание специальной комиссии, посвященной этому вопросу, явилось большое количество суконщиков и купцов со всех

частей королевства, особенно много из Лондона. Участники комиссии единодушно жаловались на засилье богатых лондонских коммерсантов, составлявших едва четвертую часть всего купечества, а один из ораторов определенно указал, что английская торговля в целом находится в руках каких-нибудь 200 лиц, к явному ущербу для остальных торговцев. Любопытны и результаты голосования: билль был принят подавляющим большинством голосов, против 40, при шумном одобрении палаты. Но в верхней палате билль был отвергнут и лишь через два года были сделаны частичные уступки, не подорвавшие, однако, монополии компаний и преобладающего положения Сити. На протяжении всего столетия монополия немногих продолжает оставаться характерной чертой английского торгового капитализма, но столь же характерным было и неизменно враждебное отношение к привилегированным компаниям широкой массы среднего купечества.

Процесс расслоения в среде ремесленников был менее заметным, но и здесь новые хозяйственные условия создавали рознь между различными цеховыми корпорациями. Мастера по самому своему положению становились в ряды среднего городского класса. Подмастерье занимал промежуточное место в городской общественной иерархии, а ниже его стоял ученик, проходивший, согласно статутам королевства, семилетний курс обучения. Между указанными группами не было и не могло быть солидарности, но их все же до известной степени об'единяло враждебное отношение к „новшествам", к конкуренции, вызываемой развитием домашней промышленности в деревнях. С другой стороны, между мастером и учеником не было непроходимой пропасти, так как английский „ученик" XVII века по своему социальному происхождению далеко не был пролетарием. В значительной своей части это были младшие сыновья представителей средних классов, в том числе и джентри. Даже в Лондоне, где сильнее сказывались социальные противоположности, ученики, составлявшие легко возбудимый элемент населения, — не всегда были революционны в своих настроениях и действиях.

Только один класс городского населения Англии одинаково чувствовал на себе и гнет старинных привилегий, и разрушительное влияние капитализма — это рабочий класс. В XVII веке его кадры пополняются обедневшими элементами деревни, а его материальное положение резко ухудшается даже сравнительно с предыдущим столетием. Закон Елисаветы 1563 г., установивший периодическую нормировку заработной платы, продолжал применяться на

всем протяжении XVII в., в то время как цены на хлеб и другие предметы первой необходимости неуклонно возрастали, делая иногда большие скачки вверх, под влиянием обесценения денег и от ряда других причин. Положение рабочего еще более ухудшалась оттого, что реальная заработная плата была значительно ниже денежной платы. Начиная со второй половины XVI века мы наблюдаем неуклонное ослабление покупательной способности рабочих, несмотря на то, что денежная плата, хотя и медленно, но повышалась. По вычислениям английского экономиста-историка Роджерса — английскому рабочему — необходимое годовое количество хлеба стоило — в 1533 г. — 14—15 недель работы, в 1564 г. — 20 недель, в 1593 г. — 40 недель, в 1610 и 1653 г. — 43 недели, в 1684 г. — 48 недель. В периоды кризисов, которые были знакомы и английскому капиталу XVII века, на почве жестокой безработицы, рабочие не могли вырабатывать даже и голодной нормы для поддержания своего существования. Настроение их становилось грозным и приводило к резкому проявлению недовольства. Рабочими волнениями особенно богато последнее десятилетие, предшествующее революции, начиная с 1629 г. Английский рабочий, доведенный до последней степени обнищания, не находил защиты и в законе, который, наоборот, грозил ему самыми суровыми карами за всякое посягательство на собственность, держал на голодном уровне его заработную плату, сковывал его свободу, порождал в его душе глубоко враждебное отношение ко всему существующему строю и делал совершенно равнодушным к политическим лозунгам парламентской оппозиции. Все гарантии свободы и неприкосновенности были не для него и английский рабочий одинаково ненавидел и королевский абсолютизм и политические права пуритан.

Такова сложная и пестрая картина социальных отношений Англии накануне революции. Духом недовольства и возмущения была охвачена подавляющая часть населения. Мотивы недовольства были различны, но социальные противоречия между отдельными классами и группами были еще затушеваны — и основным фоном борьбы продолжало оставаться всеобщее раздражение против короля и его сторонников, пока, наконец, гражданская война не внесла разложения в единый фронт борцов за парламентскую свободу. Зачинателями и организаторами революции были имущие классы — купечество и джентри, к ним примыкали соседние группы фермеров, ремесленников и крепкого крестьянства, — вся же остальная масса населения, — полупролетарская и пролетарская, доведенная до отчаяния

тяжелыми материальными условиями была втянута в гражданскую войну без ясного сознания конечных целей борьбы. Наиболее сильные материально классы — уже были подготовлены за период первых Стюартов к тому, чтобы выставить определенную программу политических и социальных требований. Остальные участники революции не имели самостоятельно выработанной программы, но вопрос аграрный — ставился на очередь дня уже в силу указанных выше глубоких изменений в поземельных отношениях деревни, а в ходе революции он очень скоро стал одним из наиболее острых и боевых вопросов; ему суждено было сыграть громадную роль в процессе формирования политических партий.

В рядах сторонников короля бурные события кануна гражданской войны точно также не прошли бесследно; число их заметно увеличивается с того момента, когда становится неизбежной открытая классовая борьба. На сторону короля переходят не только феодальное дворянство северных графств, но и более передовые представители этого класса, отчасти уже затронутые духом торговой предприимчивости. В лагерь короля их толкала отнюдь не симпатия к абсолютизму, а скорее нерасположение к наиболее передовым и радикальным представителям своего же класса. В подготовительный период революции социальные противоречия — выливались в форму идеологических противоречий. По мере того как развивалось классовое самосознание будущих борцов за парламентский суверенитет, программные требования принимали характер весьма радикальных лозунгов, которые не могли не отпугивать робких и нерешительных, тем более, что революционная идеология носила ярко религиозную окраску. Здесь сказалось резко враждебное отношение старой „веселой Англии" — к новой пуританской Англии, безусловных монархистов и верноподданных короля — к будущим республиканцам, носителей полуфеодального быта к новым людям с иной совершенно психикой и с иным бытом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Гражданская война и революция.

1.

К сороковым годам XVII столетия — в силу описанного выше сложного процесса хозяйственных и социальных изменений, Англия уже стояла перед неизбежностью революции. Нужен был только толчек для того, чтобы создавшиеся глубокие противоречия во всем внутреннем строе английской жизни выступили наружу и положили начало открытой революционной борьбе. Далеко не случайным было, что именно в сороковых годах Англия стала ареной гражданской войны. Внимание историка при изучении этого знаменательного периода английской истории невольно приковывается — к самой обстановке, в какой началась революция: „личный режим" Карла I, пытавшегося править страной без содействия парламента, усиленное взимание всякого рода поборов и особенно корабельных пошлин, неудачная попытка захвата испанского серебряного транспорта на море, войны на континенте, война с соседней Шотландией, страшный застой в торговле и усиленная эмиграция в Америку торгово-промышленного пуританского населения, безработица в среде беднейших классов, голод, чума, периодически опустошавшая наиболее населенные центры страны и особенно Лондон — все это и многое другое создает сложную картину тяжелого положения страны накануне революции. Беспарламентское правление Карла I, сопровождавшееся разгулом „личного режима", расцветом системы монополий, спекуляцией с „корабельными деньгами", экспедицией королевского временщика Страффорда в Ирландию и Шотландской авантюрой самого Карла, массовой эмиграцией пуритан в Америку и норвичских ткачей в Голландию — приводят в 1640 году к жестокому кризису, принявшему затяжной характер и растянувшемуся на весь период гражданской войны и революции. В петициях этого времени — жалобы на застой в торговле и упадок промышленности — становятся общим местом. Жалобщики указывают, что „упала в цене шерсть, основной товар королевства и не находит сбыта; торговля и промыслы пришли в упадок, многие бедные люди не имеют работы, моряки потеряли заработок и вся страна сильно обеднела к великому бесчестию этого королевства и к стыду для его правительства".

В обстановке хозяйственной разрухи, тяжело отзывавшейся на положении всего населения Англии, началось восстание в Шотландии, где в течение всей первой половины XVII века на почве разложения феодального порядка шла ожесточенная классовая борьба, выливавшаяся в форму борьбы за религию. Пуританизм глубже и раньше укоренился в Шотландии, чем в Англии и находился в резкой оппозиции против абсолютизма Стюартов, которые посягали на церковные земли, находя себе в этом поддержку у шотландских епископов. Сигналом к шотландской революции послужила реформа богослужения, затеянная епископами в 1637 году. В Эдинбурге, столице Шотландии, образовалась революционная организация „Четырех скрижалей", преобразовавшаяся в 1638 году в более обширный „Национальный Ковенант" (Народный союз), который выступил не только с требованиями церковной реформы[1] на основе пресвитерианства, но и с настоящей политической программой, отстаивавшей права свободного парламента в противовес королевско-епископскому абсолютизму. Перед Карлом I встала очень серьезная задача усмирения Шотландии — при отсутствии войска и финансовом крахе. После ряда неудачных попыток изыскать необходимые для ведения войны средства путем принудительных займов у подданных, внешнего займа под залог английских торговых судов у Испании и „временной" конфискации иностранных ценностей, король вынужден был созвать 13 апреля 1640 года парламент, получивший название „Короткого парламента". Этим неизбежным шагом он открыл двери революции, которая, в сущности, и началась в стенах Вестминстера[2], но еще сохраняла облик легальной парламентской оппозиции. Попытка Карла I добиться субсидий от парламента оказалась совершенно безрезультатной. Игнорируя настойчивые требования короля, палата общин подвергла суровой критике деспотическую политику правительства и принципу королевского бесконтрольного абсолютизма противопоставила новый принцип, формулированный лидером оппозиции Пимом, в следующих словах: „Власть парламента в политическом организме соответствует разумным способностям души человека".

Соглашение было невозможно, и 5 мая Карл распускает парламент, но уже на другой день стало ясно, что Англия стоит в преддверии событий более грозных. На

[1] Сущность ее сводится к уничтожению епископата и передаче церковного управления в руки выборных пресвитеров (священников).

[2] Здание Вестминстерского аббатства, в котором происходили заседания парламента.

улицах Лондона уже назревала революция, она царила в умах населения и заявляла о себе в шумных демонстрациях подмастерьев и учеников, в угрожающем поведении толпы, приписывавшей роспуск „Короткого парламента“ — козням архиепископа Лода, в многочисленных петициях, об'единявших самые разнородные круги населения столицы. В обстановке продолжающегося кризиса, на который мы находим ясные указания в петициях, король с необычайным упорством искал выхода из создавшегося положения. Нужны были войска и деньги для подавления Шотландской революции. Но ни выпрошенная Страффордом у покорного Ирландского парламента субсидия, ни вымогательства у собственных подданных и спекуляции с феодальными правами, ни принудительный набор войск — ощутительного результата не дали. Возбужденное и зловещее настроение разливалось по всей стране; война с Шотландией была непопулярна и не встречала сочувствия в широких массах населения и, прежде всего, в английской армии. Шотландское восстание представляло серьезную угрозу для королевского абсолютизма и в самой Англии, оно могло лишь поддерживать революционное настроение в классах, оппозиционно настроенных, в рядах роялистов поселяло тревогу, пугая их призраком наступавшей революции. Карл I вынужден был пойти на компромисс, вступить в переговоры с шотландцами и уступить, наконец, настойчивому требованию почти всей страны о созыве парламента.

3 ноября 1640 года открылась сессия замечательного в истории Англии, „Долгого парламента“. В нем сидели виднейшие представители средних классов, с сильным преобладанием землевладельческих групп. Земельная собственность членов долгого парламента в три раза превышала владения членов палаты лордов. Много было здесь и представителей торгового капитала, меньше, но довольно сильно, было представлено английское фермерство и крестьянство. Все эти разнородные группы идеологически об'единяло пуританство; оно было в ту пору уже не простым исповеданием новой религии, но и широкой политической платформой, на которой сошлись разнородные социальные элементы от купечества и джентри до крестьян включительно. Иаков I когда-то обмолвился замечанием, оказавшимся пророческим: „монархия также хорошо мирится с пресвитерианством, как бог с чортом“. В данный момент пуританских депутатов уже об'единяла общая ненависть к абсолютизму короля, в последующем ходе революции она привела к принципиальному отрицанию и самой монархии, но к этому конечному итогу пуританская идео-

логия пришла лишь ценою социального расчленения и расхождения в среде единой парламентской и вне парламентской оппозиции. С созывом Долгого парламента период подготовки революции завершился. Наиболее могущественные материально—средние классы наметили и в общих чертах выработали свою политическую и социальную программу еще в 1628 году в „Петиции о правах"; бесконтрольное хозяйничанье короля в последующие 11 лет привело к организации борьбы за ясно уже сознанные и формулированные права. И первые заседания нового парламента вводят нас уже в обстановку настоящей революции. Поведение оппозиции и короля ясно показывало, что речь идет не о соглашении, а о борьбе, о тактических шагах, направленных к тому, чтобы усыпить бдительность противника и выиграть время для организационной подготовки неизбежного открытого столкновения. В то же самое время начавшаяся в стенах парламента революция была лишь ярким отражением революции вне его стен, на улицах и в предместьях Лондона и в различных частях королевства.

С первого же дня своего существования Долгий парламент стал фактическим обладателем верховной власти в государстве. Он чувствовал свою опору в настроениях подавляющей части населения и с твердой, расчетанной решимостью направил первые свои удары на главных пособников королевского деспотизма. При всей своей внешней лойяльности, парламент часто осуществлял свою власть революционными методами, руководствуясь исключительно соображениями тактической целесообразности и предусмотрительности. Такими именно мотивами подсказано было важнейшее мероприятие парламента — в начальный период его деятельности — организация судебного процесса против графа Страффорда, бывшего раньше ярым защитником парламентских вольностей, но уже давно ставшего главным орудием короля, наиболее умным и надежным его помощником. Печальную славу Страффорд создал себе особенно с 1633 г., когда он, в качестве наместника, отправился в Ирландию и стал проводить там беззастенчивую политику угнетения и тирании, не считаясь с интересами не только туземного обездоленного населения, но и английских колонизаторов. Страффорд ставил своей задачей выколачивание денег для Карла I и на этом пути не останавливался перед насилиями, угрозами, конфискациями, штрафами, арестами, нарушениями закона, вызвав против себя всеобщее озлобление. Ирландская политика Страффорда переполнила чашу терпения у парламентской оппо-

зиции и 11 ноября 1640 г. вождь ее Пим выступил в палате общин с обвинением королевского временщика в государственной измене.

Обвинению был дан ход, и после долгого разбирательства и противодействия сторонников могущественного фаворита, на основании изданного палатой нового закона, не требовавшего исчерпывающих доказательств виновности, — Страффорд был приговорен к смертной казни, которая и была совершена над ним 12 мая 1641 года.

Устранение политических противников и самого опасного из них—графа Страффорда,—было тактическим ходом, направленным по существу против самого короля и его прерогатив. Старый аппарат управления, придававший еще недавно такую силу королевскому самовластию, был парализован, и парламент фактически осуществлял всю полноту государственной власти. Он определял субсидии [1] и установил строгий контроль за их расходованием, прибегал к внутренним займам, вел переговоры с шотландцами о заключении мира, распределял жалованье в армии, отменял постановления королевского суда и освобождал из заключения жертв королевского произвола, устроил торжественную встречу выпущенным из тюрьмы защитникам народной свободы — Лильборну и его товарищам. Но одновременно с этим парламент стремился и юридически закрепить за собою перешедшую к нему государственную власть. Актом 19 января 1641 г. устанавливается для созыва парламента трехлетний срок, по истечении которого он собирается помимо короля, причем право созыва предоставляется 12 лордам, а в случае их нежелания шерифам в провинциях и мэрам в городах [2] и даже самим избирателям, если высшие органы управления не воспользуются своим правом. Одновременно с этим выносится и другое постановление, воспрещающее распускать парламент без его согласия ранее 50 дней со дня его открытия. Вскоре после этого акта парламент еще более закрепляет фактически создавшееся положение официальным упразднением королевских бюрократических органов, преимущественно судебных: Звездной палаты, высокой комиссии, (высший церковный суд), совета севера, Уэльского совета и устанавливает одинаковую для всех подсудность судам общего права. Точно также приняты были законодательные меры к предотвращению на будущее время

[1] Так назывались суммы, отпускавшиеся в распоряжение короля парламентом.

[2] Шерифы — первоначально были правителями графств, в XVII веке круг их деятельности сильно сузился. Мэр—городской голова.

личного произвола в области финансовой политики: специальными биллями об'явлены незаконными корабельные сборы, принудительное принятие рыцарского звания, лесные суды, расширявшие границы королевских лесных дач [1]. Все налоги, в силу особого постановления палаты, могли взиматься не иначе, как с согласия парламента.

К этим немногим актам и свелась политическая реформа Долгого парламента в первые месяцы его деятельности. Она нашла решительную поддержку со стороны огромного большинства оппозиционно настроенного населения и не встречала резкого противодействия даже в палате лордов. Но такое единомыслие не могло быть продолжительным; события неумолимо развивались дальше и выдвигали перед оппозицией вопросы, вокруг которых сильнее разгораются страсти, начинается расхождение недавних союзников и мало по малу создаются партийные группировки. Поворотным моментом в ходе событий была казнь Страффорда, означавшая поражение и крах абсолютизма. Победа была одержана крупная, но революция еще только начиналась и вступала в новую фазу. Уже и раньше стало намечаться расхождение в среде депутатов по некоторым вопросам, на первый взгляд далеким от политической злобы дня и особенно по вопросу об епископате. Оппозиция воздвигает гонение на епископов прежде всего по соображениям политического порядка; в ее глазах епископат был оплотом королевского самовластия и, как таковой, должен был разделить участь всех других пособников угнетения и врагов парламентских привилегий. На этом сходились представители различных течений от умеренных до наиболее крайних, пока вопрос ставился лишь в общей форме.

Но после казни Страффорда многим стало казаться, что пора остановиться и что проведенная политическая реформа представляет уже достаточную гарантию против побежденного врага. В этот переходный момент внесенный в нижнюю палату билль об упразднении епископата сыграл решающую роль в последующей судьбе многих представителей средних классов, стоявших на распутьи. Возникшие в палате разногласия и в данном случае отражали лишь то, что составляло жгучую злобу дня за ее стенами. Вопрос об епископах волновал население столицы не меньше, чем

[1] Карл I воспользовался давним постановлением короля Эдуарда I, обязывавшим всякого владельца земли с ежегодным доходом в 20 ф. стерл. и выше принимать рыцарское звание под угрозою штрафа. Лесные суды ведали правонарушениями во владении и пользовании лесами.

парламент и вербовал новых сторонников пресвитерианству и более крайним течениям. Прения в палате общин при обсуждении „билля о корне и ветвях“ вскрывают перед нами подлинную и вполне реальную основу резких разногласий по этому вопросу. Для этого стоит только прислушаться к речам парламентских ораторов. Предложение уничтожить епископат встретило упорное противодействие не только безусловных сторонников господствующей церкви, но и врагов ее, еще недавно громивших прелатов английских, как посягателей на свободу и собственность. Наиболее характерным было выступление Эдмунда Уоллера, взявшего на себя защиту епископата, как оплота против посягательств со стороны народных масс. „Если этот оплот будет разрушен народом“—заявляет депутат,—„и этим будет разоблачена тайна, что мы ни в чем не можем ему отказать, чего он требует, то на нас ляжет не менее трудная задача защищать нашу собственность от народа, как недавно нам приходилось защищать ее от прерогатив короля“. Развивая дальше свою мысль, оратор предостерегает, что чрезмерно радикальное решение обсуждаемого вопроса неминуемо приведет к требованию безусловного равенства в светских делах и к аграрному закону. Отдельные места его речи звучат как настоящее пророчество. „Я уверен, восклицает он, что если когда-нибудь станут требовать равного распределения земли и имуществ, то будут ссылаться на такое же множество мест из библии, которые, повидимому, говорят в пользу этого, какое приводится теперь против учреждения прелатов и земельных имуществ церкви. А что касается злоупотреблений, то, если вам рассказывают в петициях, что тот или другой бедняк вытерпел от епископов, вы можете также получить тысячи примеров того, как тяжело приходилось разным бедным людям от их лендлорда и тысячи фактов о светских именнях, которыми злоупотребляли во вред другим и в ущерб их собственникам“. Депутат Уоллер ярко и откровенно выразил лишь то, что составляло преобладающий мотив в дебатах, развернувшихся вокруг указанного вопроса. Подобные выступления были не единичны и свидетельствуют о том, что в среде оппозиции шел уже сложный процесс образования политических партий на основе классового обособления родственных элементов.

Весьма поучительна и картина голосования билля. 27 мая 1641 г. он был принят в Нижней палате большинством 139 против 108. Верхняя палата решительным образом билль отвергла. По вопросу о Страффорде — только за месяц перед тем соотношение голосов было совершенно

другое: защитников Страффорда во всей палате оказалось только 59 человек, при чем имена их были демонстративно опубликованы парламентом.

Английское дворянство, столь сильно представленное в первом революционном парламенте, уже ясно сознавало, что конфискация епископских земель ставила под угрозу и их земельную собственность. Для таких опасений были уже налицо вполне реальные основания: из различных частей королевства поступали донесения о возбужденном настроении крестьянства, об аграрных беспорядках, захватах дворянских земель, опрокидываниях изгородей, посягательствах на чужое имущество. Палата лордов, обеспокоенная тревожными сообщениями с мест, издает специальные распоряжения о предотвращении и ликвидации подобных „мятежных и беспорядочных вторжений во владения и огороженные места“ и об обеспечении спокойного владения нынешним владельцам. Крестьянские волнения этой поры, равно как и напряженное состояние умов в низших классах населения столицы, делают понятным успех различных сектантских течений, внушавших серьезные опасения „благомыслящим“ членам обоих палат. В палате лордов слышатся жалобы на то, что в Лондоне образовалось до 80 сектантских об'единений, „руководимых сапожниками, портными и шапочниками“. В такой тревожной обстановке зарождаются впервые политические партии, но пока лишь в среде высших и средних классов. Широкая оппозиция после первой своей победы над королем и его приверженцами уже оказывается неспособной следовать и дальше единодушному порыву и доводить свою победу до конца. Число сторонников короля заметно возрастает и тем самым создает ядро будущей партии роялистов. Отпадение нерешительных элементов приводит к большему сплочению пресвитерианской части оппозиции, в среде которой намечается ядро другой политической партии — безусловных сторонников парламента. Начиная с лета 1641 года идет длительный и сложный процесс обособления политических партий, в связи с ясно наметившимся уже разрывом между сторонниками короля и сторонниками парламента. Наметим главнейшие этапы этого процесса.

10 августа Карл I покидает Лондон и направляется в Шотландию, в тайной надежде опереться на армию и договориться с шотландцами, сделав им надлежащие уступки. Обе стороны в течение лета и осени 1641 г. вербовали себе сторонников и зорко следили друг за другом. Парламенту удается раскрыть замыслы Карла I и предать их гласности как раз в тот момент, когда пришли в Лондон ошеломляю-

щие известия о восстании в Ирландии. Колонизационная политика правительства, находившая себе опору в земельных домогательствах английского дворянства, принесла свои плоды. Доведенные до отчаяния ирландцы - католики устроили кровавую резню и разгром владений и имущества английских и шотландских колонистов. Ирландский вопрос впервые в английской истории встает как серьезная проблема текущей политики, но в данный момент и король и парламент не столько стремились решать ее по существу, сколько хотели использовать ее, как тактический ход против своего противника. События развертывались ускоренным темпом. В ноябре 1641 г. вернулся в Лондон король, радушно встреченный купцами из Сити, но вслед за тем парламентская оппозиция выступает с настоящим обвинительным актом против королевского абсолютизма, составив так-называемую „Великую Ремонстрацию“. („Великое представление“). Этот замечательный документ в 204 статьях дает исчерпывающую картину королевских злоупотреблений за последние 15 лет, вместе с тем он является и политическим исповеданием сторонников парламента, хотя еще и не вполне оформленным. В процессе развертывающейся борьбы „Великая Ремонстрация“ несомненно была боевым актом. Наиболее решительные сторонники парламента настаивали на немедленном опубликовании этого „великого протеста“ и вызвали этим настоящую бурю в стенах Вестминстера. Исход голосования дает такую же поучительную картину, как и в случае с биллем о епископах. „Великая Ремонстрация“ после продолжительных прений, затянувшихся за полночь, была принята 159 голосами против 148, а вслед за тем было вынесено постановление об опубликовании ее незначительным большинством в 23 голоса. Поведение парламента становится все более вызывающим. Он принимает билль о воспрещении королю принудительного набора войск и обсуждает другой билль, требующий при образовании милиции и назначении ее начальников непременного согласия парламента. Борьба происходила не только в стенах последнего, но и на улицах Лондона, куда стягивались сторонники короля и парламента, получившие уже в эту пору особые клички — „кавалеров“ и „круглоголовых“. Новый 1642 год наступил в обстановке всеобщего возбуждения и открытых столкновений двух партий, стягивавших свои силы вокруг своих лагерей—Вестминстера и королевского дворца Уайтголла. 3-го января напряженное состояние, создавшееся в столице Англии, разрешилось неожиданным актом со стороны короля, явно антиконституционным и вызывающим по отношению к парламенту.

Он выдвинул обвинение в государственной измене против 5 членов нижней палаты и, в том числе, против вождей парламентской партии Гемпдена и Пима и потребовал их выдачи. Но на защиту обвиняемых выступил не только парламент, но и купечество Сити, недавно восторженно принимавшее короля, а теперь приютившее у себя названных депутатов и всю палату, которая не чувствовала себя безопасно в стенах Вестминстера. Но очень скоро надобность в таких предосторожностях миновала. В Лондоне шла усиленная мобилизация в среде низшего населения на защиту парламента, а на подмогу к ним тянулись массы крестьянства из соседних графств. 11 января парламент вместе с опальными депутатами торжественно вернулся в Вестминстер под защитой вооруженной милиции, судовщиков и народа. Лондон оказался не на стороне короля, и последнему вместе с его приверженцами оставался только один выход — покинуть негостеприимную столицу. 10 января он выехал из своего дворца, держа путь на север — по направлению к Йорку, гнезду роялистского дворянства. Наступает продолжительный период в несколько месяцев, когда обе стороны мобилизуют свои силы, еще не решаясь на открытый разрыв. К лету 1642 г., после длительных и бесплодных переговоров положение определяется, и обе стороны уже не считают нужным обманывать друг друга заранее безнадежными переговорами и делают все необходимые приготовления для открытия военных действий. Последние остатки партии „кавалеров“ покидают Лондон и спешат в королевский лагерь, парламент выделяет из своей среды комитет общественной безопасности, захватывает все государственные доходы, спешно запасает боевые припасы и 12 июля особым актом постановляет „для безопасности особы короля, для защиты обоих палат и тех, кто повиновался их приказам, для сохранения истинной религии, законов, вольностей и мира в государстве“ сформировать армию в 20 полков пехоты и 75 эскадронов конницы. То же самое делает и король. Заручившись денежной поддержкой континента, куда он давно уже отправил королеву, он вербует себе армию преимущественно в западных и северных графствах, а 23 августа распускает свое знамя с девизом: „воздадите кесарево кесареви“, в Ноттингеме неподалеку от района вербовки парламентских войск. Это уже было официальным об‘явлением войны. Англия разделилась на два лагеря. Если взглянуть на карту, то для нас ясно будет, по какому признаку произошло это разделение. На сторону короля стали все северные графства (Нортумберленд, Кумберленд, Дюргэм,

Иорк), — почти все западные графства, включая сюда и Уэллс, откуда шел клин, вдававшийся в центральную часть Англии (Оксфордское графство) и наконец юго-западная оконечность острова (Корнуэлль). Это составляло в общем до $^3/_5$ территории всего королевства, что, однако, не давало численного перевеса королю, так как за ним шли наиболее отсталые экономически и менее населенные районы. Парламентская Англия охватывала все восточные графства (Линкольн, Норфольк, Суффольк, Эссекс, Кент, Суссекс) почти весь юг (Девоншир, Сомерсет, Дорсет, Глочестер, небольшим клином вдававшихся в королевский запад, Вильтшир, Гэмпшир и Сюррей) и значительную часть центральных графств с Лондоном во главе (Миддльсекс, Гэрфорд, Бэкингэм, Бэдфорд, Варвик, Нортгамтон, Кэмбриджшир) с длинным клином, врезавшимся в северо-западные королевские графства. Этот клин составляли: Лейстер, Чешир, Дерби, часть Ланкастера. Вдоль этого клина шла узкая королевская территория, упиравшаяся в восточные графства и отделенная от восточного побережья Линкольном. Другими словами, — на сторону парламента стали все наиболее богатые и густо населенные графства с развитой торговлей и промышленностью, все портовые города (Лондон, Бристоль, Бостон, Гулль, Портсмут, Плимут) и все важнейшие городские центры внутри острова. Это наблюдение над картой Англии уже дает руководящие указания для того, чтобы определить социальную группировку борющихся сил и установить их соотношение в развернувшейся гражданской войне. Феодальное дворянство отсталых графств составляло основное ядро королевской армии „кавалеров“, а за ними шли малосознательные элементы низших классов, крепко связанные со своими господами неразложившимся еще патриархальным бытом. Только в дальнейшем ходе революции и для них наступила пора классового самоопределения. Сложнее был состав парламентской армии, получившей характерную кличку „круглоголовых“. Первоначальное ядро армии составляло дворянство, наиболее передовые его группы, но в ней мы видим и очень сильные группы крестьянства, фермерства, городских ремесленников и учеников, а также и пролетарские элементы города и деревни. Вся эта разнородная по классовому составу армия находила себе полное сочувствие в среде английского и особенно лондонского купечества, которое не щадило средств на поддержку дела парламента. Парламентская армия выступала под знаменем пуританства, которое и об'единяло указанные выше разнородные элементы в единое целое. Но руководящая роль принадлежала уме-

ренному пуританству, известному под именем пресвитерианства, которое было в данный момент не только церковным течением, но и политической платформой, впервые изложенной в „Петиции о Правах“ и нашедшей себе окончательную формулировку в „Великой Ремонстрации“. Основное социальное ядро пресвитерианской партии, которую мы назвали бы теперь конституционно-монархической, составляли наиболее предприимчивые элементы дворянства и купечества. В данный момент они выступали единым фронтом вместе со своими классовыми врагами и в этом союзе почерпали революционный энтузиазм и усваивали революционные методы борьбы. Истинная мера революционности пресвитериан стала определяться уже в самом ходе дальнейших событий: все колеблющиеся элементы мало-помалу выходят из борьбы, или становятся на сторону короля, а остаются только наиболее последовательные сторонники нового политического порядка. Гражданская война началась в сентябре 1642 года и затянулась на несколько лет. Только в 1646 году, после решающих битв, обновленной по своему составу парламентской армии удалось одержать окончательную победу над королем. Минуя внешний ход событий, проследим процесс формирования политических партий, наметившийся еще до начала гражданской войны.

Первый период войны характеризируется преобладанием в армии пресвитерианского дворянства, которое стремилось к уничтожению королевских прерогатив, к подчинению короля воле парламента и отнюдь не посягало на самую монархию. Оно все время пыталось договориться с королем, неоднократно посылая в королевский лагерь своих представителей, но вынуждено было, в виду несговорчивости Карла I, воевать с ним, чтобы принудить его к такому соглашению. Это не могло не отражаться на ходе военных операций, на поведении парламентских генералов, очень часто упускавших благоприятные моменты для решительной победы над противником. Парламентским лидерам пришлось решать не только организационные вопросы военного порядка, но и заново строить государственный аппарат на территории, принадлежащей парламенту. Но и то и другое пришлось делать в обстановке чрезвычайно сложных социальных взаимоотношений. В начале войны настроение различных слоев населения, даже в Лондоне, далеко не было устойчивым, а в связи с военными неудачами и финансовыми затруднениями, оно и в дальнейшем не давало твердой опоры организаторам гражданской войны партии пресвитериан. Налоговое бремя ложилось главной своей тяжестью на низшие классы, постоянно питало в их

среде дух недовольства и вносило начало разложения в разнородную по своему социальному составу парламентскую армию. Из частной переписки и из воспоминаний современников мы знаем, что уже в эту пору наблюдается массовый отказ от уплаты крестьянами арендной платы, мы узнаем также о надвигающемся на страну голоде, о разорении и задолженности английского дворянства, о застое в торговых делах. Парламенту приходится прибегать к принудительным мерам, к усиленной конфискации земель „кавалеров", на установление новых налогов и акциза на все товары. Не менее сложной была и задача управления страной. Парламент в первые же месяцы войны учредил „Ассоциации" средних и восточных графств, об'единившие парламентскую Англию в административном и военном отношении при руководящей роли представителей пресвитерианской партии. Но и эта попытка организовать одновременно и борьбу с противником и управление провинцией, в создавшейся сложной обстановке военных неудач и социальных противоречий, все больше обострявшихся в ходе войны, оказывалась безрезультатной. Необходимость довести победу до конца заставила обе стороны, и короля, и парламент, искать себе союзников на стороне. Карл I ведет долгие переговоры с ирландскими повстанцами, а парламентские пресвитериане устремляют взоры к своим шотландским единоверцам.

Но шотландские дворяне—пресвитерианцы, уже достаточно испытавшие на себе гнет епископов, поддерживавших королевский абсолютизм, были более радикальны в своих религиозных и политических воззрениях, чем английские пресвитериане, которые ставили на очередь вопрос об уничтожении епископата и епископского землевладения, но не довели его до конца. Под давлением военной необходимости, между двумя странами был заключен договор, носящий название „Торжественной Лиги и Ковенанта" (Торжественный союз и соглашение), но он способствовал еще большему расслоению в среде пресвитерианской партии. Причина этого заключается в том, что в момент заключения Ковенанта уже назревала новая опасность для парламентских пресвитериан. В рядах парламентской армии сражались под знаменем Кромвеля и Ферфакса крестьяне и фермеры, которые не были простым пушечным мясом и вносили в армию дух социального, политического и религиозного радикализма, шедшего гораздо дальше, чем радикализм шотландцев. В этой социальной среде и находило себе горячих сторонников „индепендентство", обнимавшее собой многочисленные сектантские учения. В данный момент

индепендентство не было еще идеологией какого-либо определенного класса и тем менее было политической партией и для того, чтобы вскрыть под этой широкой идеологической оболочкой начавшегося процесса образования новых партий, мы должны заглянуть в недра парламентской армии.

Неудачи парламента за первые два года в конечном итоге и об'ясняются не только отсутствием единства тактики и отмеченной уже выше нерешительностью дворян-полководцев, но и социальным составом руководящего ядра армии. Его метко характеризовал Кромвель в письме к Гэмдену: „Ваши войска состоят из старых слуг и молодцов от пивной бочки и тому подобных, совершенно неспособных лиц, тогда как армия короля рекрутируется из младших сыновей джентльменов, проникнутых мужеством, чувством рыцарской чести и долга... Если хотите избежать дальнейших поражений, наберите себе людей, для которых борьба за парламент была бы борьбой за их собственное дело". Под давлением военной необходимости, парламент вынужден был последовать совету Кромвеля, но далеко не сразу. Реорганизация армии по новому образцу всецело связана с именем Кромвеля, джентльмена по происхождению, но с более радикальными воззрениями на задачи революции, чем у пуританского большинства нижней палаты. В качестве депутата долгого парламента — он почти не выступал, но в ходе гражданской войны имя его постепенно приобретает широкую известность. Он принимает деятельное участие в организации союза восточных графств и вербует новые отряды конницы, получившие название „железнобоких". О социальном составе кромвелевских отрядов мы имеем прямые показания современников. „Полковник Кромвель,—рассказывает в своих мемуарах Уайтлок,—имеет храбрый кавалерийский полк, составленный из его земляков, большей частью свободных держателей; они понимают причину войны и, будучи хорошо вооружены, будут крепко стоять, как один человек". В течение первых лет войны, парламент и обязан был частичными успехами этим отрядам Кромвеля. В связи с крупными поражениями 1643 г., встал вопрос о решительной реорганизации всей армии в целом, но сначала проект Кромвеля встретил в обеих палатах упорное противодействие.

Пуританская нижняя палата, однако, сознавала, что без решительной реформы армии, война будет проиграна и поэтому, после долгих колебаний, уступила настойчивым требованиям Кромвеля. Внешним выражением победы последнего, был принятый обеими палатами, так называемый;

„ордер о самоотречении", запрещавший членам парламента занимать во время войны какую бы то ни было должность. Это повело за собою чистку командного состава армии и принятие 9—11 января 1645 г. ордера об учреждении „Новой Модели"—т.-е. нового устройства армии. Для нас важно здесь отметить, что реорганизация войска, обеспечившая победу парламента над королем,—была поворотным моментом в развитии революции, она выдвинула в качестве активной силы новые социальные группы, следовавшие до этого за парламентскими джентльменами и не имевшие своей собственной политической программы. С 1645 г. начинается сознательное участие в революции крепкого крестьянства, зажиточных фермеров, ремесленников и мелких торговцев, составлявших главный контингент новой армии. Люди низкого происхождения,—бывшие сапожники, шкипера, извозчики, писцы—попадают теперь на ответственные командные посты, не говоря уже о решительной демократизации низшего офицерства. Такая однородность социального состава армии придала замечательную устойчивость и единство внутренней ее организации, но она же была причиной того, что эта организация, сковавшая всех железной дисциплиной от солдата до генерала,—стала политической и революционной школой для сельской и городской демократии. Новые люди принесли с собою в армию и новый, более радикальный образ мыслей, хотя и носивший ярко религиозную окраску. Победа Кромвеля над армейскими генералами была победой индепендентства над пресвитерианством. Индепендентство до этого момента обнимало собою чрезвычайное разнообразие сект и отдельных учений, отличавшихся, впрочем, друг от друга часто одними лишь названиями, какие им давали противники. Но по существу в этом широком религиозно-церковном течении были общие, об'единяющие черты, которые и дают основание противопоставлять всю разнообразную массу индепендентских сект пресвитерианству. Это, прежде всего, последовательный демократизм в организации общин верующих, так называемых конгрегаций, отрицание всякого авторитета, кроме голоса собственной совести, утверждение начала индивидуального религиозного искания, непосредственного общения с божеством, ожидание великого переворота, пророчески возвещаемого в видениях и незримых голосах, вера в скорое наступление царства христова и падение „великого града антихриста" со всеми его установлениями „от епископа до гробовщика и от папы до последнего нищенствующего монаха". Восходя своими корнями еще к XVI веку, индепендентство в течение

XVII в., вербует своих последователей в среде низшего городского и сельского населения и по мере того, как движущие силы исторического процесса революционизируют настроение широких народных масс, индепендентство из мирного учения превращается в знамя борьбы, оно заражает своих последователей религиозным энтузиазмом, придает глубокий смысл участию в борьбе против существующего церковного и государственного строя. В сектантской армии Кромвеля индепендентство стало уже революционной идеологией, но на первых порах оно не было еще партией — с определенной политической платформой и социальными требованиями. И то и другое стало создаваться лишь в ходе самой революции: борьба во имя религиозных лозунгов, за свободу совести и против человеческих установлений мало по малу стала принимать вполне реальные формы борьбы за определенный политический и социальный идеал. 1645—1646 годы, когда армия „нового образца" окончательно сформировалась и одержала решающие победы над „кавалерами",—имели громадное значение для идеологической и организационной подготовки следующего этапа революции. Внутренняя жизнь армии в эту пору носила необычный характер. В военных частях, в свободное от битв время, перед солдатской массой выступали с проповедями не только командиры, но и религиозные проповедники, так называемые капелланы, которые очень скоро превратились в политических агитаторов и пропагандистов. На этот же период падает и расцвет религиозно-политической памфлетной литературы, имевшей громадный успех в армии, необычное развитие пророчеств, принимавших реальные формы ожидания близкого наступления „царства святых".

К этому же времени относятся первые памфлеты крупнейшего писателя эпохи, Мильтона [1] и уже приковывают к себе общественное внимание смелые выступления вождя будущих радикалов — или „левеллеров" (уравнителей) Лильборна. Подвергаясь постоянным преследованиям со стороны правящей партии, он выпускает один за другим два памфлета, в которых берет на себя защиту „природных

[1] Джон Мильтон (1608 — 1674), в своих политических и поэтических произведениях, ярко отражает эпоху великой английской революции. В его памфлетах и трактатах, со всей силой, сказался мятежный дух пуританина, выступающего на защиту вольностей народа и против тирании короля. Из них особенно заслуживает упоминания „Ареополитика: речь о свободе печати". — „О праве королей и сановников".—„В защиту английского народа". В эпоху реставрации, Мильтон создает величайшее свое произведение — поэму „Потерянный и Возвращенный Рай". Грандиозная борьба ада и неба, изображенная Мильтоном, как бы символизирует великую революцию, участником которой был писатель.

прав Англии против всякой произвольной узурпации — королевской, парламентской и всякой другой", против достойной „сожаления тирании Англии, последствия произвола, жестокости и роскоши парламента, жадности, честолюбия и непостоянства священников, глупости, беспечности и трусости народа".

Оппозиция, наконец, проникает и в самый парламент, куда в результате дополнительных выборов (в конце 1645 и начале 1646 г.г.) взамен депутатов, перекочевавших в королевский лагерь, попало значительное количество индепендентов. Нарождающаяся партия имела уже и своих вождей — Кромвеля, Вэна, Генри Мартэна. Кроме того в парламенте заседали и видные полководцы новой армии — Ферфакс, Айртон и другие. Таким образом в парламенте создается значительное радикальное меньшинство.

В самом начале 1647 г. Карл I становится пленником парламента. Изобличенный в сношениях с ирландскими католиками, он водворяется на жительство в замок Голмби. Верховная власть в государстве окончательно переходит к парламенту, вернее к пресвитерианской партии, еще располагавшей большинством в нижней палате и опиравшейся на поддержку столичного населения. Но в области политической победы над королем эта партия ничего больше не могла прибавить к фактически уже осуществлявшемуся суверенитету парламента. Ему оставалось теперь закрепить за собою социальные результаты одержанной победы. Особым актом 24 февраля 1646 г. была отменена ленная система и земельная собственность тем самым попадала в свободный оборот — без всяких обязательств феодального характера, но эта отмена касалась только повинностей, лежавших на дворянстве, а отнюдь не крестьянских платежей, сохранение которых особо оговорено в том же акте. Получил, наконец, разрешение и вопрос об уничтожении епископата, столько раз выдвигавшийся в течение гражданской войны и в парламенте, и в бесконечных переговорах с королем. Непзбежная необходимость выплатить шотландцам 200.000 фунт. стер. за выдачу короля — заставил палату общин 29 сентября 1645 г. принять постановление, проведенное потом и в верхней палате, об уничтожении епископата и передачи их земель в ведение особых доверенных лиц, в качестве обеспечения указанной выше суммы. Эта мера, вызванная потребностями момента, еще не решала вопроса о судьбе церковных имуществ, но постановление обоих палат указывало на то, что непреодолимых препятствий к проведению билля „о корнях и ветвях", со всеми вытекавшими отсюда последствиями, уже не было на-лицо.

Враг фактически побежден и создалась некоторая уверенность в устойчивости достигнутых успехов. Прошло еще несколько лет, прежде чем этот вопрос был разрешен радикально и безоговорочно и при содействии установившейся тогда твердой власти. В период окончания первой гражданской войны обстановка продолжала оставаться слишком сложной, но мобилизация земельной собственности фактически уже началась: епископские земли частично уже попадали на рынок на ряду с королевскими имуществами и, особенно, имуществами так называемых „делинквентов" или „преступников". Под эту категорию подводились все сторонники короля, а часто и нейтральные элементы дворянства, вызывавшие подозрение в скрытой приверженности к королевскому делу. Имущества некоторых „делинквентов" конфисковывались полностью, но в большинстве случаев на земли накладывался арест („секвестр") и аренда с них поступала в казну. В течение гражданской войны политика парламента в этом вопросе не была вполне устойчивой и колебалась в зависимости от военных обстоятельств. К концу войны установлен был даже ряд смягчений, в целях привлечения на свою сторону колеблющихся: разрешался выкуп взятого под арест имения, в виде единовременной уплаты суммы („композиции"), составлявшей известную часть стоимости имения, не одинаковую для различных лиц. Но предварительным условием для допуска к „композиции" было принятие Ковенанта и так называемой „Негативной клятвы" — т.-е. обязательства не поднимать больше оружия против парламента. В воспоминаниях современников есть указания, что в эту пору до половины земельных имуществ дворян находилось под „секвестром". Большое количество „делинквентов", конечно, поспешили воспользоваться предоставленными льготами, но очень многие разорялись и сами распродавали свои имущества, земля переходила в другие руки, становилась предметом купли—продажи, а это уже само по себе приводило к фактической ликвидации феодализма. Отмеченный выше парламентский акт 24 февраля 1645 г. только сделал выводы из того, что уже происходило в действительности. Но в земельном вопросе была и другая сторона, вызвавшая серьезные опасения в среде господствующей партии. На землю пред'явил права и английский крестьянин. 5 мая 1646 г. в парламент явилась из Герфордшира и Бэкингэмшира депутация в 2.000 человек и в представленной петиции требовала отмены десятины. С депутацией разговаривать не стали, но по поводу пред'явленного требования некоторые депутаты не без тревоги за-

метили, что освободившись от десятины, крестьяне не захотят платить и следуемой с них аренды. Это в действительности и наблюдалось. Большие недоборы арендных платежей составляли тогда обычное явление. Насколько они были значительны по размерам показывают следующие цифры: в Чешире сумма аренды с 31 имения за промежуток времени от 1642 по 1647 г. упала с 4.142 ф. стерл. до 2.047 ф., в Глочестершире с 27 имений с 6.542 ф. до 3.241 ф. В 1646 г. и последующие пять лет положение крестьянства, особенно беднейших его слоев, ухудшалось еще больше от того, что это был период повторных неурожаев, необычайно тяжелых и сильно отразившихся на стоимости предметов первой необходимости. Сюда нужно прибавить гнет различных поборов как в пользу владельца, так и в пользу парламента,—особенно же косвенных налогов, в виде акциза почти на все товары. Все это вместе взятое, равно как и материальный ущерб от продолжительной войны создавал тревожное настроение в деревне, которое и выливалось в форму аграрных движений, принимавших иногда весьма широкие размеры. Вспомним хотя бы о многочисленных движениях крестьянства в связи с осушительными мероприятиями крупных предпринимателей, о чем уже была речь в своем месте. Здесь отметим только, что наиболее серьезные аграрные вспышки приходятся на годы гражданской войны, а несколько лет спустя они уже сливаются с революционным движением крестьянства. Таким образом аграрный вопрос во всей своей сложности, уже занимал значительное место в событиях первого периода революции и несомненно имел большое значение в процессе образования партийных группировок. В частности нельзя понять поведения парламентского большинства в эти решающие годы, если не учесть влияния на настроение и образ мыслей пресвитерианского „джентри" сложных взаимоотношений английской деревни. Политика пресвитериан в крестьянском вопросе была твердой в смысле сохранения существующих обязательств, выгодных для помещика, но обездоливавших с'емщика. Но, как мы видели, английские крестьяне после реорганизации армии становятся солдатами революции и в ходе событий превращаются в активную и организованную социальную силу, с которой уже нельзя было не считаться. В этом и заключается причина того, что победители — пресвитериане, не могли закрепить за собою в полном об'еме результатов одержанной победы. По мере того, как развертывались события, выростало значение вновь нарождающейся партии индепендентов, еще не достаточно отчетливой в своих

социальных и политических очертаниях, но уже опиравшейся на сильные группы зажиточного крестьянства и фермерства.

2.

Линия раздела между двумя партиями стала намечаться уже в 1646 году, в связи с длительными переговорами о выдаче короля в руки парламента, и об отходе шотландской армии в пределы своего королевства. В этих переговорах вождю индепендентов, Оливеру Кромвелю, принадлежала уже руководящая роль. Его усилия покончить с наследием гражданской войны и освободиться от посторонних влияний, особенно от вмешательства Шотландии во внутренние дела Англии, выказывали в нем задатки политического деятеля крупного масштаба. Но между ним, выразителем мнений индепендентской армии, и парламентскими пресвитерианами с самого начала не было единомыслия в основном вопросе, вставшем на очередь в порядке ликвидации гражданской войны.

Король стал фактическим пленником победителей — армии и парламента и нужно было решить, как быть дальше. Для данного момента характерно, что монархические чувства выдержали испытание у приверженцев обеих партий. Путешествие Карла I в феврале 1647 г. в сопровождении охраны из Ньюкэстля в Голмби — место его нового заточения, иногда напоминало триумфальное шествие: звонили в колокола, производили пушечные салюты в его честь, толпы дворян с энтузиазмом приветствовали его по пути и даже сам Ферфакс возле Ноттингэма выехал к нему навстречу, слез с лошади и почтительно поцеловал руку. Если не считать пока лишь единичных республиканских выступлений в Парламенте Генри Мартена, в вопросе о сохранении монархии и даже возвращении на трон Карла I еще между пресвитерианами и индепендентами не было разногласий. Борьба развертывалась по другим линиям. Парламентские прения не в полной мере отражают настроения представляемых им социальных групп за пределами Вестминстера, но они все же дают любопытную картину соотношения сил двух партий.

Для пресвитериан очередную задачу составляло — договориться с королем, принудить его к признанию суверенитета парламента и принципов Ковенанта. Умеренная часть индепендентов точно также выказывала большую склонность к соглашению с венценосным пленником, но в одном пункте соглашения резко расходилась с пресвитерианами. Она добивалась свободы совести и расчитывала

на этом именно пункте найти почву для соглашения с Карлом I, для которого открывалась возможность хотя бы частичного сохранения епископата на основе признания веротерпимости. Но главную силу индепендентства составляла армия, с ней приходилось считаться и парламенту и королю всякий раз, когда заходила речь о соглашении. Но и помимо этого индепендентская армия, спаянная дисциплиной и крепкой организацией, испытанная в боях, не остается простым зрителем событий, она имеет свое мнение по наиболее острым вопросам текущего дня и поэтому вызывает большую тревогу в среде пресвитериан и, особенно, парламента. Очередной задачей последнего и является — избавиться от опасного соседа. Вскоре же после водворения короля в Голмби встает вопрос о роспуске военных контингентов и переходе на мирное положение. Удобным поводом для проведения этой меры послужили повсеместные жалобы на тяжесть налогового обложения и частые случаи отказов от уплаты налогов, и даже открытые возмущения. Но основной мотив, побуждавший и парламентских пресвитериан и сочувствующие им круги Лондона и восточных графств усиленно добиваться роспуска солдат по домам, заключался не в этом. Парламенту нужна была армия, но совершенно другого образа мыслей и настроений чем та, которая стояла неподалеку от столицы.

Первые же попытки обеих палат провести демобилизацию натолкнулись на упорное сопротивление полков Ферфакса и Кромвеля. Предполагалось часть войск выделить для службы в Ирландии, находившейся в состоянии хронического брожения, а оставшиеся контингенты свести до минимума.

Казалось бы частный, хотя и важный, вопрос о демобилизации и выплате просроченного жалования солдатам, с самого же начала вскрыл, однако, всю глубину расхождений между пресвитерианским дворянством и купечеством и теми социальными группами, организационным ядром которых была армия. Уже весной и летом 1647 г. в полковых частях, предусмотрительно размещенных по отдельным графствам, идет брожение, которое выливается постепенно в форму политического движения, порождающего новые партийные группировки. Систематическое игнорирование солдатских требований парламентом и двусмысленное поведение высшего командного состава, особенно Кромвеля и Ферфакса в этом вопросе, приводит солдатскую массу и рядовое офицерство к созданию любопытной армейской организации, которой суждено было сыграть громадную роль в последующих событиях. Началось это

движение в 8 кавалерийских полках, постановивших в апреле 1647 г. выбрать по два представителя от каждого полка—так называемых „агитаторов“ или „агентов“ армии. Избранные 16 агитаторов, от имени представляемых ими полков, составили письмо к трем генералам: Ферфаксу, Кромвелю и Скиппону. В нем они заявляют, что „предположение отправить их в Ирландию есть ничто иное — как стремление разрушить и раздробить на части армию... иначе почему не считают их достойными снова стать орудием освобождения страны“... „Это, очевидно простой предлог для тех, кто попробовал, наконец, власти и, поднявшись над прежним рабским положением, хотят стать хозяевами и превратиться в тиранов“. Это был уже голос значительной и наиболее сознательной части армии и парламенту пришлось к нему прислушаться, несмотря на резкие выпады письма по его адресу. Через посредство Кромвеля и других генералов было доведено до сведения солдат, что особым актом будет дарована солдатам амнистия за преступления, совершенные во время войны, значительная часть задолженности будет немедленно уплачена, а остальная, как только к этому представиться возможность. Но эта уступка не остановила движения и дальнейшее развитие показывает, что армия превратилась в политическую силу. Она воспринимала уже новые лозунги, выходившие за пределы чисто казарменной жизни. Агитаторы армии, составлявшие в это время руководящий центр общеармейской организации, выступали уже от лица всей армии, поддерживали постоянную связь с Лондоном и получали оттуда информацию, вели переговоры с командным составом—и на первых порах действовали согласованно с офицерской организацией. Благодаря такой сплоченности попытки парламента провести в жизнь демобилизацию потерпела полную неудачу. Армия зорко следит за поведением парламентских руководителей и при содействии самого Кромвеля—в связи со слухами о намерении пресвитериан похитить короля—4 июня препровождает последнего в окрестности Ньюмаркета, под свою охрану.

В стране назревала открытая борьба между двумя партиями, из которых одна имела свой штаб в парламенте, а другая в армии. Но к этому времени и в полковых частях ясно уже наметились два течения: умеренное—офицерское и более радикальное—солдатское. Кромвель и другие вожди индепендентской партии стремились к тому, чтобы завладеть всей армией в целом и для этого, по возможности, обезвредить солдатскую организацию, которая стала играть руководящую роль в летние месяцы 1647 г.

В этих целях и создан был общеармейский об'единенный совет солдатских и офицерских депутатов, от имени которого должны были исходить все постановления и декларации на будущее время.

В этот совет входили: высший командный состав армии, представители от низшего офицерства и солдат, по два от каждого полка. Благодаря такой конструкции совета, инициатива вырывалась из рук прежнего совета солдатских депутатов, как мы бы теперь его назвали, и переходила к офицерству; т.-е. более умеренному течению. Но перед лицом опасности, назревавшей в пресвитерианском Лондоне, верхи и низы армии действовали согласованно.

Лондонское купечество, составлявшее социальное ядро пресвитерианства, проявляло в этот момент большую активность и горячо поддерживало возникший в парламенте проект о формировании из старых демобилизованных солдат самостоятельной армии для защиты „королевства, парламента и Сити". Это было понято в армии Кромвеля как вызов, и 15 июня 1647 г. возле Кэмбриджа на грандиозном митинге солдат и офицеров была выработана и затем представлена в парламент „Декларация Армии", провозглашающая право армии говорить от имени английского народа на том основании, что „это не просто наемная армия, взятая на службу государству, она призвана и приглашена рядом парламентских деклараций на защиту справедливых прав и вольностей своих собственных и „народа". Кроме принципиальных положений, декларация заключает в себе и конкретные требования — чистки палаты общин от негодных членов, назначения срока деятельности настоящего парламента, наказания виновников войны, установления веротерпимости с известными ограничениями.

„Декларация Армии" представляет громадный интерес, как первое чисто политическое выступление армии и как определенный этап в развитии политических партий. Но это еще не партийная программа, а скорее общая политическая платформа, об'единявшая в себе неоформившиеся еще в полной мере политические стремления целой коалиции социальных групп. Вместе с тем „Декларация Армии" 15 июня была и боевым актом, направленным против пресвитериан, она имела громадное агитационное значение и приковывала внимание всех сочувствующих к новой политической силе.

Вслед за опубликованием декларации наступают и решающие события. Армия двигается к столице, пребывающей в состоянии анархии, и 6 августа захватывает ее в свои руки. Военная оккупация Лондона неминуемо приводит

и к переходу политической власти в руки индепендентов. Кромвель путем принудительных мер добивается того, что в нижней палате создается индепендентское большинство, а палата лордов становится по своему составу исключительно индепендентской.

Победа была одержана и оставалось только реализовать ее результаты, в смысле установления нового правопорядка, соответствующего принципам индепендентства. Еще до оккупации Лондона была выпущена от имени всей армии новая декларация — так называемые „Основы предложений", которые, в сущности, представляют политическую программу индепендентов, отражающую взгляды верхнего слоя армии, ее командного и офицерского состава. Конституционный проект, изложенный в этом документе, сводится к следующим положениям: устанавливается двухгодичный срок деятельности парламента, по истечении которого должны назначаться новые выборы; избирательная система должна быть реформирована в сторону более равномерного представительства и усиления количества мандатов от многолюдных графств за счет малолюдных городов и местечек, причем в сельских округах размеры представительства определяются пропорционально сумме вносимых налогов; учреждается Государственный Совет, члены которого назначаются королем на 7 лет из тройного комплекта кандидатов, представляемых нижней палатой. На новое учреждение возлагается сношение с иностранными державами и, при условии одобрения парламентом, об'явление войны и заключение мира. В промежутке между парламентскими сессиями действует специально избираемый парламентский комитет; за королем сохраняется право veto, а о палате лордов проэкт совершенно умалчивает. В области церковного устройства устанавливается начало религиозной веротерпимости, существование епископата допускается, но при условии отнятия от него, как и от всего духовенства, судебных прав, которое передается гражданским и уголовным судам и отнятия десятины.

Сравнительно с Декларацией Армии 15 июня изложенный проект отличается большей определенностью, которая уже позволяет судить о характере и степени политических притязаний „грандов", как стала называться руководящая офицерская часть армии. Предложенная реформа носит на себе печать умеренности; от пресвитерианской программы она отличается тем, что суверенитету парламента кладутся пределы, а источником власти мыслится сам народ, вернее избиратели. Но ясной и категорической формулировки идеи народовластия в этом документе мы не

найдем, в то время как в Декларации Армии она выражена гораздо ярче, поскольку она отражала мнения не одного только офицерства. Руководящею ролью верхнего слоя армии в события летних месяцев и об'ясняется появление изложенного проекта, и на него можно смотреть как на следующий этап в процессе развития политических партий — после опубликования Манифеста Армии. От широких политических требований, об'единявших стремления всей армии в целом, „гранды“ (так стали называть солдаты офицеров армии) переходят к формулировке своей партийной программы и как только поражение их политических противников — „пресвитериан“ становится совершившимся фактом, они идут дальше и хотят претворить свою программу в действительность. Но события развертываются настолько быстрым темпом, что вновь оформившейся партии трудно было сохранить за собою руководящую роль. Ей пришлось бороться сразу на несколько фронтов, так как на арене классовой и политической борьбы были уже не одни только пресвитериане.

Индепенденты в своих „Основах предложений“ еще не отрицают монархии и тотчас же после своей победы, подобно пресвитерианам, пытаются договориться с Карлом I, который располагал свободой общения с внешним миром и охотно выслушивал самые разнообразные проекты соглашений. Но по этому вопросу в среде самого индепендентства наметилось два течения, которые и выявились в парламентских прениях 21 и 22 сентября 1647 г. Старые индепендентские лидеры высказались принципиально за желательность соглашения с королем, но другая часть индепендентов, во главе с Генри Мартэном и Рэнсборо, поставила вопрос об уничтожении монархии. Это расхождение, наметившееся в парламенте, еще резче выявилось вне его, и прежде всего, конечно, в армейских кругах.

В среде Кромвелевских солдат оппозиционные и радикальные настроения стали проявляться с особенной силой осенью 1647 г., когда захват влияния в Совете Армии „грандами“ стал очевидным даже и для малосознательных солдат. Из сохранившегося архива Кларка, секретаря армейского совета, видно, как развивалось и оформлялось политическое движение в среде рядовых солдат. В октябре 1647 года, после перевыборов в пяти полках агитаторов, был выпущен манифест — „Дело армии в его истинном положении“, где ясно и определенно провозглашалось, что „источник и существо всякой власти в народе“ и что „его свободное избрание, или договор с его представителями, является подлинной основой всякого истинного правитель-

ства". Агитаторы обрушиваются на парламент за расхищение земель, отобранных у епископов и требуют возвращения огороженных общинных земель их собственникам, они ратуют за всеобщее избирательное право и считают излишним существование короля и палаты лордов.

Вслед за тем появился и конституционный проект армейских республиканцев — „Народное Соглашение", еще резче выдвигающий идею народовластия. Оба эти документа и являются первой формулировкой основных положений вновь народившейся партии. Враги в насмешку стали называть сторонников этой партии — „левеллерами" или „уравнителями", приписывая им стремление к захвату и уравнению имуществ. Этим именем и стала называться новая партия. Признанным вождем ее и идейным вдохновителем был Джон Лильборн, один из наиболее выдающихся деятелей английской революции, горячо преданный интересам низших классов, в течение всей своей бурной деятельности деливший время между тюрьмой и политической трибуной. Его имя появляется довольно рано в ходе революции и привлекает к себе широкие симпатии, но только в изучаемый нами момент Лильборн выступает как лидер определенной политической партии.

Оба указанные выше документа послужили предметом длительного и оживленного обсуждения на Армейском Совете, собравшемся в конце октября 1647 года в местечке Путней, неподалеку от Лондона. На этой „конференции", как ее называют историки, длившейся несколько дней, присутствовали не только военные, но и штатские „левеллеры". Кромвель и „гранды" армии считались уже с новой партией, как с определенной силой и пытались найти общий язык, согласовать программные требования. К этому побуждала выяснившаяся полная невозможность договориться с королем. Обе партии обстоятельно обосновали свои положения и на основании записей дебатов, сохранившихся в архиве Кларка, мы можем составить себе ясное представление о социальных мотивах, руководивших поведением обеих партий.

Центральное место в дебатах занимали вопросы избирательного права, которые заставили „грандов" конкретнее раскрыть содержание пункта их собственной программы (в „Основах Предложений") о распределении избирательных округов по налоговому принципу и выступить на защиту священной собственности. Это их приводит к отрицанию последовательно проведенной идеи народного суверенитета и прирожденных прав личности — и всеобщего избирательного права, как ниспровергающего собственность, а следо-

вательно и государство. Вожди „левеллеров“, особенно полковник Рейнсборо, агитаторы Сехсби, Петти и Уильдман подвергают резкой критике существующие избирательные порядки и дают обоснование понятию естественного права и народного верховенства с точки зрения бедняков и угнетаемых.

Избирательные из'ятия, по мнению капитана Рэнсборо, ничем не могут быть оправданы, так как источник законов лежит в народе. „Всякий, находящийся под властью какого либо правительства, должен прежде всего своим согласием выразить готовность стать под начало этого правительства. Бедный человек не обязан повиноваться власти, раз он сам не принял участия в ее создании“. Это его „прирожденное право“. По этому спорному пункту „грандам“ и „левеллерам“ было необычайно трудно договориться. Первые пытались доказать, что между „Основами предложений“ и „Народным соглашением“ нет существенной разницы и по многим пунктам им удалось найти почву для компромисса, но по вопросу об избирательном праве пришлось пойти на уступки. Право избрания предоставлялось всем свободно рожденным англичанам и иностранцам, получившим гражданство, которые служили парламенту в последнюю войну за свободу королевства, или добровольно помогали парламенту деньгами, оружием и т. д. По сообщению одного из агитаторов, в окончательном виде этот пункт был формулирован следующим образом: „все солдаты и другие, если они не были слугами или нищими, должны иметь голос при избрании парламентских представителей, хотя бы они и не располагали 40 шиллингами годового дохода с их земель“. Внесенное ограничение относительно слуг и нищих, на которое согласились солдаты, ясно показывает, что в их лице мы имеем дело преимущественно со средним английским крестьянством, для которого были чужды интересы беднейших классов, лишенных собственности и вынужденных жить продажей своей рабочей силы.

По другим пунктам конституционного проекта работала примирительная комиссия. На очереди стояли вопросы о короле и палате лордов, но в это время в армию донеслись слухи о бегстве короля, резко повлиявшие на настроение солдат и значительной части офицерства. Споры о предоставлении королю права veto в такой обстановке теряют свою реальность и у самого Кромвеля исчезает почва под ногами, когда он пытается доказать необходимость существования королевской власти. Ему трудно возразить на гневные выпады солдатского агитатора Сехсби, который, ссылаясь на слова Библии: „Я хотел исцелить

Вавилон, но Вавилон сам не хотел быть исцеленным", заявил: „король — это Вавилон: он сам обрек себя на погибель и потому всякое соприкосновение с таким обреченным королем — несомненный грех". Точно также и по вопросу о предоставлении палате лордов veto, позиция „грандов" не выдерживает натиска „левеллеров" и они соглашаются предоставить лордам (равно как и королю) право veto лишь в тех случаях, когда вопрос касается их лично. Наконец, доходит дело до утверждения согласованного проекта. Здесь опять возникают разногласия, которые уже трудно было устранить. Гранды взывали к верховному авторитету парламента, а левеллеры настаивали на том, что утверждение конституции, как основного закона, есть верховное право самого народа и поэтому надлежит подвергнуть ее всенародному голосованию.

На-ряду с этим они отстаивали принцип полного невмешательства государства в дела веры и религии, против чего решительно возражали гранды, настаивая на ряде ограничений.

Дальнейшие события привели к окончательному срыву „Путнейской конференции". Агитаторы добивались созыва общеармейского митинга для утверждения „Народного соглашения", но Кромвель и Ферфакс приняли меры к недопущению общих сходок на будущее время. 8 ноября 1647 г. была произведена реорганизация Совета армии. Солдатские и офицерские представители были из него отозваны и в нем осталось только высшее офицерство. Независимо от этого Ферфакс, в целях недопущения обще-армейского митинга, назначил отдельные митинги в различных местах и в различное время, но это вызвало возмущение в наиболее радикально настроенных частях, которые самовольно явились 15 ноября на митинг другого полка, в целях агитации за „Народное соглашение". Это было понято Ферфаксом и Кромвелем, как нарушение воинской дисциплины, и один из руководителей солдатской демонстрации, Ричард Арнольд, по приговору суда, был расстрелян. Порядок был восстановлен, а обще-армейская политическая организация прекратила свое существование, завершив собою цельный период в развитии английской революции. В течение 1647 года окончательно оформились важнейшие политические партии, которым в дальнейших событиях пришлось играть главную роль. Только теперь, после 6 лет ожесточенной классовой борьбы, все многочисленные группы, вовлеченные в революцию, пришли к ясному сознанию своих интересов и своих социальных и политических идеалов.

Перед нами четыре партии с определенными программами и лозунгами. Партия феодального дворянства — последовательные монархисты, или „кавалеры", и партия купечества и передовой части дворянства — „пресвитериане", сторонники конституционной монархии, занимают правый фланг политической и социальной борьбы. В ходе революционных событий они из врагов нередко превращаются в союзников, в зависимости от быстро меняющейся обстановки борьбы, но не сливаются в единую партию, так как классовая их сущность различна. Гораздо сложнее и поэтому труднее поддается определению третья партия, получившая название партии „индепендентов". Родившаяся в недрах Кромвелевской армии и выступившая на арену борьбы в момент решающих революционных событий, она выражала интересы целой социальной коалиции. В ее рядах мы видим выходцев из дворянства (каковым является и сам Кромвель), наиболее передовых, затронутых духом капиталистического предпринимательства, но значительное ее ядро состояло и из представителей наиболее зажиточного крестьянства кулацкого типа, фермерства, городских ремесленников, мелких торговцев. Это ядро определяло радикальный характер политических и социальных требований этой партии и, вместе с тем, выравнивало и ее тактику в наиболее решительный момент революции. Наконец, четвертая и последняя по времени своего появления — партия „левеллеров" выражала интересы преимущественно среднего крестьянства, английских „юменов", боровшихся в рядах кромвелевской армии и рядом переходных ступеней связанных с беднейшими элементами города и деревни. Собственническая природа этой партии достаточно выявилась во время прений на „Путнейской конференции", а в дальнейшем ходе событий левеллеры поспешили отмежеваться от бедноты, от имени которых стали выступать так называемые „истинные левеллеры" (уравнители), сторонники земельного коммунизма.

Дальнейший ход событий определялся уже соотношением сил этих четырех борющихся партий. 1648 год в этом смысле нового ничего уже не вносит. Перед нами все те же силы, какие появились на арене революционной борьбы в предшествующем году и нам остается только отметить важнейшие моменты развертывающихся революционных событий. К началу нового года Англия снова распадается на два вооруженных лагеря и находится в преддверии новой гражданской войны. 11 ноября 1647 г. Карл I бежал тайно из замка Гэмптон-Корт, где он в последнее время находился, но был захвачен на острове Уайте.

В стране стала поднимать голову партия „кавалеров", пресвитериане уже утратили всю свою революционность и рассчитывали совместно с шотландцами на союз с Карлом I против индепендентов. Последние, таким образом, самым ходом вещей должны были ориентироваться налево и искать сближения с „левеллерами", усваивать революционные методы борьбы. Это сделалось неизбежной необходимостью весной 1648 г., когда вспыхнуло роялистское восстание, охватившее ряд графств в различных районах Англии, перекинулось на значительную часть флота и находило благоприятную для себя почву в восточных графствах и даже в самом Лондоне, где пресвитериане усвоили по отношению к индепендентам тактику пассивного сопротивления. Вторая гражданская война была быстро ликвидирована в течение лета 1648 г., благодаря решительным операциям Кромвеля.

Вторичная решительная победа индепендентов, расстроившая планы кавалеров, ставила под удар и пресвитерианскую партию. Она осталась верна своей половинчатой природе: не заняв определенной позиции во время войны, она тотчас же после разгрома роялистов, возобновила переговоры с королем об условиях соглашения, пользуясь сочувствием Сити и создавшимся количественным преобладанием в парламенте. Нам нет надобности подробно останавливаться на этих переговорах, так как ничего нового они не вносят в характеристику пресвитерианства. Оно уже отодвигалось назад неумолимым ходом революционных событий. Решающая роль принадлежала победителю — партии индепендентов, которая действовала совместно с левеллерами. Правильно понятые интересы побуждали обе партии к согласованным выступлениям в предстоящий трудный период закрепления результатов одержанной победы. Не подлежит никакому сомнению, что удельный вес левеллерства в течение гражданской войны стал значительно выше, с ним считаются даже пресвитериане, как с крупной политической силой. Гораздо отчетливей становятся и очертания социальной и политической платформы этой партии. В сентябре 1648 г. Лондонские левеллеры представили в парламент петицию, которая поражает ясностью и определенностью своего содержания. На-ряду с прежними требованиями демократического строя и конституционных гарантий против произвола короля и обеих палат, мы видим здесь ряд новых требований, чрезвычайно характерных для основного крестьянского ядра партии. Левеллеры добиваются отмены косвенных налогов, церковной десятины, уничтожения недавних деревенских изгоро-

дей и защиты огороженных участков бедняков, но в то же самое время категорически выступают на защиту собственности: „Парламент обязуется за себя и за будущие парламенты воздерживаться от уничтожения собственности, уравнения состояний, или введения коммунизма". Петиционеры не посягают еще и на монархию и палату лордов, но в их требовании суда над виновниками войны ясно слышится угроза по адресу короля, в выступлениях же отдельных представителей-левеллеров чисто республиканские идеи уже определенным образом формулируются. Можно сказать с уверенностью, что осенью 1648 г. монархизм в широких массах был окончательно дискредитирован. Об этом можно судить по весьма многочисленным петициям, которые поступали из различных мест Англии, с требованием суда над всеми преступными лицами, в том числе над королем и лордами. В середине октября антироялистское течение охватило всю армию и вылилось в форму манифеста, известного под названием „Ремонстрация Армии". Этот документ, являющийся результатом соглашения между двумя партиями, исходит из факта бесплодности каких бы то ни было дальнейших переговоров с королем, главным виновником гражданской войны и всеобщей смуты.

20 ноября „Ремонстрация Армии" в окончательной редакции была представлена в палату общин от лица всей армии. Парламент, продолжавший бесплодные переговоры с Карлом, поставлен был в затруднительное положение и, не имея достаточно решимости отвергнуть Ремонстрацию, систематически откладывал ее обсуждение. Король в это время был перевезен в Хорет-Касль под более надежную охрану. Поведение парламентских пресвитериан принудило Армейский Совет от увещаний перейти к принудительным мерам. 27 ноября палате ультимативно было предъявлено три требования: упорядочения суда, регулярной выплаты жалования солдатам и быстрого проведения новых законов. Одновременно с этим армия двинулась к Лондону, с явным намерением воспрепятствовать дальнейшему пассивному сопротивлению парламента. Вопрос теперь стал уже о роспуске или чистке палаты, причем некоторые левеллеры предпочитают последнее и их мнение взяло верх. 6 декабря в Вестминстер явился полковник Прайд с отрядом солдат и, держа в руках список депутатов обеих палат, стал пропускать в зал заседаний лишь тех из них, которые не вызывали сомнений в их сочувствии к индепендентству. Остальные, в количестве 143 человек, были удалены из парламента. „Прайдова чистка" повлияла и на многих оставшихся в палате членов, они

перестали посещать заседания, благодаря чему ряды депутатов настолько поредели, что, по сообщениям роялистских газет, очень часто не создавалось законного кворума.

Сопротивление парламентского пресвитерианства было, таким образом, сломлено и партии индепендентов совместно с левеллерами оставалось только сделать из этого факта все необходимые выводы. Перед ними стояли две задачи: окончательно договориться относительно конституции и решить вопрос об участи короля, который 15 декабря был перевезен в Виндзорский замок. Гранды и джентльмены армии, равно как и парламент сделали еще одну попытку спасти монархию и пред'явили королю свои условия для соглашения. Но Карл и на этот раз остался непреклонным в отстаивании принципов абсолютизма — и тем самым решил свою участь.

28 декабря 1648 г. палата общин обсуждала предложение о суде над королем, 2 января это предложение было принято единогласно, но столь же единогласно отвергнуто лордами. Ставши на революционный путь, партия индепендентов должна была сделать и следующий шаг, покончив с верхней палатой. 4 января парламент постановляет, что только общины Англии, собранные в парламенте, как представители народа, имеют высшую власть в государстве. „То, что общины об'явят законом, должно иметь силу закона, хотя бы ни король, ни лорды, не присоединились к ним". Это уже было фактическим провозглашением республики, предрешавшим все дальнейшие мероприятия индепендентского правительства. 6 января был образован верховный трибунал из 135 человек для суда над королем. Никакие посторонние соображения и никакие доводы противников из монархистского лагеря не могли уже поколебать твердой решимости индепендентов. Ясно сознанная необходимость спасения и закрепления завоеваний революции побуждала руководящий центр партии, во главе с Кромвелем, идти прямой дорогой к цели — к уничтожению монархии. 20 января королю был пред'явлен обвинительный акт, в течение 10 дней продолжалась судебная процедура, а 30 января Карл I сложил свою голову на эшафоте. Борьба за суверенитет парламента была закончена и перед победившими революционными партиями встала на очередь трудная задача — установления нового общественного и политического порядка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Английская республика и протекторат.

(1649 — 1660).

Фактическое установление республики открывает новый этап в развитии английской революции. Ожесточенная классовая борьба предшествующих лет вынесла на гребень волны индепендентскую партию, во главе которой стоял крупнейший деятель эпохи, Оливер Кромвель, соединявший в себе выдающиеся качества политического деятеля и неустрашимого революционера, трезвого политика с широким государственным кругозором и железного диктатора, закаленного на полях сражений и не знавшего колебаний в достижении намеченных целей. Перед победителями стояла необычайно тяжелая задача — установления нового порядка в очень сложной обстановке внешних и окраинных затруднений и острого кризиса внутри государства. 1648—9 годы были самыми тяжелыми годами в жизни Англии за весь XVII век. Страна была до последней степени истощена шестью последовательными неурожайными годами, беднейшее население в графствах и городах массами умирало от голода и эпидемий, процесс обезземеления крестьянства шел ускоренным темпом, в связи с земельной горячкой вокруг распродажи конфискованных имуществ. Цены на хлеб и предметы первой необходимости поднялись до небывалого уровня, в то время как заработная плата испытала лишь незначительное повышение, да и то для наиболее квалифицированных видов труда. Налоговое бремя становилось невыносимым для населения, в то время как расходы государства, в связи с внешними осложнениями, возрастали. Эти годы отмечены страшным застоем в торговых делах, отражавшимся на текстильной промышленности Восточных графств. Внешний рынок оказался в руках соперников, развязавших себе руки по окончании тридцатилетней войны в 1648 году, а внутренняя торговля была парализована отсутствием покупательной способности у населения, истощенного бедствиями войны, голода и эпидемий. Конец сороковых годов отмечен в Англии массовыми банкротствами и крахом предприятий. Картина грандиозного внутреннего кризиса осложнялась тем, что английская революция, казнившая короля и упразднившая монархию, нажила себе многочисленных врагов заграницей. Разумеется, истинная причина враждебных и воинственных

настроений на континенте лежала гораздо глубже. После того, как рассеялось первое впечатление от известий о казни короля, при европейских дворах встал вопрос о признании новоявленной республики и об установлении нормальных отношений с ней; стало очевидным, что симпатии и антипатии крупнейших европейских государств диктовались вполне реальными соображениями. Но предварительно английская республика должна была еще доказать свое право на существование и справиться со своими врагами, которые, с первого же момента установления нового строя, стали подготовлять нападение на мятежную республику, разжигая пламя восстания в окраинных государствах. Перед победителями в гражданской войне встает чрезвычайно сложная проблема умиротворения Ирландии, которая пребывала в состоянии хронического кипения и составляла постоянную угрозу революционным классам Англии. Процесс обезземеления ирландского крестьянства сделал большие успехи за время революционных войн. В момент утверждения республики, уже $^3/_4$ ирландских земель принадлежали новым собственникам, водворившимся здесь англичанам и шотландцам. Обездоленному ирландскому населению нельзя было рассчитывать на поддержку какой-либо партии у могущественного соседа, оставалось только положиться на собственные силы и помощь извне. Ирландия превращается в аванпост европейской интервенции. Ясное сознание грозившей отсюда серьезной опасности побуждало Оливера Кромвеля принять с самого начала решительные меры, и он лично предпринимает военную экспедицию на „Зеленый Остров". Борьба ведется с полной беспощадностью и затягивается на ряд лет, болезненно отражаясь на внутреннем состоянии республики.

Но у английских индепендентов был и другой опасный сосед — Шотландия, которая не один уже раз своим активным участием в гражданских войнах влияла на исход борьбы в Англии и в то же самое время представляла удобный плацдарм для иностранного вмешательства. Внутри самой Шотландии шла напряженная классовая борьба, выдвинувшая две вполне сложившиеся политические партии — парламентскую партию „виггаморов" и роялистскую партию „энгэджеров" [1]. По окончании второй гражданской войны первые взяли верх, и, благодаря этому, между двумя государствами установились нормальные отношения. Но исключительные события в Англии 1648—9 г.г. вызвали

[1] Эти две партии соответствовали двум английским партиям — „пресвитерной" и „кавалеров".

резкий перелом в настроениях шотландцев, и заглохшие было враждебные чувства вспыхнули с новой силой, обеспечив прочный успех шотландским роялистам, а это, в свою очередь, привело к тому, что Шотландия снова стала очагом контр-революционных предприятий и твердыней поверженного монархизма. Наследнику казненного короля, Карлу II, легко было договориться с шотландским парламентом и создать в Шотландии базу для военного вторжения в пределы мятежной английской республики, которая вынуждена была, таким образом, сразу бороться на два фронта и отстаивать свое бытие.

Окруженная врагами извне, английская республика, в лице ее руководителей, вождей партии индепендентов, поставлена была перед трудной задачей — установления нового политического порядка в обстановке затянувшегося кризиса и возбужденного настроения широких масс. Первые акты нового правительства лишь придали юридическую форму фактически создавшемуся положению вещей. 6 февраля 1649 г., особым постановлением палаты общин, палата лордов была об'явлена бесполезным и опасным учреждением, подлежащим уничтожению. Формально она была упразднена в середине марта. 7 февраля была вынесена резолюция об уничтожении монархии, как установления гибельного для свободы и безопасности нации. Провозглашение Англии республикой состоялось несколько позднее, а именно — 19 мая. Таким образом, суверенитет палаты общин был закреплен в законодательном порядке. Но рядом с ней создано было новое учреждение — государственный совет, на который были возложены функции центральной исполнительной власти. Состав его, в количестве 41 члена, назначался парламентом из его же среды. Ведению государственного совета подлежали вопросы внешней политики, обороны государства и обеспечения внутреннего порядка, при чем верховная власть сохранялась за парламентом. Нужно однако сказать, что после Прайдовой чистки, сократившей количество депутатов до очень ничтожной цифры, членами обоих учреждений были одни и те же лица и фактически весь аппарат управления находился в распоряжении руководящего ядра индепендентской партии.

После казни короля, в отношениях между партиями произошли существенные изменения. Уже самый факт ликвидации монархии и решительной расправы с Карлом I не мог не повлиять на настроения „благомыслящего" дворянства, особенно в среде эмигрантской. Но и внутри государства наблюдался под'ем монархических чувств, под све-

жим впечатлением январских событий. Многочисленным английским роялистам приходилось, однако, или пребывать изгнанниками на чужбине, или прятаться в подполье, в ожидании лучших времен, так как новое республиканское правительство не склонно было щадить своих политических противников, продолжавших лелеять мечты о восстановлении монархии с помощью иностранных штыков. Сошла на время со сцены и партия пресвитериан, приведенная к молчанию крутыми мерами новой власти. Индепенденты, опиравшиеся на „грандов" армии, чувствовали под собой уже твердую почву, но им приходилось выступать на свою собственную защиту против яростных нападений скрытой и явной оппозиции. Идеологом и адвокатом господствующей партии был крупнейший писатель этой эпохи, секретарь государственного совета, Мильтон. Им был составлен, опубликованный уже после казни короля, замечательный трактат „О праве королей и сановников", где он выступил с теорией тираноубийства. „Не может быть, — заявляет Мильтон, — более угодного богу жертвоприношения, как убийство жестокого и несправедливого тирана". Но было бы ошибочно считать автора указанного трактата последовательным радикалом. Касаясь, в одном из своих памфлетов, всеобщего избирательного права, он об'является себя решительным противником „шумной голосящей толпы" и заявляет о необходимости ограничить круг избирателей лицами, обладающими „законной правоспособностью". Он строго отличает „народ" от „простонародья", разумея под первым „средний класс, который богаче всех умными, деловыми людьми", а под вторым чернь, которой, „благодаря лишениям и нищете, недостает добродетели и понимания, необходимых для самоуправления". Ясно, что в своих социально-политических воззрениях великий английский писатель стоит на почве тех же положений, какие были формулированы в наиболее раннем конституционном проекте индепендентов — „Основах предложений".

Но, если в отношении поверженных противников справа индепендентам приходилось выступать в роли собственных адвокатов, то совсем иначе складывались отношения с наиболее радикальной партией — левеллеров. Первая половина 1649 г. отмечена новым под'емом левеллерского движения, имевшим свое средоточие в солдатских массах. С утверждением республиканского строя, сгладившиеся на время разногласия между „грандами" и солдатами снова выступили наружу как по вопросам практическим, так и принципиальным. Уже в средине февраля левеллеры начинают ожесточенную кампанию за восстановление солдатского

представительства в армейском совете. Но эти притязания сразу же встретили решительный отпор со стороны генералов и высшего офицерства, которое рассматривало подобные выступления, как мятежные, и воздействовали на послушный парламент, добиваясь издания особого акта, карающего за антиправительственную пропаганду в армии. Это уже было равносильно об'явлению войны недавнему союзнику. Имя Джона Лильборна снова заставляет о себе говорить, но его обличения направлены уже всецело по адресу „новых тиранов". 26 февраля он выпускает памфлет, под красноречивым названием „Новые цепи Англии", настаивая на замене государственного совета особым комитетом, созываемым на короткий срок, на скорейшем избрании нового парламента и на издании существующим парламентом акта о самоотречении, как гарантии против длительного пребывания у власти одних и тех же лиц. Вслед за тем, на имя Ферфакса поступает петиция 8 солдат с резким протестом против ограничения солдатских прав. Петиционеры были привлечены к ответственности и наказаны, но за них снова вступился Лильборн, опубликовавший 24 марта „Вторую часть новых цепей Англии", в которой делает резкие выпады против парламента и требует восстановления в армейском совете института „агитаторов" и проведения в жизнь „Народного Соглашения". Гневные нападки вождя левеллеров широко разнеслись по графствам и заставили насторожиться правительство. 27 марта парламент об'явил памфлет Лильборна мятежным и опасным для спокойствия государства, а самого автора, вместе с тремя его сторонниками, привлек к судебной ответственности, как изменников, заключив предварительно в Тоуэр (государственная тюрьма). Арест вождей вызвал большое возбуждение в Лондоне, но еще серьезнее он отозвался на настроении войсковых частей, и без того возбужденных попытками генералов развязаться с нежелательными элементами под предлогом вербовки свежих контингентов в Ирландию. Правительство стояло перед фактом назревающего серьезного движения в среде рядовых солдат и широкого недовольства в стране. Оно не чувствовало опоры и в столице, где оппозиция пресвитерианская и радикальная свила себе прочное гнездо. Нельзя было положиться даже на городские власти во главе с самим лорд-мэром, и в первые месяцы 1649 г. было проведено обновление состава городских учреждений. Следующим шагом были финансовые мероприятия, направленные к изысканию средств на содержание армии и уплату давно просроченного жалованья солдатам. Сбор „композиций" с земель „деликвентов",

церковных и королевских имуществ оказался недостаточным, и правительство обратилось за помощью к Сити, оправдывая свое обращение тем, что ирландская экспедиция имеет своей целью колонизацию острова пуританами и искоренение папистов. Но лондонское купечество осталось глухо к этому призыву, и парламенту пришлось заняться распродажей епископских земель для пополнения опустевшей казны. Однако, все попытки успокоить армию выплатой жалованья успеха не имели. Движение разросталось. В парламент подавали многочисленные петиции, покрытые десятками тысяч подписей, с требованием немедленного освобождения Лильборна. В ответ на это палата постановила без дальнейших отсрочек представить арестованных вождей на суд. Для данного момента характерно стремление дискредитировать левеллерское движение настойчивым указанием на его разрушительную сторону. Это было тем легче сделать, что приблизительно с конца 1648 г. в стране ясно наметилось новое течение, отражавшее настроения городской и деревенской бедноты. Идеологи этого течения, в отличие от левеллеров, присвоили себе название „истинных левеллеров“ и в своих политических и социальных требованиях шли гораздо дальше сторонников Лильборна. Последний поспешил отмежеваться от них и 16 апреля в особом манифесте резко протестовал против приписывания ему и его товарищам намерений уравнять имущества и упразднить собственность. И в жизни, и в литературе, и в речах политических деятелей того времени, особенно Кромвеля, эти два течения упорно смешиваются и не всегда с умыслом. Понятие „левеллера“ или „уравнителя“ было достаточно широко и растяжимо, и в наиболее напряженный период революции под него подводились в представлении рядового обывателя все радикально настроенные противники существующего политического и социального порядка. Термин „левеллер“ постоянно встречается в сообщениях и мемуарах этой поры, но далеко не всегда он означал определенную политическую партию с ясно очерченной политической и социальной программой. За вождями этой партии в начале республиканского периода потянулись широкие народные массы, выбитые из колеи затяжной гражданской смутой, социальным угнетением и тяжелыми экономическими условиями. Недостаточная классовая расчлененность низшего сельского и городского населения была причиной того, что его стремления не выявились с той определенностью, которая столь характерна для собственнических революционных партий, в том числе и для „левеллеров“, шедших за Лильборном. Но политическая платформа по-

следних могла до известной степени привлечь к себе симпатии обездоленных классов, в особенности же деревенской бедноты. Разумеется, такой союз не мог быть прочным и продолжительным, и в этом смысле первые годы английской республики вносят новые черты в картину социальных движений великой революции. Мы впервые сталкиваемся здесь с фактом самостоятельных выступлений на арену борьбы пролетарских и полупролетарских элементов Англии, выдвинувших своих собственных вождей, которые и придали отчетливую форму стремлениям и идеалам угнетенных классов. Было бы ошибочно усматривать в движении „истинных левеллеров" появление новой радикальной партии, не менее было бы ошибочно искать в учениях первых английских коммунистов, особенно у Винстэнли, формулировки политической программы какого-либо определенного класса, хотя бы и беднейшего, или, наконец, ставить знак равенства между социальными и аграрными движениями этой эпохи и социально-религиозными учениями английских коммунистов и сектантов. Городская и деревенская беднота была настолько забита и задавлена тяжелыми условиями существования и беспощадной эксплуатацией собственнических классов и настолько равнодушна к злободневным вопросам текущего момента, что ни о каком политическом движении в ее среде не могло быть и речи. Правильнее будет сказать, что коммунистические учения периода республики, оставаясь по существу идеологическим течением, отражали в себе интересы и чаяния беднейших классов, выведенных из состояния апатии и безмолвия и вовлеченных в революционное движение невыносимыми условиями существования. Появление социалистических учений и выступление экзальтированных пророков и проповедников, возвещавших скорое наступление б о ж ь е г о ц а р с т в а, ясно указывали на то, что английская революция подходила к наиболее напряженному моменту в своем развитии. Победа была уже одержана, и руководящие классы, носители материального богатства Англии, нуждались только в одном — в закреплении результатов одержанной победы и в установлении внутреннего порядка. Этим охранительным тенденциям угрожала теперь опасность слева и со стороны социальных низов. Перед победителями вставал призрак аграрного коммунизма, отрицающего собственность. В обстановке классовой борьбы и тяжелого внутреннего кризиса, учения „истинных уравнителей", несмотря на свой мирный и утопический характер, приобретали действенное революционное значение, играли роль лозунга, боевого призыва и, как таковые, встретили суро-

вое и беспощадное преследование со стороны защитников порядка и собственности — индепендентского правительства.

Появление первых коммунистических произведений стояло в тесной связи с одним из любопытнейших эпизодов английской революции этой поры — с движением так называемых „диггеров" или „копателей". В начале апреля 1649 г., неподалеку от Лондона, на холме Сен-Джордж-Гилль, появилась толпа людей, вооруженных лопатами, раскинула здесь палатки и принялась за обработку пустующих, но им не принадлежащих земель. Спустя неделю, власти, обеспокоенные необычным поведением пришельцев, выслали сюда отряд кавалерии, которая и рассеяла толпу, арестовав зачинщиков. Из их числа особенно обратили на себя внимание двое: Джерард Винстэнли, гражданин лондонского Сити, и Вильям Эверард, бывший солдат кромвелевской армии, повидимому, исключенный оттуда за свою приверженность к левеллерству. Представленные генералу Ферфаксу, они отказались снять перед ним шляпы, ссылаясь на то, что он такой же человек, как и они, а Эверард об'яснил, что ему „в видении повелено копать и обрабатывать землю и что они намерены возделывать только пустоши, но очень скоро все люди добровольно соединят свои имения и будут жить в коммуне, сообща питаясь и одеваясь, без купли-продажи. Как ни скромны были намерения „диггеров" или „копателей", как они себя называли, но описанная выше попытка возделывать заброшенные участки земли не прошла безнаказанно для зачинателей земельного коммунизма. Еще до прибытия солдат с ними жестоко расправились окрестные крестьяне, очевидно, пользовавшиеся правом выпаса на холме Сент-Джордж-Гилля: они разрыли засеянные участки. По некоторым косвенным указаниям можно заключить, что выступления диггеров были не единичны, но из них не получилось широкого аграрного движения. Однако, в связи с описанным выше случаем, создалась довольно обширная литература памфлетов, манифестов и обращений, в которых вожди „диггеров" подробно обосновали права бедняков на землю и дали картину будущего земельного коммунизма. Литературные выступления „истинных левеллеров" представляют глубокий интерес, так как, за внешней словесной оболочкой видений и библейских ссылок, перед нами выступает неприкрашенная деревенская действительность. Тяга диггеров к земельному равенству подсказывалась необычайно тяжелым положением мелкого держателя и сельского полупролетария, которому революция не только не принесла никакого облегчения, но, наоборот, поставила перед фактом новой тирании. Наиболее раннее литературное произве-

дение коммунистов — это манифест, выпущенный 5 декабря 1648 г., под длинным и характерным заглавием: „Свет, сияющий в Букингамшире, или раскрытие великой главной причины всякого рабства во всем мире и особенно в Англии, изложенное в форме прокламации многих благонамеренных людей страны ко всем бедным и угнетенным сельским жителям Англии и предназначенное также к сведению современной, предводительствуемой лордом Ферфаксом, армии". Вспомним, что это был знаменательный момент английской революции, когда решалась судьба монархии и вопросы политического порядка составляли злобу дня. Памфлет начинается с решительного заявления, что „короли — враги царствия христова" и нужны они только богачам, дворянам и адвокатам, но вовсе не самому народу. Но центр тяжести в этом документе, равно как и во всех других произведениях „истинных уравнителей", лежит не в политических проблемах, а в критике социального неравенства, в отрицании существующего общественного порядка. Это придавало необычайную яркость и агитационную силу языку коммунистических памфлетов и манифестов. Их внешний мистический облик только усиливал их революционизирующее действие, а основная аргументация была необычайно конкретна, изобиловала иллюстрациями, взятыми из вполне реальной действительности. Это обеспечивало им широкий успех именно в среде деревенской Англии, остававшейся равнодушной к политическим проблемам революции. Указанный выше памфлет быстро разошелся, и понадобилось второе издание, а вслед за ним вышло продолжение, под заглавием „Еще о свете, сияющем в Букингамшире" (30 марта 1649 г.). Дальнейшая памфлетная литература связана уже всецело с демонстративными выступлениями „диггеров", которые, несмотря на преследования, продолжали осуществлять свое право на обработку пустующих земель в течение всего 1649 г., пока не были приняты весьма решительные меры в отношении их, вплоть до снесения их жилищ и разграбления их жалкого имущества. Но отголоски диггеровского движения слышатся и в начале 50-х годов. Духовным вождем и идеологом „истинных левеллеров" был упомянутый уже выше Джерард Винстэнли, несомненный автор большинства коммунистических памфлетов, появившихся в 1649 году. Первые его литературные выступления носят яркую мистическую окраску, но мало-по-малу проблема социальной неправды выдвигается у него на первый план, и в его обличениях и конкретных иллюстрациях уже слы-

шатся призывы социального реформатора, очень далекие от прежней проповеди непротивления злу. Так, например, в памфлете „Водружение знамени истинных левеллеров“, выпущенном вскоре после описанного выше выступления диггеров, мы встречаем определенный мятежный призыв: „Израиль не должен ни принимать арендной платы, ни уплачивать ее сам“. Не меньшей определенностью и революционной силой отличается и аргументация коммунистических памфлетов, направленная по адресу собственнических классов и установившегося нового политического порядка. Она облекается в форму резкого протеста против всех пережитков деревенского феодализма, против „лордов маноров“ (помещиков), против всех привилегий, монополий, акцизов, налогов, против всякой эксплуатации и рабства. „Истинные уравнители“, устами Винстэнли и других вождей, настойчиво отстаивают главное свое положение: революция упразднила королевскую и церковную собственность, и освобожденная земля является народным достоянием и по праву принадлежит теперь обездоленным и неимущим. И в этом они усматривают оправдание самочинным действиям диггеров, нашедших себе многочисленных подражателей в различных графствах Англии, насколько можно судить по письму, напечатанному в одном из журналов в начале 1650 г. Пропаганда коммунистов оказывала свое действие, но результаты самочинных выступлений деревенской бедноты были весьма плачевны, как показывает перечень актов насилия над „копателями“, приложенный к памфлету „Новогодний подарок парламенту и армии“ (начало 1650 г.). До нас сохранилась и боевая песня диггеров, представляющая злую и резкую сатиру на все собственнические классы и сословия, но чрезвычайно характерно, что революционные призывы уживаются в ней с провозглашением любви и мира, как единственного орудия копателей. Этой двойственностью отмечено и все движение диггеров в целом. Оно знало периоды под'ема революционной энергии и упадка ее, но самостоятельного значения в сложной классовой борьбе этой эпохи не имело. Сам глава „истинных уравнителей“ Винстэнли после того, как стал охладевать боевой пыл его последователей, уносится мыслью в далекое будущее и в своей замечательной утопии „Закон свободы, изложенный в виде программы, или восстановление истинной системы правления“ (1651—2 г.) набрасывает картину коммунистического общества, осуществляющего идеал земельного и социального равенства на основе упразднения частной торговли и частного капитала, этой причины „всех войн и злоупотреблений“.

Революционная роль английского коммунизма была сыграна уже в 1649 г.; она тесно была связана и с общим под'емом революционного движения в стране, опиравшегося главным образом на солдатские массы. Несмотря на то, что вождь левеллеров, Джон Лильборн, поспешил отгородиться от „крайне вредного" учения об „уравнении в имуществе и правах", между партией „левеллеров" и последователями коммунизма существовал ряд переходных ступеней. В памфлетах „истинных уравнителей" есть ряд указаний на их связи с армией, и это обстоятельство, быть может, и придавало мятежный, вызывающий характер их нападкам на существующий строй. Два радикальных течения английской революции по многим вопросам могли найти общий язык, тем более, что как раз именно в первой половине 1649 г. армия находилась в чрезвычайно возбужденном состоянии, породившем ряд солдатских восстаний. Ближайшим поводом к ним послужила принудительная отправка в середине апреля кавалерийских и пехотных полков в Ирландию. Некоторые из них побросали оружие и отказались повиноваться, настаивая на выполнении требований, пред'явленных левеллерами. 24 апреля солдатский мятеж вспыхнул среди драгун, но был быстро подавлен, а один из зачинщиков, Роберт Локиер, был расстрелян по приговору полевого суда. Похороны „мученика армии" превратились в грандиозную демонстрацию, в которой участвовали десятки тысяч лондонского населения. Лильборн из стен своего заключения отозвался на события особым письмом на имя генерала Ферфакса, в котором смертный приговор над солдатами об'явил государственной изменой. Вслед за тем пришли известия о ряде мятежей в полках, расквартированных по различным графствам. Солдаты стремились на соединение друг с другом, чтобы совместно бороться против полевых судов и „новой тирании" и за немедленное осуществление „Народного Соглашения". Произошел ряд решительных сражений между восставшими полками и высланными против них войсками, оставшимися верными правительству. Движение было подавлено к концу мая, несколько зачинщиков было казнено, в том числе главный руководитель восставших — знаменщик, капитан Томпсон. Уже современники признавали, что это был не простой солдатский мятеж, а крупное социальное движение, вдохновителями которого были левеллеры, и удар, нанесенный восставшим воинским частям, был поражением партии левеллеров. Если рядовая солдатская масса шла за радикальными вождями по мотивам преимущественно материального порядка, в связи с неуплатой жалованья, то наиболее

сознательная часть армии, прошедшая многолетнюю политическую школу, была воодушевлена более высокими побуждениями. Правильную оценку движению дают его руководители. Один из них в своих показаниях перед судом определенно заявляет: „многие были доведены до отчаяния мыслью, что на место низвергнутого тирана поставлен новый". Еще определеннее заявления других вожаков восстания, указывавших, что главная цель движения — осуществление „Народного Соглашения". Политическая реформа откладывалась со дня на день, и законопослушное парламентское „охвостье", бывшее в полном подчинении у индепендентского правящего центра, не проявляло никакой склонности к проведению в жизнь того согласительного конституционного проекта, который был выработан на армейских собраниях конца 1648 г. и затем представлен в палату. Парламентская и правительственная проволочка в столь важном и насущном вопросе волновала солдатские массы и их руководителей — левеллеров. Радикальное политическое движение в армии, вылившееся в ряд восстаний, означало уже полный разрыв между левеллерами и индепендентами. Связанное с общим под'емом революционного движения в стране, оно представляло уже серьезную угрозу не одним только роялистам и пресвитерианам, но и индепендентам. Подавление солдатских восстаний в 1649 году подорвало политическое значение левеллеров. После этого они уже оправиться не могли, а в ходе английской революции наступил резкий перелом, в результате которого наметилось уже иное соотношение социальных сил и политических группировок. Нельзя не обратить самого серьезного внимания на, казалось бы, мелкий, но весьма знаменательный факт. Вскоре же после победы над мятежными солдатами, реформированный в духе пуританизма Оксфордский университет торжественно дарует Кромвелю и Ферфаксу пурпурные мантии „докторов гражданского права", а остальным отличившимся командирам более скромное одеяние — „мастеров искусств". Парламент приносит победителям благодарность от имени английского народа, а пресвитерианское Сити чествует их блестящим банкетом. Кромвель и его сподвижники, твердой рукой положившие конец „анархии", творили волю средних классов — дворянства и купечества, которые склонились почтительно перед спасителями „священной собственности" и забыли на время о политических разногласиях. Под этим углом зрения следует подходить и к дальнейшим событиям периода республики — к Ирландской и Шотландской войне, к внешней политике индепендентов — к их государственному строитель-

ству. Нас мало могут интересовать детали событий, на чем так любят останавливаться историки английской революции; для нас гораздо важнее, минуя отдельные эпизоды, уяснить общий смысл происходивших тогда глубоких изменений во внутреннем и внешнем положении Англии и закрепить в нашей памяти основные результаты революции.

В январе 1649 г. почти вся Ирландия была охвачена восстанием. Сознавая всю серьезность положения, Кромвель взял на себя руководство военными операциями в Ирландии и в течение года завоевал половину острова. Окончательное подавление восстания произошло лишь в 1652 г. Оставались незамиренными лишь отдельные партизанские отряды так называемых „тори", или „преследователей", в отношении которых победители действовали беспощадно. Но и вся ирландская кампания в целом отличалась невероятной жестокостью. По свидетельству экономиста этого времени Петти, население Ирландии уменьшилось на одну треть. Еще значительнее были экономические и социальные последствия карательной экспедиции. Кромвель произвел грандиозную земельную экспроприацию, обездолив туземное ирландское население и наделив землями офицеров и солдат своей армии в счет невыплаченного им, жалованья, поставщиков и подрядчиков, многих частных лиц, оказавших услуги правительству, и даже ученых, нуждавшихся в материальной поддержке для окончания своих научных работ. В августе 1652 года был издан „Акт о землеустройстве", в силу которого земли повстанцев подлежали конфискации, при чем были установлены различные категории виновных. Участники восстания 1641—2 г. лишились всей земли; лицам, замешанным в более поздних восстаниях взамен от бранных участков давалась треть надела в северо-западном районе острова — в Конноте. Эта норма увеличивалась до $^2/_3$ для тех ирландцев, активное участие которых в восстании не было точно установлено. В общем, взамен 6—7 миллионов акров земли переселенцы получили около $1^1/_2$ миллионов акров и притом в менее плодородной местности. Конфискованные участки были распределены далеко не равномерно. Солдатские наделы не превышали нескольких акров, в то время как офицерская земля насчитывала тысячи акров на каждого. При этом вокруг ирландской земельной операции развилась усиленная спекуляция. Земли скупались за бесценок офицерами и авантюристами у солдат и мелких собственников, в результате чего в Ирландии создалась могущественная земельная аристократия, беспощадно эксплуатировавшая труд безземельных туземцев. Так был разрешен ирландский вопрос. Землеустроительная

политика Кромвеля лишь завершила тот процесс аграрной колонизации „Зеленого Острова“, который начался задолго до революции. Индепендентский диктатор и в этом случае творил волю средних классов, в особенности же передового дворянства.

Умиротворение и подчинение другой окраины — Шотландии — представляло не менее сложную и трудную задачу, поскольку здесь английским завоевателям противостояла страна с развитыми социальными и политическими отношениями. Но опасность со стороны этого оплота роялизма была слишком велика, чтобы можно было медлить. В течение 1650—2 годов Кромвелю удалось разгромить три шотландских армии и покончить с независимостью северного королевства. В апреле 1652 года парламентским актом Шотландия была присоединена к Англии, но земельные конфискации и перетасовки не приняли здесь таких грандиозных размеров, как в Ирландии. Победы республики над своими ближайшими соседями — привели к значительному расширению территории, но перед правительством встала новая задача — подчинения заморских колоний, где точно также шла борьба между сторонниками парламента и короля. Даже пуританские колонии так называемой „Новой Англии“ (северные штаты) не склонны были мириться с отношениями зависимости и подчинения метрополии, не говоря уже о роялистских колонистах южных штатов Сев. Америки, признавших после казни Карла,— его преемника своим законным королем. Против непокорных отправлена была целая эскадра, и в январе 1652 г. колонисты острова Барбадоса в Вест-Индии первые вынуждены были склониться перед силой и признать суверенитет парламента. За ними последовали другие острова Вест-Индии и южные штаты. В борьбе с колониями английские революционеры уже выступают перед нами как продолжатели традиции, унаследованной от королевского периода.

Подчинение американских колоний уже вводило английскую республику в область международных отношений. На первый взгляд казалось, что и здесь речь шла о восстановлении нарушенных связей, о признании за границей нового политического порядка, созданного революцией. Против республики, рожденной в бурях гражданской войны — после казни Карла I создался враждебный фронт на континенте роялистской Европы. Английские монархисты-эмигранты на этом строили свои надежды, рассчитывая на иностранную интервенцию. В их распоряжении был небольшой флот, во главе которого стоял бывший сподвижник Карла I, принц Руперт. Последний держался возле берегов Англии на

прилегающих островах, занимался обычными для того времени разбойными нападениями на английские торговые суда и пытался заручиться поддержкой иностранных дворов. Но в действительности оказалось, что короли и министры Европы не склонны были итти дальше излияний, сочувствия сыну казненного короля и английским кавалерам. Мятежная „республика цареубийц“ своими победами в Ирландии и Шотландии убедительно показала свою силу, перед которой не могли не склониться враждебно настроенные к ней европейские державы. Испания первая поспешила признать республику, желая найти в Англии оплот против ее исконного врага—Франции. Но и при дворе малолетнего Людовика XIV с ревнивой подозрительностью и страхом следили за успехами англичан и длительно обсуждали вопрос о признании. Решительная победа над шотландцами при Ворчестере положила предел дальнейшим колебаниям: европейские дворы, большие и малые, поспешили со своими поздравлениями республике и наперерыв заявляли готовность возобновить официальные сношения. Реальные хозяйственные расчеты брали верх над политическими и религиозными антипатиями и побуждали искать компромисса. Из всех государств Европы наибольшую враждебность к английской республике проявила единоверная ей Голландия — этот единственный оплот политической свободы на континенте, но в тоже время и наиболее могущественная торговая держава, безраздельно царившая на мировых и европейских торговых путях. За время гражданской войны и революции, она успела использовать внутренние неурядицы своей соседки и сосредоточить в своих руках транзитную торговлю даже с американскими и вест-индскими колониями Англии, не говоря уже о прилегающих водах Немецкого и Балтийских морей, приобретавших в эту эпоху огромное значение, в связи с вывозом из стран Восточной Европы хлеба, лесных материалов и другого сырья. Наконец и у себя дома, в своих собственных водах, англичане не чувствовали себя хозяевами: рыбная ловля находилась в руках голландцев, английские товары нередко перевозились на голландских судах. Дешевизна фрахта, искусство и предприимчивость моряков, сильная поддержка банков Амстердама и Роттердама давали Голландии огромное преимущество. Нет ничего удивительного в том, что для республики Кромвеля, как только упрочилось ее внутреннее и внешнее положение, прежде всего встал вопрос о взаимоотношениях со своей соседкой. На первых порах делались попытки найти общий язык для мирного соглашения. Кромвель выдвинул проект соединения двух респу-

блик в один тесный союз, но длительные переговоры об этом остались совершенно безрезультатны, так как голландское правительство сразу же поняло, что лежит в основе такого предложения. Между двумя претендентами на мировое господство возможна была только борьба. Первым ее актом и было опубликование 9 октября 1651 г. „Навигационного акта", в силу которого заморские товары могли ввозиться в Англию и ее колонии только на английских судах, а европейские товары—или на английских судах, или на судах тех стран, откуда происходили ввозимые продукты. Посреднической, по преимуществу, торговле голландцев эти ограничения наносили серьезнейший ущерб, тем более, что в специальных статьях навигационного акта предусмотрен был и ввоз рыбы и продуктов рыболовства, составлявшего основное занятие голландского населения. Попытки специально снаряженного и торжественно принятого в Англии посольства Соединенных Провинций — добиться отмены или смягчения акта—оказались безрезультатны, и открытый разрыв между двумя республиками стал неизбежным. 12 мая 1652 г. неподалеку от Дувра голландская эскадра под командой Тромпа и английская — под командой Блэка неожиданно вступили в бой, а 7 июля того же года война была и формально об'явлена английским парламентом. Она продолжалась в течение двух лет с переменным успехом и с большим упорством. В апреле 1654 г. Голландия была вынуждена заключить мир и признать Навигационный акт. Значение английской победы было огромно. Положение республики окончательно упрочилось на континенте. Франция уже в 1652 г. решилась признать безоговорочно новый режим в Англии, и намечался уже союз между двумя государствами. Голландия не могла уже восстановить монопольное владение мировыми и европейскими рынками. Но еще значительнее были последствия этой победы для внутреннего развития Англии. Внешняя политика Кромвеля диктовалась потребностями торгового капитала и интересами средних классов, и в глазах последних вождь индепендентов и глава республики был национальным героем. Мы наблюдаем окончательный разрыв индепендентов с радикалами, сохранившими свою революционность, но уже бессильными создать широкое движение в стране. Командующие классы—купечество и дворянство—заинтересованы только в том, чтобы закрепить за собою завоевания революции. Внешние и внутренние затруднения заставляли откладывать установление прочного политического порядка. От Долгого парламента остались только жалкие обломки, дискредитировавшие себя окончательно во время голланд-

ской войны взяточничеством, злоупотреблениями и спекуляциями с конфискованными имуществами. Фактически установившаяся диктатура индепендентского ядра была единственным организующим началом в стране и настоящей твердой властью, которая опиралась на армейский совет, главным образом на офицерство. В связи с тяжелым внутренним положением государства, требование реформ и прочного порядка становится все более и более настойчивым и идет оно из той же армейской среды, встречая упорное противодействие парламента. Во время голландской войны английская торговля сильно страдала от того, что английский флот не был хозяином в европейских морях. Лондонские купцы терпели большие убытки от постоянных захватов в Немецком и Средиземном морях торговых судов с товарами.

Особенно давали себя знать перерывы в доставке угля, сильно поднявшегося в цене. Одна из газет высказывала опасение, что угольный голод доведет народ до отчаяния: и если голландцы будут перехватывать уголь, „мы очень скоро перережем друг другу глотки". Требовались решительные меры для восстановления нормального порядка, в то время как парламент продолжал бездействовать. 20 апреля 1653 г. наступила неизбежная развязка. Узнавши о том, что депутаты спешно пытаются провести билль о дополнительных выборах для замещения вакансий, освободившихся после „Прайдовой чистки", Кромвель явился на заседание с отрядом солдат и приказал очистить зал заседания. Точно таким же образом он расправился и с государственным советом. Вечером в тот же день на дверях парламента появилась насмешливая надпись: „этот дом сдается в наймы без обстановки". Долгий парламент, так бесславно закончивший свои дни, давно уже пережил самого себя и утратил реальное значение. Он был также сметен с политической арены, как и король, и палата лордов, и старые монархические учреждения.

В жизни Англии наступил единственный в своем роде момент, когда прервалась многовековая конституционная традиция и власть в стране всецело сосредоточилась в руках фактического диктатора, опиравшегося на армию. Революция свою разрушительную работу выполнила. Теперь оставалось довести до конца и вторую задачу — установления нового социального и политического порядка. Но при оценке событий периода протектората следует иметь в виду, что в политических группировках с момента установления твердой власти происходит сдвиг, которому кладет начало уже самый факт победы революции.

Ход и направление революции определялись в конечном итоге классовыми интересами двух основных социальных групп — торговой буржуазии и передового дворянства, проникнутого духом капиталистической предприимчивости. К ним примыкали и капиталистические элементы деревни — фермерство и крупное крестьянство. Коалиция указанных социальных групп и привела к победе революции, которая является таким образом революцией имущих, или, точнее, революцией буржуазного характера. Но по мере того, как развертывались события и революция стала одерживать победы, наблюдается постепенное остывание революционного энтузиазма в рядах борющихся групп.

Раньше всего этот момент наступил для купечества и значительной части дворянства, составлявших ядро пресвитерианской партии. Торговому капиталу и новому землевладению достаточно было уже победы над королем. Своей задачей они ставят закрепление результатов победы и охрану их против посягательств не столько со стороны феодального дворянства, сколько против бывших своих союзников слева.

Этим и определялась тактика пресвитериан во второй период революции, когда руководящая роль перешла к имущим классам деревни, более радикально настроенным и шедшим на борьбу под флагом индепендентства. Но и эта партия после своей победы и захвата власти меняет фронт борьбы, направляя свое оружие против крестьянской массы и бедноты. С этого момента революционные партийные группировки уже теряют реальное значение. Призрак „коммунизма“, посягающего на священную собственность, сплачивает вокруг республиканского правительства собственнические классы, и государственная политика твердой власти уже определяется всецело интересами этих классов — торговой буржуазии и землевладельцев.

Партийные клички остаются прежними, но они уже отмирают, как изжитые в ходе революционной борьбы, подобно тому как и Долгий парламент превратился в простую фикцию, лишенную всякого содержания. И современные газеты и иностранные наблюдатели единодушно свидетельствуют о необычайной популярности Кромвеля — в этот период его деятельности. Разгон парламентского „охвостья“ встретил всеобщее одобрение. От нового правительства ждут благополучного окончания войны с Голландией, понижения налогов, упорядочения суда, установления новой конституции, в конечном же итоге—создания благоприятной обстановки для беспрепятственного развития торговли и промышленности. На этой почве уже намечаются

социальные основы — для образования политических партий будущих английских парламентов мирного времени.

И политическая мысль мало-по-малу освобождается из плена религиозной идеологии. Пресвитерианство и индепендентство ведут борьбу между собой уже по вопросам свободы совести, организации церковной жизни и не отражают всех спорных вопросов политической и социальной борьбы. Они снова становятся религиозными течениями, какими были накануне гражданской войны.

Эти соображения как нельзя лучше подтверждаются на судьбе наследника Долгого парламента — так называемого Бербонского [1] или Малого парламента. После долгого обсуждения в совете армии, решено было заменить выборы назначением „богобоязненных людей". С этой целью были разосланы по конгрегациям (религиозным общинам) во все графства приглашения наметить кандидатов в парламентские представители. Это было выполнено, и армейский совет установил окончательный уже список членов нового „Назначенного" парламента.

В него вошли 129 представителей от Англии, 5 от Шотландии и 6 от Ирландии — всего 140 „богобоязненных людей". 4 июля 1653 г. Кромвель торжественно открыл первую сессию нового учреждения, возлагая на него большие надежды. Через несколько дней создан был и новый государственный совет, в составе 31 члена, а затем образованы были парламентские комиссии по различным вопросам. Парламент начал свою деятельность с постановки очень важного вопроса об отмене церковной десятины, вызывавшей уже давно резкое осуждение со стороны низших классов и радикальных партий. Но оказалось, что в палате уже существовали две партии — крайняя и умеренная; последняя взяла верх и дала большинство при голосовании в пользу передачи этого вопроса в комиссию. По другому вопросу, об упразднении старого и ненавистного всем канцелярского суда, палата была более единодушна, но взамен его она ничего конкретного не предложила. Проект был похоронен в соответствующей комиссии, к великому удовольствию юристов. 24 августа Бернбонский парламент провел билль об установлении гражданского брака, регистрация которого была поставлена под контроль мировых судей. Все эти мероприятия указывали на достаточный радикализм „божьих людей", но этот радикализм уже был не ко времени и не отражал господствующего направления

[1] Ироническое прозвище по имени одного из членов этого парламента Бербона, продавца кож.

в политике. Бессилие парламента сказалось и на деле Джона Лильборна, который в это время вернулся из голландского изгнания, рассчитывая реабилитировать себя от возведенного на него в 1652 году обвинения в сношениях с эмигрантами „кавалерами“.

Просьба Лильборна защитить его не нашла реальной поддержки в парламенте, который просто передал дело в суд присяжных, устранившись от вмешательства. Нереальным оказался и проект составления нового свода законов и замены старых юридических фолиантов карманной справочной книжкой. Был, однако, издан ряд вполне практических и вошедших в жизнь постановлений палаты, — особенно в области упорядочения государственных финансов, но в этих случаях инициатива парламента не шла в разрез с общей политикой правительства Кромвеля. Несомненный радикализм „божьих людей“, заседавших в парламенте, облекался в яркую идеологическую форму. Их взорам предносилась идея „Пятой Монархии“, которая идет на смену четвертой Римской Монархии и установит на земле царство Христово. Восторженно настроенные проповедники с церковных кафедр перед многочисленной аудиторией провозглашали уничтожение существующих законов и замены их законами Моисея, уничтожение церковного патроната и десятины. Такие проповеди не могли не показаться опасными, тем более, что в связи с процессом Лильборна, в стране наблюдался под'ем революционного настроения, имевшего свой источник в необычайно тяжелом положении народных масс. Но время для массовых движений безвозвратно миновало. Усиленная агитация Лильборна закончилась его полным поражением. Оправданный на суде, он, несмотря на внушительные демонстрации сочувствия в его пользу, остается пленником правительства до самой своей смерти в 1657 году. „Люди Пятой Монархии“ не оправдали ожиданий Кромвеля, и к осени 1653 г. у него уже созревает решение покончить с бесполезным и неудобным учреждением.

В необходимости этой меры его убеждает и всеобщее недовольство деятельностью парламента, особенно в армейской среде. Настроение проповедников становится в связи с этим более вызывающим. Они не стесняются публично называть Кромвеля „Древним Драконом“ и „Человеком Греха“.

Все попытки парламента, направленные к отмене десятины, канцелярского суда, наталкиваются на упорное противодействие правительства. 12 декабря — один из представителей умеренной партии заявил, что дальнейшие засе-

дания палаты при таком положении дела не могут служить к благу республики и поэтому необходимо передать „Лорду генералу Кромвелю полномочия, которые они получили от него“. Спикер и законопослушная часть палаты после этого удалились, а остальные были удалены солдатами. Малый парламент закончил свое существование, промелькнув как мало заметный эпизод великой революции. Английская республика все больше и больше принимала облик монархии. В то время, как восторженно настроенный парламент обсуждал радикальные предложения об отмене десятины, в стране оживали роялистские настроения и свободно обсуждался вопрос о перспективах реставрации. Правительство не потворствовало таким настроениям и для предупреждения возможных заговоров на этой почве проектировало учреждение нового верховного суда без присяжных. В ноябре этот проект был проведен в законодательном порядке, несмотря на противодействие палаты. Но после разгона малого парламента, республика быстро превращается в близкое подобие монархии без коронованного короля. 16 декабря 1653 г. совет армии выработал после долгих дискуссий писанную конституцию для страны, так называемое, „Орудие Управления“. Согласно этому акту, высшая законодательная власть должна находиться в руках Лорда Протектора республики Англии, Шотландии и Ирландии и парода, в лице парламента.

Первым протектором должен быть Оливер Кромвель, но его должность должна была быть избирательной, а не наследственной. Билли, проходящие через парламент, должны представляться протектору, который имеет право в течение 20 дней представить свои возражения. Если ему не удастся привести достаточно убедительные доводы в доказательство своих возражений и если постановление парламента не противоречит конституции, оно становится законом. Парламент состоит из 400 членов, избираемых на 3 года из числа лиц, обладающих собственностью в размере 200 ф. стерл. Католики и лица, замешанные в Ирландском восстании, лишаются избирательных прав навсегда, а сторонники Стюартов, принимавшие участие в гражданской войне, на срок трех ближайших парламентов. Первый парламент, согласно конституции, должен собраться 3 сентября 1654 г. на 5 месяцев, а следующие должны автоматически созываться каждые 3 года. Органом исполнительной власти является совет, независимый от парламента. Он должен состоять не менее чем из 13 и не более 21 члена, несменяемых — за малыми, оговоренными в конституции, исключениями. Государственный совет есть совещательное учре-

жденне при протекторе—с обширным кругом деятельности и с большими полномочиями.

Далее в конституции заявляется, что „ни один налог, повинность не могут быть введены без согласия парламента, но в то же самое время вносится оговорка, что ежедневно должна быть выделена достаточная сумма на содержание армии в 30.000 человек и флот, с дополнительной суммой на другие расходы—в 200.000 ф. ст.,—с ведома и согласия протектора и совета. „Орудие управления" провозглашает свободу совести, но не распространяет ее на католиков и епископат. Лорд-протектор избирается государственным советом. С ведома и согласия последнего ведутся все дела по внешним сношениям, а в отсутствие парламента производится созыв чрезвычайных парламентов и издаются приказы по милиции".

16 декабря 1653 года Оливер Кромвель торжественно принес присягу на верность конституции и получил звание „Лорда Протектора Республики Англии". Вслед затем образован был новой государственный совет, куда вошли исключительно деловые люди, не проявившие никакой склонности к дальнейшим революционным опытам. Духом умеренности проникнута была вся политика нового правительства, но она встречала упорное сопротивление с двух противоположных сторон — со стороны роялистов, продолжавших лелеять мечты о реставрации старой династии и со стороны республиканцев, добивавшихся последовательного проведения в жизнь начал народного суверенитета.

В обстановке борьбы на указанные два фронта и протекает деятельность протектора республики, опиравшегося на средние группы, торговый класс и передовое дворянство, заинтересованные в доведении до конца основных задач революции — утверждения республики во вне и установлении внутреннего порядка. Внешним выражением этого факта послужил блестящий банкет, устроенный купцами Сити 8 февраля 1654 г. в честь главы государства. В стихах, посвященных этому дню, высказывалась надежда, что протектор республики, превосходящий Цезаря по своему величию, утвердит владычество Англии над морями и из хаоса приведет бывших подданных, а теперь граждан в благоустроенный и упорядоченный мир.

Внешняя и внутренняя политика правительства Кромвеля несомненно шла навстречу таким ожиданиям. Затянувшаяся война с Голландией требовала решительных мер к быстрой и успешной ликвидации. После долгих переговоров, в течение которых снова выплыл наружу проект

об'единения двух протестантских республик для полюбовного раздела колониальных владений и вытеснения оттуда соперников,—5 апреля 1654 года был подписан мир, закрепивший победу Англии над своей соседкой. Вслед затем 11 апреля был заключен торговый договор со Швецией, а несколько позднее, 15 сентября того же года,—такой же договор с Данией, в результате чего английским торговым судам открылся свободный доступ в Прибалтийские страны и в Восточную Европу, через Зундский пролив. Наконец, в июле того же года Англия добилась заключения выгодного для себя торгового договора с Португалией, открывшего английской торговле доступ во все португальские колонии: в Бразилию, откуда была окончательно вытеснена Голландия, в Вест-Индию, в Гвинею и в остатки владений Португалии в Ост-Индии. В конечном итоге Англия втянула в сферу своего влияния все второстепенные государства Европы, расположенные на приморских путях к явному ущербу великих держав континента. Из последних внимание английских политиков в данный момент привлекали два государства—Франция и Испания, находившиеся между собою в длительной вражде. Кромвель нащупывал почву для соглашения с одной из них, но преимущество отдавал Франции, так как слабеющая колониальная мощь Испании была еще достаточно велика и служила тормозом для прочного утверждения английского торгового капитала на Вест-Индских островах, в весьма значительной своей части принадлежавших испанской короне. Конфликт с Испанией к осени 1654 г. уже вполне назрел и был отсрочен на несколько месяцев лишь потому, что внутренние дела Англии поглотили целиком внимание правительства Кромвеля.

3 сентября 1654 г.,—точно в назначенный по конституции день,—собрался вновь избранный парламент, открытый речью протектора. Несмотря на высокий имущественный ценз, в числе депутатов оказалось довольно много республиканцев. На противоположном фланге сидели и роялисты. „Божьих людей" была ничтожная кучка. В массе своей парламент был представлен людьми умеренного направления — сторонниками порядка и собственности. И в речи Кромвеля сказалось то же стремление — к упрочению созданного революцией нового строя и к борьбе с противообщественными элементами, каковыми протектор считает людей „пятой монархии" уравнителей, не проводя при этом разницы между сторонниками Лильборна и коммунистами. Но с самого же начала деятельности парламента обнаружилось резкое расхождение между правительством и пар-

ламентской оппозицией по вопросам принципиального характера. Республиканцы сразу потребовали, чтобы „Орудие управления“ было представлено на рассмотрение народным представителям, ссылаясь на то, что источник власти в народе. Кромвель на этот раз уступил. „Орудие управления“ было передано для детального изучения в комиссию,—где разгорелась ожесточенная борьба между двумя партиями: одни доказывали, что верховная власть принадлежит протектору и парламенту, другие отстаивали безусловно суверенитет парламента. В результате прений — из сторонников протектора и умеренной оппозиции составилось значительное центральное ядро правительственной партии, которая, с ведома Кромвеля, поставила непременным условием для пересмотра конституции — незыблемость следующих ее пунктов: срочность парламентских полномочий, совместное распоряжение милицией[1] протектора и парламента и религиозная свобода. 12 сентября Кромвель — в своей речи лично подвердил эти требования, подчеркнувши при этом, что верховная власть принадлежит протектору и парламенту. Он предложил всем членам палаты принести присягу по выработанной им форме: „Отныне я свободно обещаю и обязуюсь быть верным и преданным лорду протектору и республике Англии, Шотландии и Ирландии и, согласно духу обязательств, в силу которых вернулся служить в настоящем парламенте, я не буду предлагать или давать мое согласие на изменение правительства, состоящего из одного лица и парламента“. Процедура подписания присяги была проведена в тот же день, в присутствии охраны. Непримиримые республиканцы отказались присягнуть и выбыли из палаты. После такой „чистки“ палата приступила к детальному обсуждению „Орудия управления“, но требуемого согласия между протектором и парламентом и на этот раз не было достигнуто. По каждому пункту конституции вскрывались серьезные расхождения, которые удавалось сглаживать с большими усилиями. Внесены были поправки, ставившие государственный совет в зависимость от палаты. Был восстановлен прежний избирательный ценз в 40 миллионов, открывавший доступ в парламент свободным держателям земель. Состав армии был сокращен с 57.000 до минимума, предусмотренного „Орудием управления“,—т.-е. до 30.000 человек. Понижена сумма обложения, а смета, составленная протектором и советом на расходы, была урезана почти вдвое. Чаша терпе-

[1] Англия в XVII в. не имела регулярного войска, его заменяло народное ополчение, которое называлось милицией.

ния Кромвеля была переполнена, когда парламент пред'явил притязания на контроль над милицией. Одновременно с постоянными конфликтами в стенах палаты, начались волнения в армии, принимавшие форму заговоров, восстаний и публичных протестов против попрания начал народного суверенитета. Точно также и роялисты начали поднимать голову, считая данный момент подходящим для широкой агитации против политики лорда протектора. В начале февраля 1655 г. истекал срок сессии парламента. Кромвель не стал ждать его и, заменив счет по солнечным месяцам лунными, признал, что пятимесячные полномочия парламента истекают 22 января. В этот день он явился в палату и об'явил ее распущенной. Решаясь на этот акт, Кромвель не нарушал буквы конституции. На формально конституционной почве он стоял и дальше, когда начал править без парламента, так как в законе был предусмотрен значительный перерыв в созыве очередного парламента. Но по существу факт разрыва и резкого расхождения между сторонниками парламентского самодержавия был на-лицо. Дальнейшие события показывают, что в данном случае мы имеем дело с перемещением направляющей линии революции от радикальных групп к умеренным, выразителем интересов которых и был протектор республики. Этот процесс не мог быть безболезненным, поскольку на арене политической жизни продолжали существовать оформившиеся в ходе революции общественные силы. Против них, с точки зрения интересов средних классов, возможна была только беспощадная борьба и политика террора. Попытка перехода к нормальному конституционному бытию заранее была обречена на неудачу в обстановке незавершенной классовой борьбы. В течение 1655 года одно восстание сменяется другим, и Кромвелю приходится принимать суровые меры на оба фронта борьбы и против слабеющих республиканцев и против подымающих голову роялистов. Кромвель пытается это делать, не нарушая рамок конституции и продолжая выполнять задачу установления нового порядка путем многочисленных ордонансов по вопросам внутренней политики, церковного управления и т. д. Внутреннее положение республики было необычайно тяжелое, и диктатура Кромвеля уже носит характер военной диктатуры. Она опирается теперь на новый институт так называемых „генерал-майоров", командовавших милицией в 11 округах, на которые была разбита Англия. Специально выработанная инструкция предоставляет генерал-майорам необычайно широкия полномочия, выходившие далеко за пределы чисто полицейских обязанностей. Их ве-

дению подлежала не только общественная безопасность, но и частная жизнь граждан. Они были не только карательным орудием в руках протектора, но и блюстителями нравственности, своего рода социальными воспитателями и реформаторами. На практике деятельность генерал-майоров за полтора года существования этого института превращается в орудие произвола и личного усмотрения и вызывает всеобщую ненависть, создавая тем самым благоприятную почву для антиправительственного движения и справа и слева. Суровая военная диктатура, подсказанная необходимостью внутренней и внешней обороны государства превращается в мелочную полицейскую опеку над частной жизнью граждан и над их образом мыслей. Вследствие этого создается определенная угроза самому существованию протектората.

Затяжной внутренний кризис не помешал, однако, правительству Кромвеля отстаивать интересы торгового капитала на путях мировой торговли. В конце 1654 г. предпринимается экспедиция в Вест-Индию, направленная против испанских владений. Одновременно другой флот, под командой героя голландской войны Блэка, оперировал в водах Средиземного моря под предлогом охраны английских торговых судов от нападения корсаров. Но в действительности это было типичное для того времени разбойное нападение на африканское побережье в целях воздействия на алжирских правителей, от которых Блэк требовал выкупа захваченных ими англичан. Пользуясь удобством наблюдательной позиции, английский адмирал зорко подстерегал испанские корабли, шедшие из Америки со слитками драгоценных металлов. Все это вместе взятое привело английскую республику к фактическому разрыву с Испанией. 26 октября 1655 г. Кромвель формально об'явил войну, которая тянулась в течение трех лет до самой смерти протектора. Он нашел в лице Франции союзника, заключив с ней 24 октября того же года договор о мире и дружбе. Последствия внешней политики Кромвеля сказались позднее. Англо-испанская война вводит нас уже в период воинствующих стремлений торгового капитала, возникших на почве борьбы за „наследства“ между крупнейшими торговыми державами этой эпохи.

Но активная внешняя политика еще сильнее обостряла внутренний кризис, который переживала республика. Недостаток в финансах для ведения войны побудил Кромвеля, подобно тому как это раньше делали Стюарты, созвать в сентябре 1656 г. парламент. В него попало много оппозиционно настроенных людей, которым ненавистен был ре-

жим генерал-майоров. Но в результате проверки полномочий, оппозиция оказалась почти целиком исключенной, а оставшиеся депутаты покорно вотировали все предложения правительства и одобрили все его мероприятия, за исключением одного: на генерал-майоров обрушилась и законопослушная палата. Кромвель уступил, и этот институт прекратил свое существование. Вскоре же после своего созыва, а именно 27 ноября 1656 г., парламент издал акт об упразднении „палаты федеральных сборов и платежей“ [1]), подтверждавший такое же постановление Долгого парламента от 24 февраля 1645 г. Этим актом английская революция положила конец феодальным пережиткам, удержавши при этом в неприкосновенности некоторые крестьянские платежи, освященные обычаем, главным образом платежи с наследств. Закон в этом случае закреплял лишь то, что фактически уже совершилось в действительности. Земля стала свободно обращаться на рынке, и феодальные отношения помещика и крепостного сменились договорными отношениями собственника и арендатора.

Вторая половина 50-х годов была периодом угасания революции—на фоне широко разлитой общественной реакции. Жажда успокоения после перенесенных бурь и стремление к прочному порядку овладели умами средних классов, утративших всякий революционный пыл. Мало-по-малу оживают старые формы политического уклада, возрождаются старые учреждения, сметенные революцией. Протекторат близко уже напоминает старую конституционную монархию. Парламент сделал следующий шаг в этом направлении, внеся на обсуждение в феврале 1657 г. адрес и „Ремонстрации“, в которых предлагается: восстановить королевскую власть, вторую палату, установить начала веротерпимости, лишив, однако, покровительства католиков, сторонников епископата и последователей богохульных учений. Основные положения „Ремонстрации“ были приняты в палате значительным большинством и в форме „Покорной Петиции и Совета“ были представлены Кромвелю вместе с предложением принять титул короля. Лорд протектор долго колебался относительно последнего пункта и, не встретив сочувствия этому предложению в армейской среде, отказался от короны, но остальные положения петиции принял полностью. 26 июня 1657 г. состоялось при торжественной обстановке вторичное вступление Кромвеля

[1] Ведению палаты подлежали сборы платежей, которые продолжали взиматься Стюартами взамен феодальной военной службы.

в должность протектора, означавшее фактическое восстановление монархии, но только без королевского титула. Государственный совет стал играть роль „другой“ палаты, как ее называли члены нижней палаты, не решаясь еще на полное восстановление старого названия „палаты лордов“. Несмотря на значительное успокоение в общественных кругах, последний год жизни Кромвеля ознаменовался новым под'емом республиканского и роялистского движения, отразившихся и на настроении обеих палат. Шла деятельная подготовка к заговорам, покушениям на личность Кромвеля; ожила памфлетная литература. Особенно характерен, как показатель общественных настроений этой поры, памфлет, вышедший в 1657 г., под заглавием: „Не всякое убийство есть преступление“. В нем заключается недвусмысленный призыв расправиться с новым „тираном“. В обстановке назревающей новой гражданской войны Кромвель 4 февраля 1658 г. распустил парламент. Последние месяцы жизни протектора ознаменовались блестящими успехами во внешней политике. Испания вынуждена была склониться перед об'единенными силами французов и англичан и просить мира, который лишь закрепил факт окончательного крушения колониального могущества испанского торгового капитала. Авторитет Англии в Европе стоял необычайно высоко и Кромвель чувствовал твердую опору для своей власти фактического монарха в рядах английского купечества и дворянства.

Осуществляя роль неумолимого диктатора в отношении республиканцев и роялистов, он не остановился перед мыслью созвать в том же 1658 г. новый парламент в целях испрошения субсидии на ведение активной внешней политики.

Но смерть, последовавшая 3 сентября 1658 года, положила конец деятельности протектора.

Преемником Оливера Кромвеля сделался его сын, Ричард. Его кратковременное правление заполнено борьбой с республиканским движением, находившим себе опору в армии. Новый протектор пытался опереться на созванный им 27 января 1659 г. парламент, но последний был бессилен противостоять притязаниям высшего офицерства на руководящую роль в политике и был скоро распущен, а вслед за ним в мае 1659 г. Ричард Кромвель сложил с себя звание протектора и удалился в частную жизнь. Власть перешла к армейским генералам, которые попытались править при содействии старого „охвостья“ Долгого парламента. Мера эта не встретила никакого сочувствия в населении, которое добивалось созыва свобод-

ного парламента и уже ничего не имело против восстановления на троне Стюартов. Этими настроениями воспользовался генерал Монк, командовавший шотландскими войсками. Он вступил в переговоры с Карлом II, а одновременно об'явил выборы в парламент, который был открыт 25 апреля 1660 года. В него попало много „кавалеров" и пресвитериан, сочувствовавших реставрации. В такой обстановке не стоило никакого труда произвести „переворот" в пользу Карла при условии принятия им на себя обязательства — хранить святость конституции, не посягать на распроданные во время революции земли, подтвердить начала веротерпимости и воздержаться от преследований своих бывших врагов. Эти условия были приняты, и 29 мая 1660 г. последовало торжественное вступление Карла II в Лондон.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Последствия английской революции.

Было бы ошибочно думать, что реставрация Стюартов являлась восстановлением старого дореволюционного порядка. Правда, одним из первых актов нового короля — была расправа с виновниками цареубийства. Потревожили даже прах умерших деятелей и вождей революции. Труп Кромвеля был вырыт из земли и повешен. Текст Торжественной Лиги и Ковенанта был сожжен рукою палача, а епископальная церковь вновь об'явлена государственным исповеданием — особым „актом о единообразии", устранявшим пресвитериан, католиков и раскольников от государственной и гражданской службы. Актом „О возмещении и всепрощении" казенные и церковные земли, конфискованные во время революции, возвращались прежним владельцам, хотя в этом акте ни слова не сказано о возмещении убытков и возвращении всех проданных земель. Новый король не прочь был проводить в жизнь начала абсолютизма в духе прежних Стюартов. Но время было уже не то. Революция оставила в английской жизни глубокий след, загладить который было уже невозможно. Карлу II невольно пришлось считаться с этим наследием революции. Он подтвердил упразднение феодальной палаты и Навигационный акт и был не в состоянии уничтожить результаты громадного сдвига в поземельных и социальных отношениях. Точно также и в области политической

осталось незыблемым основное завоевание революции — фактический суверенитет парламента. В 1679 г. был издан Habeas corpus акт, гарантировавший права индивидуальной свободы. Установлена была судебная ответственность министров. К этому же времени относится и возникновение кабинета из представителей господствующей партии в обеих палатах. Это был зародыш будущего ответственного министерства. Наконец, политические парламентские партии окончательно оформились и получили новые клички. „Вигами стали называть партию, которая раньше составляла ядро „круглоголовых", а „тори" партию консервативную. Для данного момента трудно было бы давать их характеристики с точки зрения классового состава каждой из них. Можно только сказать, что у „вигов" сильнее был представлен капиталистический элемент, чем у тори. Окончательное формирование обеих партий происходит уже в XVIII в., в связи с подготовкой промышленного переворота; для конца XVII века характерным является отмирание феодальных группировок в среде высших классов, так как и члены партии „тори", где было много земельной знати, проявляют большой интерес к торговым делам. И английское купечество и передовое дворянство в одинаковой мере было проникнуто капиталистическим духом. Знатность происхождения сменилась знатностью богатства. Английская революция еще в большей мере, чем хозяйственный переворот XVI века, разрушила феодальные группировки классов. Высшие классы английского общества пополнялись выходцами из общественных низов. Партия вигов в особенности вербовалась из таких „новых людей". Но и тори, далеко не всегда могли похвалиться родовитостью. И самое понятие „джентльмена", благородного человека, существенным образом меняется, как об этом красноречиво свидетельствует автор „Робинзона Крузо" Де-Фо в своем трактате „О джентльмене". „Джентльмен, — говорит он, — это лицо, происходящее от известной или древней фамилии, чьи предки, по крайней мере уже в течение некоторого времени, поднялись над классом механиков. В течение какого времени — об этом говорить не стоит. Все вещи начинаются с малого: наиболее высокие фамилии идут снизу и поэтому исследовать слишком точно, означало бы унизить их совсем". Автор не требует, чтобы разбогатевший купец, который купил именье, уже был бы принят в „джентри". Он приводит замечания одного из таких „новых" людей: „нет, сэр, я не джентльмен, но я могу купить джентльмена". Уже для него двери должны быть всюду

открыты, а его сын может и сам претендовать на звание джентльмена. Процесс классовой перегруппировки и заключался в том, что в самом составе отдельных классовых групп происходили глубокие изменения. Процесс этот, как мы видели, начался еще в XVI веке и шел тогда ускоренным темпом в связи с земельной мобилизацией, вызванной хозяйственным переворотом. Более медленно он протекает в первой половине XVII века в период же великой английской революции он вновь необычайно усиливается в связи с крушением феодализма и земельной горячкой, создавшейся вокруг распродажи конфискованных имуществ. Денежные люди стали покупателями земель. „Как скоро купец заработал крупную сумму денег, он покупает имения", — сообщает один современник конца XVII века. И не только купец, но и зажиточное крестьянство не отстает в этой погоне за землей. Из рядов крестьянской кромвелевской армии много вышло таких „новых людей" — будущих членов партии „вигов". С другой стороны, крупные землевладельцы не гнушались участия в торговых прибылях. Достаточно сказать, что в старой Ост-Индской компании тори принимают видное участие, и вигам только в 1698 году удается их вытеснить, в связи с основанием новой компании. Сила денег создала влиятельную группу богатых граждан. Это были: разбогатевшие ремесленники, финансисты, крупные земельные собственники, заморские торговцы, торговцы невольниками, владетели плантаций, спекулянты. К ним и переходит теперь государственная власть в лице парламента. Если же иметь в виду основные элементы этой группы, то мы можем сказать, что фактическое распоряжение государственным аппаратом принадлежало союзу крупного землевладения и крупного торгового капитала. Ясно, что вернувшиеся на прародительский престол Стюарты могли только творить волю этой новой денежной и земельной аристократии. Они могли отменять те или другие акты времен революции и республики, но не в состоянии были устранить глубокие хозяйственные и социальные изменения, происшедшие за этот период. Торговый капитал вышел из революции победителем и сделал парламент орудием своего классового господства. Как только Стюарты попытались повернуть колесо истории на старый путь безответственного королевского абсолютизма, они были сметены окончательно. Это и произошло при втором Стюарте эпохи реставрации, Иакове II. В 1688 году члены обеих палат произвели государственный переворот, покончивший со старой династией. Иаков II бежал во Францию, а на вакантный престол

был приглашен муж дочери бывшего короля, Марии, Вильгельм Оранский, бывший в то время голландским штатгальтером (наместником). Это и была „бескровная“, или „славная“ революция, как ее и до сих пор еще называют англичане. Новому королю были предложены условия, изложенные в „Декларации прав“. Условия эти были приняты и в декабре 1689 г. прошли в законодательном порядке, под названием „Билля о правах“. В нем даны гарантии личной и конституционной свободы, уже исключавшие всякую возможность возврата к королевскому абсолютизму. Круг революции завершился, и Англия вступила в новый период своей истории.

Последствия революции для дальнейшего развития Англии были огромны и всеобъемлющи. При оценке их прежде всего следует учитывать организующую роль государства в период развитого торгового капитализма. Только в XVII веке завершается этот процесс перехода европейского капитализма от городского хозяйства к общегосударственному. В различных странах Европы новый политический порядок, в зависимости от темпа экономического развития, принимает различные формы, но исторический смысл происшедших тогда изменений один и тот же, имеем ли мы дело с французским королевским абсолютизмом, или с английским парламентским абсолютизмом. И там и здесь государство становится главным регулятором хозяйственной жизни и могущественным орудием господства новых классов, выдвинутых хозяйственным переворотом XV—XVI веков. Но существенная разница между этими двумя типами развития торгового капитализма заключается в том, что для дальнейшего роста производительных сил Англии были уже тесны рамки королевского абсолютизма, который очень скоро стал феодализироваться, как мы видели. Великая английская революция передала аппарат государственного управления непосредственно в руки торгового капитала и нового землевладения. Наряду с нидерландской революцией конца XVI века, она была наиболее ранней буржуазной революцией, утвердившей на развалинах феодализма новый общественный и политический строй и поэтому отразила в своем ходе черты ранней эпохи европейского капитализма, из которой она непосредственно и вышла. Ее своеобразие, сравнительно с более поздней французской революцией, метко было охарактеризовано К. Марксом в следующих немногих словах: „В 1648 году буржуазия заключила союз с новым дворян-

ством против короля, феодалов и господствующей церкви; в 1789 году та же буржуазия соединилась с народом против короля, дворянства и господствующей церкви."

Но и та и другая были „провозглашением политического строя для нового европейского общества". В той и другой, говорит К. Маркс дальше, „победила буржуазия; но победа буржуазии была тогда победой нового общественного строя, победой буржуазной собственности—над феодальной, национальности—над провинциализмом, конкуренции над—цехом, дробления земельной собственности над майоратом, господства собственника земли—над господством земли, над собственником, просвещения—над суеверием, семьи—над фамилией, промышленности—над героической ленью, гражданского права—над средневековыми привиллегиями" [1].

В той же статье Маркс подчеркнул и общеевропейское значение великой английской революции, и при оценке итогов ее мы об этом должны твердо помнить. Европа XVII века представляла уже единое хозяйственное целое и такие крупные события, как нидерландская революция конца XVI в. и английская революция второй половины XVII века, провозглашавшие „политический строй для нового европейского общества" (К. Маркс), неминуемо должны были отразиться на арене борьбы торгово-капиталистических держав Европы. Нидерландская революция выдвинула Голландию на первое место в этой борьбе, что, в свою очередь толкало на путь буржуазной революции и ее могущественную соперницу Англию, которая, тотчас же после победы над феодализированной королевской монархией, стремится использовать результаты победы на арене внешней борьбы за колонии. Этим и были продиктованы и Навигационный акт 1651 года и вся внешняя политика Кромвеля и его преемников реставрированных Стюартов.

Овладение государством открыло для дальнейшего экономического развития Англии неограниченные возможности, которые очень скоро реализуются в ряде знаменательных фактов. Основным из них является утверждение английского торгового капитализма на мировом рынке и победе над Голландией. В конце XVII в. Лондон становится центром мировой торговли и общеевропейской биржей. Крупнейшим событием, которое следует рассматривать как непосредственный результат революции, было основание в 1794 году английского Банка, придавшего

[1] Из статьи Маркса по поводу мартовской революции, помещенной в „Новой Рейнской газете" в декабре 1848 г.

большую устойчивость новому порядку и послужившего источником материального преуспеяния Англии во всех сферах хозяйственной жизни — как в области развития торговли, так равно и в промышленности.

Колониальное могущество Англии выразилось прежде всего в необычайном расширении посреднической роли торгового капитала на мировых путях. Мы наблюдаем быстрый рост торговых компаний, последовательное увеличение их капитала, развитие судостроения и расширение колониальных владений Англии. Самая организация компании становится более устойчивой. Крупнейшая английская компания — Ост-Индская—с 1708 г. превращается в типичную акционерную компанию, на подобие голландских, с единым и постоянным акционерным капиталом. Вместе с тем устанавливается парламентский контроль над деятельностью компании, при чем виднейшие члены обеих палат были вместе с тем и участниками торговых акционерных предприятий.

В XVII веке английский торговый капитализм одерживает крупные победы на мировом рынке, прочно утверждаясь на Вест-Индских островах и на западном побережьи Африки. Но этим не исчерпываются экономические последствия революции. Внешнее преуспеяние сопровождается и крупными изменениями в двух важнейших отраслях хозяйства — промышленности и сельском хозяйстве—а также развитием внутреннего рынка. Реорганизация хозяйства на новых основах приводит Англию во второй половине XVIII века к грандиозной технической и промышленной революции и не менее грандиозной аграрной революции, которые придают Англии начала XIX века уже совершенно новый хозяйственный облик.

Но великая английская революция расчистила путь для промышленного переворота и в области социальной. В ходе революционных событий второй половины XVII века расшатаны были экономические основы существования феодальных классов. Духом капиталистической предприимчивости проникаются и наиболее отсталые группы дворянства, и в XVIII веке на этой почве идет грандиозный процесс земельной мобилизации, который привел к образованию крупного землевладения и обезземеленню крестьян. Последние, как мы знаем, были активными участниками революции, но победа в революционной борьбе осталась не за ними, если только не считать самого верхнего слоя — деревенских кулаков и фермеров. Вся остальная масса крестьянского населения оказалась в полной зависимости от крупных собственников, которые уже легальным путем

опираясь на парламентские акты об огораживании экспроприировали крестьянские земли. Наконец, рабочие Англии еще сильнее, чем раньше, почувствовали на себе тяжелую руку своих классовых врагов, заседавших в парламенте. Так подготовлялись те социальные антагонизмы, которые столь резко выявились в ходе промышленного переворота.

Нам остается только указать, что революция оставила глубокий след и в области идеологической. В ходе гражданской войны получили уже ясную формулировку новые политические идеи — народного суверенитета, неотчуждаемых прав личности, которые скоро стали общеевропейским достоянием. Англия революционной поры дала и крупнейшего мыслителя эпохи торгового капитала Гоббза, проложившего путь к научному мышлению и выдвинувшего в области политической мысли идею государственного абсолютизма, нашедшую столь яркое выражение в его знаменитом трактате „Левиафан“ (1651 г.). В наиболее развитых капиталистических странах XVII в., Голландии и Англии, впервые имела место окончательная ликвидация феодальных форм мысли, утверждение рационализма, как метода познания окружающего мира, и стремление к единству миропонимания, чему немало способствовали успехи естествознания, связанные со стремлениями торгового капитализма к рационализации и упорядочению хозяйственной жизни.

Материалы и документы.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Хозяйственная жизнь Англии в XVII веке.

1. Английская колонизация в XVII веке.

Плантации в Америке и на Вест-Индских островах.

Ньюфаундлэнд	1583	Сэр Г. Джильберт.
Барбадос	1605	
Виргиния	1607	Компания.
Бермудские острова	1614	Компания.
Новая Англия	1620	Компания.
Новая Скотия	1621	Сэр W. Александр.
Гвиана	1627	Герцог Букингэмский.
Антигва и др.	1627	Граф Карлайль.
Тринидад	1627	„ Монтгомериц.
Каролина	1629	Генерал Хэтс.
Багамае	1630	Компания.
Мариленд	1632	Лорд Балтимор.
Лонг Айленд	1635	Сэр В. Александр.
Ямайка	1655	
Нью-Йорк и др.	1664	Герцог Йоркский.
Гудсонов Залив	1670	Компания.
Пенсильвания	1682	В. Пенн.

Фактории и владения Африканской Компании.

Гамбия	1631
Золотой берег	1660
Лагос	1661

Фактории и владения Ост-Индской Компании.

Сурат	1609
Мадрас	1639
Хугли	1650
Св. Елена	1651
Бомбей	1665

(Сведения взяты из книги W. Cunninghat. The Growth of English Industry and Commerce in modern times. Cambridge 1921).

2. Цены (средние) на колониальные и привозные товары в XVII веке в Англии.

ГОДЫ.	Красное бордовое вино. (галлон).		Испанское вино (галлон).		Мускатное виногр. (галлон).		Перец за 12 англ. фунтов.		Корица за фунт.		Гвоздика за фунт.		Инбирь за фунт.		Сахар за 12 ф.		Сахар рафинад за 12 ф.		Рис за 12 ф.	
	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.
1593 — 1602 . . .	2	3	3	5	3	8	46	5	5	0	8	0	2	9	15	0 3/4	19	1 1/4	6	0 1/4
1603 — 1612 . . .	2	2 1/2	3	7 1/4	4	0	28	1 1/2	4	11	6	1 1/2	1	5	13	8	20	3 1/4	6	0 3/4
1613 — 1622 . . .	2	3 1/2	3	7	4	0	26	10 1/2	4	0	7	5	1	5 3/4	12	7 1/2	17	11 1/4	4	6 1/2
1623 — 1632 . . .	2	7 1/4	4	3	4	4 3/4	22	1/2	3	5	9	0	1	4	13	1 1/4	19	1 3/4	5	2 1/2
1633 — 1642 . . .	2	7	4	4 3/4	5	6 1/4	24	4	5	0	10	6 3/4	1	6	16	0	21	6 3/4	4	4 3/4
1643 — 1652 . . .	2	8 1/2	5	7 1/4	5	8 1/2	—	—	8	0	—	—	—	—	14	4 1/4	19	4	6	0
1653 — 1662 . . .	3	8	6	—	6	4	20	4	4	8	8	4	—	—	8	6	12	6	3	6
1663 — 1672 . . .	3	2	6	1	8	8	—	—	8	0	12	0	1	0	—	0	12	0	—	—
1673 — 1682 . . .	3	10	7	0	11	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	0	—	—
1683 — 1692 . . .	3	7	8	2	12	5	28	11	8	2 3/4	11	0	—	—	6	—	—	6	—	—
1693 — 1702 . . .	5	6 1/2	6	10 3/4	8	0	17	8	6	2	8	2 1/4	0	7 1/2	7	2	12	1/2	3	3

Примечание. Галлон = 0,37 ведра = 4 1/2 литрам.

1 англ. (торговый) фунт = 1,11 русск. ф. = 454 граммам = = 16 унциям.
1 аптекарский фунт = 0,91 русск. фунт. = 373 грамм. = = 12 унциям.
(восточные пряности даны в аптекарских фунтах, сахар в торговых).

Восточные пряности доставлялись в Англию Ост-Индской компанией. Для суждения о прибылях компании следует учесть покупную цену товара на месте. В 1621 году 1 фунт перцу стоил в Индии 2 1/2 пенса, гвоздики — 9 пенсов.

(Таблица взята из труда Rogers'a „A. History of agriculture and prices in England" vol. V. стр.).

3. Колонизация Виргинии.

(Из об'явления о наборе колонистов 1609 г.).

В виду того, что с божьего благословения, в целях возможно лучшего устроения колоний и плантаций в Виргинии, многие дворяне, рыцари, купцы и др. предполагают в самый короткий срок организовать туда поездку и так как столь почтенное предприятие, угодное богу и полезное во многих отношениях государству, будет снабжено всеми необходимыми средствами и провиантом, вследствие чего в нем принимают участие столько почтенных, достойных уважения лиц, намеревающихся лично туда отправиться, то пусть примут к сведению все ремесленники: кузнецы, плотники, бочары, корабельные плотники, токари, садоводы, виноделы, птицеводы, рыбаки, каменщики, кирпичники, металлисты, землепашцы, ткачи, сапожники, пильщики, прядильщицы и все другие работники и работницы, что в случае, если они захотят отправиться в названную колонию и поселиться там и обратятся с этой целью к Филиппу Лэн в дом сэра Томаса Смит, казначея колонии, то их имена будут зарегистрированы, там каждый будет считаться пайщиком на сумму двенадцать фунтов и десять шиллингов, и получают право в качестве переселенцев принять участие в вышеуказанной поездке в Виргинию. Там они будут обеспечены домами для жилья, садами, огородами, а также пищей и одеждой за счет акционерного капитала компании. Им будет причисляться дивиденд от продажи товаров, которые они будут вырабатывать, а земельная рента поступит в вечное пользование их и наследников; тем же, которые внесут свои деньги в предприятие, наделы как землей, так и движимым имуществом, будут соответственно увеличены. Всякий, кто не позже конца марта внесет 25 фунтов или больше, если он даже и не собирается ехать, будет считаться членом акционерной компании и владельцем тех же акций, как и другие колонизаторы.

(Cunningham, указ. соч.).

4. Колонизация Ирландии.

(Из „Обозрения" капитана Пиннара. — 1619 г.).

... XXXV 1.000 акров. Яков Коннингэм владеет участком в 1.000 акров, под названием Moner. Участок окружен оградой из извести и камня, 60 футов в квадрате, с двумя

боковыми укреплениями. Высота стен — 14 футов. Внутри ограды имеется хороший трех-этажный каменный дом, где обитают хозяин и его семейство.

Я нашел здесь британские семьи, которые переселились сюда и обзавелись поместьями:

Свободных держателей (фригольдеров) — 2.	1 — имеющего 200 акров. 1 — имеющего 60 акров.
6 арендаторов.	2 — арендующих каждый по 100 акров. 2 — арендующих каждый по 200 акров. 2 — арендующих 240 акров сообща.
Коттэджеров — 15.	Каждый из них имеет дом и участок сада и по 6 акров кроме общего выгона для коров.

В итоге получается двадцать три семьи, которые вместе со своими держателями могут поставить под ружье 42 человека. Он (т.-е. владелец) имеет большое количество пахоты и я не встретил ни одной ирландской семьи на всем участке. Многие из английских арендаторов не пашут и вообще не занимаются земледелием, потому, как я полагаю, что боятся обзаводиться рабочими и скотом, необходимыми для этих работ.

Ирландцы также не занимаются хлебопашеством, т. к. не уверены, останутся ли они на этих землях, но за то они пользуются пастбищами для скотоводства, чем англичане занимаются мало, и если бы не шотландские арендаторы, которые пашут во многих частях страны, то этой местности грозило бы вымереть с голоду.

(Cunningham, указ. соч.).

5. Ост-Индская торговля Англии в XVII веке.

1600 г. Образование компании под названием „Директор и компания купцов Лондона для торговли с Ост-Индией“ (правление компании состояло из директора, его помощника и комитета из 24 лиц). Права монопольной торговли во всех странах Индийского и Тихого Океана между Маггелановым проливом и мысом Доброй Надежды. Первоначальный капитал компании 68.373 фунт. стерл. Число пайщиков в первые два путешествия 198 лиц. Первое путешествие в Индию — на 4 кораблях, (самый большой—вместимостью 600 тонн, мень-

ний — 240 тонн). Флот посетил Суматру, Яву, Атчин и Молуккские острова. Основной товар — перец.

1601 — 1613 г. было совершено 12 путешествий, которые были отдельными предприятиями (каждый раз об'являлась отдельная подписка на пай).

1613 — 1616 г. Образование в 1613 году об'единенной компании с основным капиталом в 418.691 ф. ст., сильно оживило торговлю. В 1615 году акции компании котировались на бирже от $141^1/_2$ до $144^1/_2$, в 1616 от 208 — 218.

1617 — 1628 г. Новая подписка, в которой приняли участие 954 лица (вклады некоторых равнялись от 10.000 до 14.000 ф. ст.). Капитал компании уже равнялся 1.629.040 ф. ст. Ряд кризисов и банкротств, под влиянием которых пришлось вернуться к прежней системе отдельных подписок на очередное предприятие.

1628 — 30 г. Три „персидских путешествия". Торговые дела компании вступают в затяжной период затруднений в связи с тяжелым положением страны. Новая попытка образования об'единенного капитала (420.700 ф. ст.) улучшения не принесла. На делах компании гибельно отразилась финансовая политика Карла I, который упорно добивался займа.

1640 г. Дела компании начали было поправляться, но неожиданно потерпели новый крах в связи со спекулятивной операцией Карла I. Нуждаясь в деньгах, он закупил в кредит у компании перец на сумму 63.283 ф. ст., 11 шилл., 1 пенс и немедленно же продал на рынке с большим убытком (за 50.626 ф. ст., 17 ш., 1 п.). Эти деньги в кассу компании так и не поступили.

1641 — 1656 г. Эпоха революции была неблагоприятна для торговых операций компании. В связи с всеобщим возбуждением против монополистов, установилась фактически свободная торговля с Индией, и привилегии компании были сведены к нулю. В январе 1657 г. компания об'явила на бирже распродажу своих привилегий и имущества, но в общественном настроении совершился уже перелом, и компания была спасена.

1657 — 1698 г. Ост-Индская компания получила новую хартию и была реорганизована. Основной капитал — 739.782 ф. стерл., при чем была определена

минимальная сумма подписки в 100 ф., но право голоса давал пай в 500 ф. ст., а участия в комитете — в 1.000 ф. ст. Компании суждено было выдержать ожесточенную атаку со стороны целой коалиции торговых дельцов, в особенности со стороны суконщиков, торговцев шелковыми изделиями, менялами и непривилегированными купцами. Компания становилась привилегией немногих и получала большие прибыли. Курс акций в 1677 г. поднялся до 245%, в 1680—83 г.г.—от 300 до 500%. В 1681 году королю была подана петиция крупнейшими купцами Лондона. Они указывали, что ост-индская торговля, составляющая теперь более 1/4 всей английской торговли, находится в руках общества, в котором 550 акционеров, а большая часть акций сосредоточена у 40 лиц, делами же компании заправляют 10—12 человек. Многие имели акций на сумму 50.000 ф. ст., а один даже 100.000 ф. ст. И поэтому акции становятся редкостью на бирже и высоко котируются (в 1681 г. — 500%).

Победа осталась за компанией. В 1683 г. она получила новые привилегии, подтвержденные в 1686 г. Но после второй революции 1688 г., в Англии наблюдается небывалый под'ем предприимчивости и рост новых акционерных компаний. До 1691 г. существовали только три крупных компании, уцелевшие в бурные времена XVII в.: Ост-Индская (капитал — 740.000), Гвинейская (111.000 ф. ст.), Гудзонская (110.000 ф. ст.). В 1691 — 92 г.г. возникло до 12 новых компаний; к 1694 г. их количество увеличилось до 53. Наконец, в 1698 г., когда капитал Ост-Индской компании составлял уже 1,574.608 ф., возникает новая „Английская компания для торговли с Ост-Индией" с капиталом в 1,662.000 и дополнительным к нему в 581.700 ф. ст.

1708 г. В 1708 г. происходит об'единение двух компаний под названием „Соединенная компания купцов Англии для торговли с Ост-Индией" с капиталом в 3.163.000 ф. ст. Из этой суммы 1.662.000 ф. ст. (первоначальный капитал новой „Английской компании", основанной в 1698 г.) были предоставлены правительству в качестве займа, а 2.000.000 ф. ст. остались в распоряжении компании.

Уже с середины столетия — вывоз индийских бумажных тканей составлял значительную долю всего экспорта. К концу столетия эта статья вывоза стала преобладать. Вместе с тем, во второй половине XVII в. Ост-Индская компания становится не только торговой ассоциацией, но и политическим целым. В 1669 г. она приобретает Бомбей, который с 1687 г. становится вместо Сурота столицей английских колоний в Индии. В 1698 г. компания приобретает собственную территорию с деревней Калькутта. Последняя очень быстро разрастается и в 1707 г. получает особое управление. Компания в конце XVII века приобретает от английского правительства (в 1686 г.) право ведения войны против индийских князей и право чеканки монеты.

(Данные взяты из труда W. Scott. The constitution and finance of english, scottich and irish Joint-Stock Companies to 1720. I — III vols, из работы R. Ehrenberg. Das Zeitalter der Fugger. Bd. II и его же статьи — об английской Ост-Индской компании — в Handwörterbuch der Staatswissenschaften 3 Aufl. Bd. V).

6. Внешняя торговля Англии в XVII в.

Годы.	Ввоз.	Вывоз.	Всего.
1613	2.141.151	2.487.435	4.628.586
1622	2.619.315	2.320.436	4.939.751
1662	4.016.019	2.022.812	6.038.831
1669	4.196.139	2.063.274	6.259.413
1699	5.640.506	6.788.166	12.428.672

(Эту таблицу из „Словаря политической экономии" приводит Гиббинс в своей книге — „Очерк истории английской торговли и колоний". Русск. перевод 1899 г.).

7. Из памфлета — „Плачевный вопль многих тысяч бедных торговцев, приготовившихся к голодной смерти вследствие упадка торговли".

1647.

... Купцы уже забрали из Тауэра много сотен тысяч фунтов, а новых слитков в Тауэр не поступает, и таким образом количество денег с каждым днем все убывает.. Если бы вы захотели, то могли бы предоставить всем право явиться в комиссию независимых людей, избранных по одному от каждого графства, и там раскрыть, какие суммы и ценности ваши же члены и заведующие секвестром сосредоточили в своих руках. И таким путем вы могли бы изыскать не один миллион для уплаты государственных долгов. Вы могли бы обнаружить 30.000 фунтов у мистера Ричарда Дарлей, 25.000 фунтов у мистера Торпа... И тогда вы получили бы возможность немедленно отменить все налоги, обеспечить мир, а от этого ожила бы торговля и наши несчастные голодающие семьи, были бы спасены.

Примечание. Мистер Вильям Лентголл, спикэр палаты, чтобы прикрыть свои плутни, дал своему слуге м-ру Кулю двадцать две тысячи фунтов, с тем, чтобы последний купил для него, но на свое имя, землю. Когда тот сделал это и вскоре умер и земля по наследству досталась его малолетнему сыну, а так как вдова вышла замуж, то адвокат опекает наследство ребенка и утверждает, что не знает о том, что его предшественник получил деньги от спикэра, а господин спикэр добивается теперь своей земли через суд. Можно сделать сотни подобных открытий.

Обращаемся мы и к вам, солдаты. Вы отказались быть распущенными по домам, потому что хотели справедливости и свободы. Вы кричали: „Правосудия, правосудия!" пока земля не начала вторить вам. Не забудьте и этого вопля"..

(Документ взят из Cunningham, указ. соч.).

8. Из записки относительно торговли с Англией (составленной Кольбером).

1650.

Чтобы поправить торговлю, для этого есть два необходимые условия: безопасность и свобода. Безопасность зависит

от взаимного согласия препятствовать пиратам и набегам частных людей, которые, вместо того, чтоб заниматься мореплаванием с честной целью — производить торговлю, насильственно разрывают связь гражданского общества, посредством которой нации помогают друг другу в своих нуждах. Эта безопасность может водвориться только при помощи обоюдных запрещений в двух государствах брать призы у купцов той и другой нации. А так как предлог торговли, которую наши союзники производят с нашими врагами, перевозя их товары на наших кораблях, подал повод французским кораблям атаковать английские, и как конфискации были основаны на этом же случае истолкованием повеления Франциска I-го в 1543 году по адмиралтейскому делу, пункт 43, — то при всем этом, кажется, лучше согласиться, чтоб испанцы и другие наши враги извлекали эту выгоду посредством наших союзников, лишь бы только англичане обязались выпросить такую же привилегию для наших купцов, когда они повезут в виду испанской армии свои товары на английских кораблях, чтоб, в видах нанесения испанцам убытка с малыми последствиями, не дать повода к продолжению разбоя на море, который разрушает торговлю; ибо известно, что военные корабли никогда не осматривают товаров, не оставив следов хищничества солдат, не умеющих благоразумно воздержаться, когда видят удобный случай легко взять добычу; неудобство, которое может быть при этом, состоит в том, что, под видом наших союзников, подданные наших врагов приобретают некоторую выгоду, которая с каждым днем может заметно увеличиваться по причине легкости ее, чему споспешествовали бы собственные подданные короля, еслиб только не могли им в этом препятствовать.

Взаимное об'явление этих условий военным кораблям обоих наций воспретило бы останавливать, под каким бы то ни было предлогом, купеческие корабли, воспретило бы также и вход в порты морским разбойникам и корсарам для продажи их товаров, под опасением строгого наказания тем, кто будет покупать эти товары. Губернаторы торговых городов и портов, капитаны кораблей и морские офицеры обязаны будут следить за этим, потому что нет никакого мнения, что, с прекращением неприязненных действий, в самое короткое время торговля поправится, а следовательно возрастет и народное довольство и частное богатство, и значительно упрочатся права короля вследствие получения иностранных товаров, которые вовсе не привозятся, и вследствие вывоза туземных произведений, которые никто не осмеливается теперь доверять морю...

...Касательно свободы торговли желательно достигнуть двух вещей: первая из них — облегчение налогов и тех именно, которые англичане собирают с французских купцов и которым даже испанцы не подчинены в силу их трактатов. Мы имеем право требовать, по крайней мере, одинаковых условий, ибо торговля Франции была всегда полезнее для Англии, и вход наших купцов никогда не был так опасен, как вход купцов южного народа, скупого и честолюбивого. Другая же, которая касается единственно провинций Гиены, Рошели и Нанта, состоит в том, чтоб они позволили французские вина ввозить в Англию, допустив ввоз этот под их флагами, согласно трактатам, заключенным с их королями касательно торговли, которые привозят им также наши вина, перелитые в другие бочки. Выгода королевских аренд очевидна в этом взаимном позволении, ибо таможни не могут существовать, если все товары не получаются и не выходят с одинаковою свободою.

Пункт, к которому англичане стремятся всего более и за который готовы они согласиться на всякие уступки и склониться на все, чего только у них требуют, есть признание их республики, в чем испанцы упредили нас и вследствие этого получили в помощь часть английского флота для атаки португальского, идущего из Бразилии. Надобно опасаться более тесной связи от переговоров испанского посланника в Англии. Форму же этого признания должны изложить наши господа министры, до какой степени оно должно простираться, в чем Франция будет иметь оправдание перед богом и перед людьми, если она вынуждена к этому признанию республики, для предупреждения лиг и злых намерений испанцев, которые употребляют всевозможные несправедливости и решаются на всякие низости, какие только можно выдумать, с единственною целью вредить нам. Дело это, хотя и щекотливое, может быть ведено так, что эта гордая нация будет удовлетворена им без вреда английскому королю или без поощрения худого примера унижения королевского достоинства после того, что Франция сделала в пользу голландцев, которые не довольствовались, подобно англичанам, одною вежливостью и показали, наконец, что верность германская, или, лучше, батавийская, была не прочнее английской.

(Взято из Гизо. История английской революции. Приложения, русск. перевод).

9. Навигационный акт.

9 октября 1651 г.

(С небольшими сокращениями).

Для увеличения торгового флота и поощрения мореплавания нации, что, благодаря благому Провидению и покровительству божию, является столь важным средством благополучия и безопасности этого государства, настоящим парламентом и его властью должно быть постановлено, что с первого декабря 1651 г. и впредь от этой даты никакие продукты и товары, произрастающие или производимые в Азии, Африке и Америке, или же в их частях, или же на относящихся к ним островах..., не должны ввозиться или доставляться в Английское государство, или в Ирландию, или же в какие-либо другие земли, острова, плантации или территории, принадлежащие нашему государству или находящиеся в его владении, на каком-либо ином корабле или кораблях, судне или судах, кроме тех, которые действительно и без обмана принадлежат только гражданам этой республики или ее колоний, как собственникам, или действительным владельцам, и капитан и матросы которых также большею часть будут гражданами нашей республики, под страхом конфискации и потери всех товаров, которые будут ввозиться вопреки этому акту, а также под страхом конфискации корабля (со всем его снаряжением, пушками и принадлежностями), на котором будут доставлены или ввезены названные товары или продукты; половина конфискованного будет идти в пользу республики, а другая половина — в пользу всякого лица, или лиц, которые захватят товары, или продукты и будут отстаивать свои права в каком-либо призовом суде республики.

Далее, вышеназванною властью постановлено, что никакие продукты и товары, произрастающие и производимые в Европе или в какой-либо ее части, с первого декабря 1651 г. не должны доставляться и ввозиться в Англию, или иные земли, острова, колонии и территории, принадлежащие Английской республике или находящиеся в ее владении, ни на каком другом корабле, или кораблях, судне, или судах, кроме тех, которые принадлежат действительно и без обмана только гражданам этой республики, как действительным владельцам и собственникам, и ни на каких других судах, за исключением тех иностранных кораблей и судов, которые действительно являются собственностью подданных той страны или местности, где произрастают или

производятся названные товары, или тех портов, куда названные товары могут быть доставлены или обыкновенно сначала привозятся для дальнейшего транспорта; все это постановлено под той же угрозой конфискации, изложенной в предыдущей части этого акта, с тем, чтобы упомянутые конфискации взыскивались и употреблялись, как было сказано выше.

Далее, вышеназванною властью постановлено, что никакие продукты и товары, произрастающие и производимые за границей и которые должны быть ввозимы в республику на судах, принадлежащих ее гражданам, не должны перевозиться ими из какого-либо иного места или мест, страны или стран, кроме тех, где названные продукты произрастают или производятся, или тех портов, куда они могут быть привозимы или обыкновенно сперва привозятся для дальнейшего транспорта, но ни из каких иных мест и стран, под угрозой конфискации и убытков, изложенных в первой части этого акта, с тем, чтобы упомянутые конфискации взыскивались и употреблялись, как было сказано выше.

Далее вышеназванной властью постановлено, что ни один сорт трески, морского налима, сельдей, сардинок, или какой-либо другой соленой рыбы, которую обычно ловят и добывают люди этой нации, ни один сорт масла, какое добывается или будет добываться из всякого рода рыб, ни китовый ус, ни китовые кости—отныне не должны ввозиться в это государство, или в Ирландию, или иные земли, острова, колонии и территории, ему принадлежащие, или находящиеся в его владении иначе, как только пойманную на судах, которые принадлежат людям этой нации, как действительным собственникам и владельцам; и названная рыба должна заготовляться, а вышеупомянутое масло добываться только гражданами этого государства под угрозой наказания и потерь, изложенных в первой части настоящего акта, с тем, чтобы упомянутые конфискации взыскивались и употреблялись, как было сказано выше.

. . . . . .

Принять меры к тому, чтобы ни настоящий акт, ни все, что в нем содержится, не распространялся и не применялся для того, чтобы задерживать ввоз каких-либо товаров из Средиземного моря и Левантийских морей, погруженных на корабли этого государства в обычных портах и местах, предназначенных для нагрузки их и доставки их отсюда в районе пролива[1] или Левантийских морей, хотя бы названные товары и не были продуктами упомянутых мест.

---

[1] Гибралтарский пролив. Здесь имеется в виду западный район Средиземного моря.

Принять меры к тому, чтобы ни настоящий акт, ни все, что в нем содержится, не распространялся и не служил препятствием к ввозу каких-либо товаров Ост-Индии, погруженных на корабли этой нации в обычных портах или местах, назначенных для погрузки их отсюда в какую-либо часть морей, расположенных к югу и востоку от мыса Доброй Надежды, хотя бы названные порты и не были местами, откуда они происходят.

. . .Принять меры также к тому, чтобы это было и могло быть законным для всех граждан этой республики в отношении судов и кораблей им принадлежащих, а именно: чтобы капитаны и матросы этой нации, как сказано выше, грузили и доставляли из портов Испании и Португалии все сорта товаров и продуктов, которые идут оттуда, или из принадлежащих кому-либо из них колоний и владений.

Далее, вышеназванной властью постановлено, что отныне воспрещается какому бы то ни было лицу или лицам грузить или заставлять грузить и доставлять на каком-либо судне, или судах, корабле или кораблях, собственниками, или капитанами которых является иностранец или иностранцы (если они только ни натурализованы) — рыбу, жизненные продукты, товары или другие предметы, какого бы рода, или свойства они ни были, из одного порта или гавани этой республики в другой порт, или гавань того же государства под страхом наказания в отношении всякого, кто поступит вопреки истинному смыслу этого отдела настоящего акта, — конфискацией всех товаров, которые будут таким путем погружены или отправлены, а также и корабля, на котором они будут погружены или отправлены с тем, чтобы упомянутые конфискации взыскивались и употреблялись, как указано в первой части настоящего акта.

Наконец, чтобы ни настоящий акт, ни что-либо в нем заключающееся не распространялось на слитки и на товары, захваченные в качестве приза кораблем или кораблями по поручению настоящего правительства.

Принять меры к тому, чтобы настоящий акт или что либо в нем заключающееся не распространялось и не истолковывалось в отношении шелка и шелковых товаров, которые будут доставляться из какой-либо части Италии сухим путем и будут там приобретаться на выручку с английских товаров, проданных или за деньги или в промен; но, чтобы считалось законным для всякого гражданина этой республики перевозить то же самое на английских судах из Остенде, Ньюпорта, Роттердама, Миддельбурга, Амстердама или другого находящегося здесь порта, с тем, однако, чтобы собственники и владельцы сначала принесли присягу сами, или

при посредстве заслуживающих доверия свидетелей, в присутствии комиссионеров по взысканию податей... что вышеупомянутые товары были куплены за его или их собственный счет в Италии.

(Начало навигационного акта взято из „Хрестоматии по новой истории" Ардашева, остальное вновь переведено. Текст взят у Gardiner. The constitutional documents of the puritan revolution. Oxford 1906).

10. Из трактата — Тайна золотых дел мастеров и банкиров нового типа.

1676 г.

...Около 30 лет тому назад, во время гражданских войн, ученики стали самовольно покидать своих мастеров, а доверенные слуги купцов, хранившие по обычаю кассу, уходили от своих хозяев в армию и тем ставили купцов в затруднительное положение, так как доверить кассу ученикам они не решались.

Тогда купцы начали сдавать кассу на руки золотых дел мастеров, с тем, чтобы те за них производили все расчеты, но, в виду того, что в то время торговля золотой и серебряной монетой была крайне незначительна, так как знать и дворянство предпочитали переплавлять свою старую монету, чем приобретать новую, и немногие из них решались употреблять монету нашей страны, то польза, извлекаемая из этого дела золотых дел мастерами, не оправдывала их трудов. Тогда некоторые из них, пользовавшиеся наибольшим кредитом, стали получать доходы дворян по мере того, как они поступали в город и вообще принимать на хранение деньги и давали за это известный процент, хотя бы деньги пролежали у них только месяц или меньше, так как владельцы по мере своих надобностей брали оттуда по 100 и по 50 фунтов. Этот новый способ помещения капиталов привлекал тем, что каждый мог извлечь из своих денег прибыль, пока они не были истрачены, и давал, казалось, возможность в любое время располагать своим капиталом, чего не могло быть, если бы он был дан взаймы под залог личного или действительного обеспечения.

Эти ожидания привлекли к золотых дел мастерам большие суммы, и хотя некоторые из них продолжали придерживаться основной своей торговли, но все при этом доби-

вались этого нового секрета стать кассирами и банкирами, если только имели для этого достаточно друзей и доверия. Когда Кромвель захватил власть, то самый крупный из таких банкиров вел с ним дела и снабжал его деньгами по большим процентам, особенно после того, как ими были куплены доллары, которые он отнял у испанцев, ценностью около 300.000 фунтов. Когда, по возвращении короля, последнему понадобились деньги, то несколько таких банкиров одолжили ему не собственные деньги, но деньги вкладчиков, нагло взяв с него за них по 10% ; кроме того, по частным контрактам, ряду долговых обязательств, векселей и долгов короля—по 30% и 40%, как это ни позорно для государства.

Сосредоточив в своих руках деньги и образовав таким образом, как они это называли, „оборотный капитал", они, в расчете на то, что исходящие суммы будут пополняться новыми вкладами, начали уже давать взаймы на срок недель и месяцев, по экстраординарным процентам, удовлетворяли требования купцов, торговавших в кредит, но учитывали их векселя по двойным и даже тройным %, в зависимости от того, насколько купец нуждался в деньгах.

(Документ взят из уваэанной выше работы Cunningham).

11. Основание Английского банка.

1694 года.

Акт о предоставлении их величествам различных сборов и пошлин на грузы судов и кораблей, на пиво, эль и другие напитки в обеспечение некоторых наград и преимуществ, в данном указе упомянутых, таким лицам, которые добровольно дадут вперед сумму денег в 1.500.000 фунтов для продолжения войны против Франции.

. . . . . .

.. XIX. Далее, вышеназванной властью постановлено, и это надлежит и должно быть законным и для их величеств, указом, скрепленным большой печатью Англии, установить и назначить известное число лиц для собирания и приема всех таких добровольных подписок, которые должны быть произведены к первому дню августа 1694 г. после Р. Х. или ранее лицом или лицами, природными гражданами или иностранцами, политическими обществами или корпорациями.

.. XX. Далее постановлено, и это надлежит и должно быть законным для их величеств, чтобы жалованной грамотой, за большой печатью Англии, определить, установить и указать, каким образом и в каких размерах и по каким уставам и предписаниям названная сумма денег в 1.200.000 фунтов, часть вышеозначенной суммы в 1.500.000 фунтов и указанная годовая сумма в 100.000 фунтов, часть указанной годовой суммы в 140.000 фунтов и всякая другая часть, или пропорция ее, может быть ассигнуема или переводима, ассигнована или переведена только такому лицу или таким лицам, которые свободно и добровольно согласятся принять это и никак не иначе; и об'единить всех и каждого такого подписчика и участника, их наследников, преемников или передаточных лиц, чтобы они составляли одно корпоративное политическое общество под именем директора и компании Английского банка и чтобы под тем же именем директора и компании Английского банка имела место постоянная преемственность и общая печать.

XXVIII. По условиям, чтобы ничего здесь заключающееся не было бы ни в коем случае перетолковано так, чтоб препятствовало данному Обществу производить операции с векселями, покупать и продавать золотые и серебряные слитки и продавать те продукты, изделия и товары, которые будут действительно и „по доверию“ предоставлены и отданы в залог этому Обществу за выданные в заем или авансом деньги на тот случай, если они останутся не выкупленными в условленное время, или по истечению 3-х месяцев; или же продавать такие товары, которые будут или могут быть произведениями земель, купленных данным Обществом.

(Текст для перевода взят из книги— „English economic history. Select documents compiled and edby Bland, Brown and Tawney. London 1921).

---

12. „Национальное богатство“ Англии и Уэлльса в оценке английского экономиста XVII в. Грегори Кинга.

Грегори Кинг (1648—1712 г.), известный статистик и экономист, в своем сочинении „Естественные и политические наблюдения и заключения о положении и условиях Англии“ (1696), дает ценные указания о богатстве, его распределении и о количестве населения в Англии в 1688 г.

I. Земельные богатства Англии.

	Акры.	Рента за акр.	Всего ренты.
Пахотной земли	9.000.000	по 5 шил. 6 пенс.	2.480.000 ф. ст.
Пастбищ и лугов	12.000.000	„ 8 „ 8 „	5.200.000 „ „
Земель, поросших лесом и кустарн.	3.000.000	„ 5 „ — „	750.000 „ „
Лесов. парков и общин. угодий	3.000.000	„ 3 „ 8 „	570.000 „ „
Пустошей, болот, возвышенностей и неплодородных земель	10.000.000	„ 1 „ — „	500.000 „ „
Домов (с прилегающей землей), садов, церквей и церковных дворов .	1.000.000	„ земля „ постройки	450.000 „ „ 2.000.000 „ „
Рек, озер, прудов	500.000	„ 0 2 ш. 0	50.000 „ „
Дорог и пустошей . . .	500.000	„	. . . . .
Итого	39.000.000	около 6 ш. 2 п.	12.000.000 ф. ст.

Стоимость скота в Англии и Уэллсе в 1688 г.

	Ежегодный прирост.	Общее количество скота.	Цена за штуку (кроме шкуры).	Общая стоимость скота.
Коров, быков и телят	800.000	4.500.000	2 ф. ст.	9.000.000
Овец и ягнят . . .	3.600.000	12.000.000	0 7 ш. 4 пенс.	4.440.000
Свиней и поросят.	1.300.000	2.000.000	0 16 ш.	1.600.000
Оленей и ланей. .	20.000	100.000	2 ф.	200.000
Коз и козлят . . .	10.000	50.000	0 10 шилл.	25.000
Зайцев	12.000	24.000	0 1 ш. 6 п.	1.800
Кроликов	2.000.000	1.000.000	0 0 5 пенс.	20.833
Итого . . .	7.742.000	19.674.000	0 0 0	15.287.633

II. Доходы от сельского хозяйства.

Годовой урожай	пшеницы .	14	милл.	бушелей	по	3	шил.	6	пенс.	за буш.
„ „	ржи . . .	10	„	„	„	2	„	6	„ „	„
„ „	ячменя . .	27	„	„	„	2	„	0	„ „	„
„ „	овса . . .	16	„	„	„	1	„	6	„ „	„
„ „	гороху . .	7	„	„	„	2	„	6	„ „	„
„ „	бобов . . .	4	„	„	„	2	„	6	„ „	„
„ „	вики . . .	1	„	„	„	2	„	0	„ „	„

III. Таблица доходов и расходов различных фамилий Англии, составленная Кингом в 1688 г.

Количество семейств.	Ранги, чины, титулы.	Членов семьи.	Общее количество лиц.	Ежегодный доход каждой семьи.	
				ф. ст.	шил.
160	Светских лордов	40	6.400	3,200	—
26	Духовных лордов	20	0.520	1,300	—
800	Баронетов	16	12.800	880	—
600	Рыцарей	13	7.800	650	—
3.000	Сквайров (помещиков) .	10	30.000	450	—
12.000	Джентльменов	8	96.000	280	—
5.000	Высших должн. лиц . .	8	40.000	240	—
5.000	Низших должн. лиц . .	6	30.000	120	—
2.000	Крупных купцов	8	16.000	400	—
8.000	Купцов среднего ранга .	6	48.000	198	—
10.000	Юристов	7	70.000	154	—
2.000	Высшего духовенства .	6	12.000	72	—
8.000	Низшего духовенства . .	5	40.000	50	—
40.000	Фригольдеров высшего разряда	7	280.000	91	—
120.000	Фригольдеров низших .	$5^1/_2$	660.000	55	—
150.000	Фермеров арендаторов .	5	750.000	42	10
15.000	Лиц свободн. профессий .	5	75.000	60	—
50.000	Лавочников и торговцев .	$4^1,^2$	225.000	45	—
60.000	Ремесленников	4	240.000	38	—
5.000	Морских офицеров . . .	4	20.000	80	—
4.000	Армейских офицеров . .	4	16.000	60	—
500.586		$5^1/_3$	2.675.520	68	18
50.000	Рядовых матросов . . .	3	150.000	20	—
364.000	Рабочих и слуг	$3^1/_2$	1,275.000	15	—
400.000	Коттеров и нищих . . .	$3^1/_4$	1,300.000	6	10
35.000	Рядовых солдат	2	70.000	14	—
849.000		$3^1/_4$	2.795.000	10	10
	Бродяг: цыган, воров, нищих	—	30.000	—	
				В итоге	
500.586	Умножающих богатство страны	$5^1/_3$	2.675.000	68	18
849.000	Уменьшающих богатство страны	$3^1/_4$	2.825.000	10	10
1.349.586	Чистый итог . . .	$4^1/_{13}$	5.500.520	32	5

Общий годовой доход.	Ежегодный расход на каждого члена.		Годовой прирост дохода каждого члена.			Прирост дохода на каждого члена.			Общий годовой прирост дохода.
ф. ст. шил.	ф. ст.	шил.	ф. ст.	шил.	пнс.	ф. ст.	шил.	пнс.	
512.000 —	80	—	70	—	—	10	—	—	64.000
33.800 —	65	—	45	—	—	20	—	—	10.400
704.000 —	55	—	49	—	—	6	—	—	76.800
390.000 —	50	—	45	—	—	5	—	—	39.000
1.200.000 —	45	—	41	—	—	4	—	—	120.000
2.880.000 —	35	—	32	—	—	3	—	—	288.000
1.200.000 —	30	—	26	—	—	4	—	—	160.000
600.000 —	20	—	17	—	—	3	—	—	90.000
800.000 —	50	—	37	—	—	13	—	—	208.000
1.600.000 —	53	—	27	—	—	6	—	—	288.000
1.540.000 —	22	—	18	—	—	4	—	—	280.000
144.000 —	12	—	10	—	—	2	—	—	24.000
400.000 —	10	—	9	4	—	0	16	—	32.000
3.640.000 —	13	—	11	15	—	1	5	—	350.000
6.600.000 —	10	—	9	10	—	0	10	—	330.000
6.375.000 —	8	10	8	5	—	0	5	—	187.500
900.000 —	12	—	11	—	—	1	—	—	75.000
2.250.000 —	10	—	9	—	—	1	—	—	225.000
2.280.000 —	9	10	9	—	—	0	10	—	120.000
400.000 —	20	—	18	—	—	2	—	—	40.000
240.000 —	15	—	14	—	—	1	—	—	16.000
34.488.800 —	12	18	11	15	4	1	2	8	3,023,700
						Уменьшение доходов			Уменьшение доходов
1.000.000 —	7	—	7	10	—	0	10	—	75.000
5.460.000 —	4	10	4	12	—	0	2	—	127.500
2.000.000 —	2	—	2	5	—	0	5	—	325.000
490.000 —	7	—	7	10	—	0	10	—	35.000
8.950.000 —	3	5	3	9	—	0	4	—	562.500
60.000 —	2	—	4	—	—	2	—	—	60.000
34.488.800 —	12	18	11	15	4	1	2	8	3.023.700
9.010.000 —	3	3	3	7	6	0	4	6	622.500
43.491.800 —	7	18	7	9	3	0	8	9	2.401.200

Г. Кинг, на основании официальных данных, к которым он имел доступ, разработал детальную таблицу соотношения между доходами и расходами различных разрядов населения. Он берет количество семейств каждого класса, среднее количество членов семьи, от умножения первой цифры на вторую получает общую численность данного класса, затем дает средний годовой доход каждой семьи, выводит общий доход каждого класса, вычисляет средний расход на содержание семьи и излишек чистого дохода, за вычетом прожиточного минимума и отсюда делает вывод о ежегодном приросте богатства страны.

Г. Кинг делает ряд заключений на основании своей таблицы.

IV. Общее количество населения.

(Англии и Уэллса)	5.500.520
в том числе Лондона	530.000
остальных городов	870.000
сельского населения	4.100.000
Количество юменов (фригольдеров обоих разрядов) и арендаторов Кинг определяет	1.690.000
крупных земельных собствени. около . .	153.000
крупных купцов	64.000
купцов среднего разряда	180.000
ремесленников	240.000
Общее колич. беднейшего населения . .	2.823.000

V. Выводы Кинга о ежегодном приросте богатств и оценка, с этой точки зрения, производительности отдельных групп населения, чрезвычайно характерны и типичны для экономической науки XVII века.

Кинг считает, что 2.675.520 человек (или 500.586 семейств), сберегающих (за вычетом расходов на содержание семьи) ежегодно 3.023.700 фунт. стерл. дохода, тем самым умножают богатство страны, в то время, как остальные 2.823.000 человек, у которых расходы превышают заработок — уменьшают богатство страны. Сюда он относит матросов, рабочих, коттеров, солдат, бродяг и нищих. В частности, последние уменьшают общественное богатство ежегодно на 622.500 фунт. стерл. Эта цифра, в общем, совпадает с суммою налога, вносимого в пользу бедных. Таким образом, классы, обладающие собственностью, являются производительными классами, а беднейшие классы, не располагающие сбережениями, суть непроизводительные потребители, бремя для общества. По словам современника Кинга, писателя Дэвенента, меньшинство народа, „500.000 семейств вынуждены содержать большинство — 850.000 семейств“.

VI. Доходы Англии в конце XVII в. в оценке Дэвенента.

Ежегодный доход Англии	43.000.000	ф. ст.
Ежегодная земельная рента . . .	10.000.000	„
Стоимость стрижен. шерсти (в год)	2.000.000	„
Стоимость шерстяных изделий .	10.000.000	„

При пользовании данными Кинга и Дэвенента, следует иметь в виду, что они дают приблизительную оценку, а не точные цифры. С такой оговоркой эти данные представляют большую ценность для характеристики хозяйства и общественного строя Англии после революции.

Цифры и данные Кинга и Дэвенента взяты из следующих работ: Curtler. The Enclosure and restribution of our land. Oxford. 1920. Его же: „A short History of English Agriculture. Rogers. History of Agriculture and Prices in England. Vol, V. Sombart. Der Moderne Capitalismus. B-de 1-IV. 1924). Prothero English Farming past and present. Lond. 1912.

13. Средние цены на злаки в XVII в. в Англии

(в шиллингах и пенсах за 1 квартер).

ГОДЫ.	Пшеница.		Ячмень.		Солод.		Овес.		Овсяная мука.		Бобы.		Горох.		Мука пшенична.	
	ш.	п.	ш.	п.	ш.	п.	ш.	п.	ш.	п.	ш.	п.	ш.	п.	ш.	п.
1613—1622	37	9	20	8 1/2	21	7 1/2	13	5 1/4	38	0	17	11 1/2	22	1 1/2	47	1 1/4
1623—1632	43	7 1/2	22	2	24	2	13	8 1/4	45	4 1/4	23	3 3/4	21	11	49	2
1633—1642	41	2	24	2 3/4	20	0 1/4	15	11 1/2	43	3 1/4	19	6	30	0 1/2	52	9
1643—1652	48	11	26	3	27	7 3/4	17	3	56	5 3/4	27	1	28	4	59	9 1/2
1653—1662	47	2 1/4	18	8 1/4	25	6	15	8 3/4	52	4 1/4	22	10 1/2	22	9 1/4	54	5 1/4
1663—1672	35	8 3/4	18	4	21	7 1/2	14	1 1/4	50	6 1/4	22	3 3/4	32	0 3/4	47	7
1673—1682	42	2	21	6	24	2 1/4	14	9	56	4 1/4	25	8	19	8	53	3 1/2
1683—1692	34	5 1/2	26	0	20	7 3/4	14	4	51	7	24	10	27	1 1/4	52	2 1/2

Примечание. Квартер = 1/4 ласта = 1,38 четвертей = 291 литру = 8 бушелей = 64 галлона.
Средняя цена квартера пшеницы в период времени 1401—1540 была 5 шилл. 11 3/4 пенс.
„ „ „ „ „ „ „ 1541—82 „ 13 „ 10 1/2 „

(Rogers, указ. соч. vol. V).

14. Средние цены на скот в XVII веке в Англии.

(По десятилетиям).

Годы.	Быки.		Телята.		Овцы.		Ягнята.		Кабаны.		Лошади.		
	высш. цена.		высш. цена.		высш. цена.		высш. цена.		высш. цена.		высшая цена.		
	Шилл.	Пенс.	Шилл.	Пенс.	Шилл.	Пенс.	Шилл.	Пенс.	Шилл.	Пенс.	Фунт.	Шилл.	Пенс.
1628—1632	146	7	16	15½	16	0¾	6	11½	55	1	15	1	8
1633—1642	189	8	16	4	12	2	7	1¼	62	2	13	18	10
1643—1652	144	9	13	0	18	7	7	8¾	46	8	17	9	2
1653—1662	143	5	12	8¼	19	2½	7	0	51	7½	16	5	10
1663—1672	137	6	13	3	18	9	10	0	61	8	14	16	0
1673—1682	139	0	12	0	25	0½			77	3½	18	4	6
1683—1692	131	9	21	2	30	3	8	9¼	86	8	16	10	0

Примечание: Средний вес быка за XVII столетие—около 600 англ. фун. (торговых), средний вес овцы 40 англ. фун.
Средняя цена быка—в период 1401—1540 составляла 15 шилл., овцы—1 ш. 6 пенс.
1541—82 » 55 » » от 3 до 4 ш. 6 пенсов.

(Rogers, указ. соч. vol V).

15. Средние недельные цены на труд в Англии в XVII веке.

Годы.	Плотник (высшая цена).		Плотник (средняя цена).		Каменщик (высшая цена).		Каменщик (средняя цена).		Пильщик (двое).		Пильщик.		Кровельщик.		Кровельщик и рабоч.	
	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.
1623 — 1632	6	9 1/2	6	3 1/4	9	8 1/2	7	3	12	9	13	6	6	8	11	1
1633 — 1642	9	0	7	0 1/4	9	0	7	1 3/4	14	5	15	6	7	6	10	9 1/2
1643 — 1652	10	8 1/2	8	10	11	3 1/2	8	5 3/4	16	6	14	6 3/4	9	5 1/2	13	8 1/2
1653 — 1662	9	5	9	0	10	8 3/4	9	1 1/4	17	7 1/4	14	8 1/4	11	1	17	1
1663 — 1672	11	11 1/4	9	1	13	0	9	3 1/2	18	6	15	4 3/4	9	11 1/4	14	10
1673 — 1682	13	4 1/4	10	8 3/4	14	4	8	9 3/4	18	0	15	3 1/2	11	9	14	6
1683 — 1692	12	11 3/4	11	0 1/2	14	8	9	8	23	9 3/4	17	6	8	0	15	0

16. Средние недельные цены на труд в Англии в XVII веке.

(Продолжение).

ГОДЫ.	Плотник и рабочий.		Каменщик и рабочий.		Паяльщик.		Столяр.		Паяльщик и рабочий.		Рабочий у ремесл.		Рытье канав и огораживание.		Женский труд.		Заготовщ. кр. дранки.	
	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.	Шиллинги.	Пенсы.
1623—1632	11	5	11	11 3/4	8	8 3/4	—	—	13	6 3/4	4	4 1/2	4	9	2	1 1/2	2	6
1633—1642	15	5 1/4	12	0	8	7	8	0	13	6	5	0	5	6 1/2	3	0	2	4 3/4
1643—1652	14	4 3/4	13	9	10	4	10	0	17	0 1/2	5	10 1/2	5	9 1/2	2	6	2	7 1/4
1653—1662	15	2 1/2	15	8 1/2	10	10 1/2	12	0	19	0	6	—	6	—	2	6	3	2
1663—1672	15	5 3/4	15	11 3/4	12	—	—	—	18	0	6	1 1/4	6	1 3/4	—	—	2	7 1/4
1673—1682	17	0	16	1	15	6	13	5 1/2	30	0	6	3	6	6 1/2	—	—	2	6
1683—1692	26	8	22	10	18	0	15	2	26	0	6	1 1/4	7	1 3/4	2	3	—	—

(Rogers, указ. соч.).

17. Средние цены на текстильные товары в Англии в XVII веке.

(по десятилетиям).

Годы.	Лучш. столовое полотно (12 ярдов).		Столовое полотно средн. качества (12 ярдов).		Полотно обыкновен. (12 ярдов).		Голландское полотно для белья лучш. (12 ярдов).		Голландское полотно для белья низш. сорт. (12 ярдов).		Полотно для рубашек (12 ярдов).		Простой холст. (12 ярдов).		Лучшее сукно. (за 1 ярд.).		Обыкновен. сукно. (за 12 ярд).		Бархат. (за 1 ярд).	
	шилл.	пенс	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.
1583—92	67	6	38	9¾	17	4½	60	0	26	2	20	8¼	9	3	9	0	21	7	20	6¼
1593—1602	53	9½	36	7¾	16	0	41	6	27	9	20	1¾	9	8¾	11	5	23	5¾	20	8
1603—12	47	2	33	5¼	16	11½	69	0	29	2	14	6	8	8½	—	—	24	2	23	1½
1613—22	65	5	37	5¼	17	11¼	45	0	32	3	14	1¾	9	1	16	7	29	11	22	9
1623—32	—	—	40	6¾	17	7¼	51	0	31	5	12	7½	9	7¼	24	5	26	5	—	—
1633—42	60	0	38	3¼	18	10¼	64	0	30	0	13	0½	10	1¼	37	6	39	5	22	0
1643—52	—	—	35	6	19	3	80	3	40	3	15	7¾	10	9½	24	2¼	28	0	—	—
1653—62	64	0	39	9	19	3	95	3	43	9	18	10½	10	8¼	23	8¼	39	0	27	8
1663—72	84	6	39	8½	18	7¼	86	0	43	1	18	9	11	10	19	10	36	6	25	0
1673—82	105	0	36	9½	17	3	69	0	37	0	14	6½	—	—	18	8	41	2	24	0
1683—92	60	0	30	3	16	6	108	0	35	0	14	0	—	—	17	0	28	5½	—	—
1693—1702	—	—	34	2	16	8½	—	—	40	0	15	6	12	0	19	0	25	8	30	0

Примечания. Полотняные ткани, особенно лучшие сорта, получали из за границы, но и внутри Англии, в течение XVII в. полотняное ткачество делает большие успехи, в частности на севере (Манчестер, Лидс, Галифакс).

Шерстяные ткани только частично поступали на внутренний рынок; они составляли как и в XVI в. главную статью вывоза. (в XVII в. $^2/_3$ всего вывоза).

Сведения о средней стоимости шерсти (по столетиям) за фунт.

1259—1400 = $3^5/_7$ пенса
1401—1540 = $3^5/_7$ „
1541—82 = $7^1/_2$ „
1583—1702 от 9 „ до 1 шиллин

Ярд = 91 сантиметру = 3 англ. футам = 28 арш. = 36 дюймам = 0,914 метра.

Таблица составлена на основании данных Rogers'а указ. соч. vol. V, Curtler и др.

18. Сравнительная таблица движения цен и заработной платы в Англии.

С 1541 по 1702 года.

Название предметов.	I. 1541—1582 Шилл.	I. 1541—1582 Пенс.	II. 1583—1642 Шилл.	II. 1583—1642 Пенс.	III. 1643—1702 Шилл.	III. 1643—1702 Пенс.	Увеличение от I к II во сколько раз.	Увеличение от II к III во сколько раз.
√Пшеница за квартер . .	13	10½	36	1	41	11¼	2,6084	1,16
Ячмень » » . .	8	5¾	19	9¾	22	2¼	2,3538	1,11
Солод » » . .	10	5	21	5	23	9¾	2,056	1,12
Овес » » . .	5	5½	12	5	15	2½	2,2748	1,23
Овсяная мука за квартер	20	10¾	37	9¼	52	11	1,8076	1,40
√Мясо за 14 англ. фун.	1	7	2	5½	3	5½	1,5526	1,46
Овца штука	6	4	13	10	24	8	2,1842	1,78
Каплун штука	1	1¾	1	10¼	2	6	1,6182	1,34
Гусь »	0	10	1	11½	3	—	2,035	1,53
Курица »	0	4¾	0	11½	1	3½	2,410	1,35
√Масло за 12 фунтов . .	2	8	4	9½	6	1	1,7812	1,26
Сыр за 12 фунтов . . .	1	5	3	2¼	3	7¼	2,25	1,07
Рыба за боченок в 120 шт.	55	4	65	9¼	85	5¼	1,1890	1,29
Соль за квартер	10	10¾	14	6	22	4¾	1,3308	1,54
Свечи за дюжину . . .	2	7½	4	2¾	5	2¾	1,6111	1,26
√Дрова за 50 куб. англ. футов	11	10	13	10¼	18	4¼	1,1708	1,32
Столовое полотно за 12 ярдов	18	6	27	6	27	10½	1,4864	1,01
√Полотно для белья за 12 ярдов	12	7½	15	10¼	16	2½	1,2557	1,02
√Сукно среднего качества за 12 ярдов	45	9½	59	2¾	66	8¾	1,2993	1,12
Белое вино	1	4½	2	4¼	3	9	1,7121	1,59
Испанское сладкое . . .	2	2½	4	2	8	9¼	1,8868	2,05
√Сахар-рафинад	12	10¾	19	2¼	12	8¼	1,4479	6,61

Фунт = 9 пенс.
Квартер = 13 фун.

Категории рабочих.	I. 1541—1582 Шилл.	I. 1541—1582 Пенс.	II. 1583—1642 Шилл.	II. 1583—1642 Пенс.	III. 1643—1702 Шилл.	III. 1643—1702 Пенс.	Увеличение от I к II во сколько раз.	Увеличение от II к III во сколько раз.
√Плотник высокой квалиф.	6	9	7	0½	12	2¾	1.0432	1,7337
Плотник средней квалиф.	5	0	6	2¾	10	2¾	1.2458	1.6421
√Каменщик	4	9	6	5¾	9	10¾	1,3640	1.5273
Пильщики (двое)	8	9	12	11½	19	0¼	1,3587	1,5687
Пильщик сдельно	8	0	12	6	15	7¾	1,5729	1,2517
√Кровельщик	4	10½	6	3¾	9	8¾	1,3376	1,4920
Кровельщик с подручным	7	7½	10	6¾	15	0¼	1,3825	1,4249
√Паяльщик	4	9	7	10¼	14	0¼	1,6535	1.7851
√Столяр	5	3	7	3¾	12	7¾	1,3929	1,7293
Подручный у каменщика	3	4½	4	2¼	6	7¾	1,2531	1.5714
√Сельско-хоз. рабочий . .	3	3	4	10	6	4¾	1,4872	1,3233
√Женский труд	2	2¼	2	3	2	6¼	1.0285	1,1388

Примечание. √Заработная плата берется недельная.

Данные для таблицы взяты у Rogers'а (указ. соч., vol. V).

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Классовая борьба в Англии в эпоху революции.

1. Из «истории Англии» Мильтона.

(Книга III).

Когда был созван парламент..., то народ с упованием ожидал от него разрешения причин своего недовольства и для своей защиты в парламенте избрал людей, которых считал наиболее способными отстаивать общественное благо. Некоторые из них действительно отличались мудростью и бескорыстием, но остальные (таких было большинство) оказались выдвинутыми только благодаря своему богатству, обширным владениям и большому честолюбию, а не личным достоинствам; когда показное усердие и погоня за популярностью остыли в них, то каждый из них, поставивши свои личные цели раньше государственных, стал поступать так, как подсказывала ему его личная выгода и честолюбие. Правосудие было попрано, и скоро от него отреклись совершенно. Удача и милость обусловливали все. Отсюда раздор, измена у себя и на поле битвы, несправедливость и насилие, гнусные, отвратительные деяния, совершаемые ежедневно тайно и явно. Люди без всяких личных заслуг, призванные в высшие советы и комитеты из лавок и товарных складов, начали, согласно своим навыкам, торговать общественным достоянием, другие потакали тем, кто лучше сумел их ублажить и угодить им. Тот, кто, прикрываясь притворным рвением, пускался на самые низкие инсинуации, получал незаслуженные награды за знания и верность или избегал наказания за свои преступления и злодеяния. Их новые решения и приказы, от которых ожидали отмены плохих законов и немедленного установления лучших, принесли с собой только новые пошлины, налоги и акцизные сборы—ежегодные, ежемесячные, еженедельные, не говоря уже о всех должностях, привилегиях и наградах, которыми они пользовались и делили между собой. Людей же, которые и без принуждения помогали им собственным трудом

или своими средствами, они держали в пренебрежении, лишали возможности получать то, что им должно было быть возмещено по справедливости, преследовали секвестрами их имуществ и заставляли их ходить с жалобами из одной комиссии в другую с тщетной надеждой, чтобы их делу, наконец, дан был ход. Когда же дело было слишком вопиющее и просьба была уважена и сохранялась хотя бы видимость правосудия, заведующие секвестрованными имуществами и подчиненные им комитеты, находящиеся за границей и состоящие из людей по большей части корыстных и явно нечестных, не исполняли решения суда, поступая так, конечно, в угоду и согласно тайным предписаниям власть имущих, которые могли бы оправдать их действия.

Преследуя, таким образом, конфискациями, как врагов, своих же сторонников, которых они называли „государственными должниками", они просто делали их жертвами бесчисленных грабителей, находящихся на службе. Однако, не менее обременены были разными чрезвычайными обложениями и притеснениями и те, которых они считают за несочувствующих себе, а также и нам, государственным кредиторам, каковыми мы себя считали, пришлось не лучше, чем тем, которые подверглись секвестру, как враги государства. И вот то доверие, которое должно храниться неприкосновенным, как святыня — „общественное доверие" — было подорвано, и потерявшие его не постыдились в непродолжительном времени признать себя банкротами после бесчисленных сумм, которые они получили с церковных ценностей и богатств, растраченных и исчезнувших в какой-то неведомой пучине. Теперь не только их слабость к подкупам, взяточничеству, стремление к власти, но точный отчет, который им пришлось дать давно ожидавшему этого народу, обнаружил их преступность и открыл их причастность к мятежам и волнениям в стране, которые они сами тайно сеяли и подготовляли, а потом открыто принимались умиротворять. И такой работы они готовы были бы искать постоянно, чтобы не настало ужасное для них положение, когда, за отсутствием новых дел, им пришлось бы сложить свои полномочия, а не продолжать их на возможно долгое время хотя бы ценой гибели целой нации.

(Отрывок взят из указанной книги Cunningham).

2. Социальная и политическая борьба в армии.

а) Декларация солдат 26 апреля 1647 г.

Мы, солдаты — полка капитана Эвелина, заявляем, во первых, прежде чем кто-либо из нас запишется для отправки в Ирландию, мы желаем, чтобы нам было выпла-

чено жалование здесь в Англии, согласно многократным декларациям и представлениям парламента.

Мы желаем получить удовлетворительный ответ на требование наших офицеров, предъявленное комиссионерам (парламента), когда они в первый раз являлись сюда договариваться с армией относительно похода в Ирландию; и пока мы не получим означенного ответа, мы не станем ни записываться, ни приготовляться для этой службы. Хотя мы убеждены, что королевство нуждается в помощи, однако мы полагаем, что наша помощь не должна привести к полному отнятию у нас справедливых прав и вольностей, а также вознаграждения за прежнюю службу.

Вальфен, 4-го мая 1647 г.

6) Объявление об устройстве советов армии.

1. Назначить совет для руководства делами армии.

2. Держать часть способных письменных людей в Оксфорде и в армии, с тем, чтобы их сообщения могли убеждать народ и рассеивать их заблуждения.

3. Поддерживать переписку с солдатами и благонамеренными друзьями в различных графствах королевства — для предотвращения смут, партийных интриг, для обезоружения нерасположенных людей и задержания лиц из злонамеренных партий, а именно пресвитериан.

4. Направлять все дела государственного характера к благу народа и без проволочек для избежания разделений и предотвращения кровопролитий.

5. Бдительно держать себя настороже против заискивающих тайно или явно и подкапывающихся врагов, в особенности же препятствовать увозу или какой-либо неожиданности в отношении королевской особы.

6. Представить начальствующим офицерам — в письменной форме и с подписями — пункты ваших требований и договориться, при посредстве ваших уполномоченных, для защиты как ваших интересов, так и других солдат.

7. Стремиться к исправлению всех произвольных дел во всем королевстве — в согласии с Ковенантом и требовать публичного суда и должного наказания для всех нарушителей (закона), кто бы они ни были.

8. Настойчиво просить обсудить вопрос о желательности реформации в гражданских делах и затребовать об'яснений, как можно выполнить и согласовать продуманное и уважительное—цели, которых добивается армия

с двусмысленными провокационными выступлениями и декларациями парламента, направленными к тому, чтобы втянуть нас в кровопролитие и заставить себя опутать еще более крепкими цепями и наложить на нашу шею еще более тяжкое ярмо рабства.

9. Не допускать в армии дальнейших проволочек и замедлений, благодаря которым последняя резолюция утрачивает свою силу, а решимость ослабевает.

10. Убедить генералов не отлучаться из армии до тех пор, пока эти бури не рассеются, свободы граждан не укрепятся, королевство не будет устроено, делинквенты не будут обнаружены и наказаны, солдаты и потерпевшие не получат удовлетворения и возмещения, чтобы во всем этом их поведение никогда не было бы более последовательным, их интерес к армии более плодотворным, настоящее дело наиболее значительным, ибо оно направлено к устранению всех наших забот и к благополучному исходу путем устроения (в мире и справедливости) дела всего королевства.

11. Это касается обещаний, какие мы можем быстро и почтительно выполнить, после чего армия может быть сокращена до такого числа конницы, какое не будет не согласно с безопасностью королевства, остальные же, при условии справедливого расчета в отношении следуемой им и заслуженной платы, а также почетных наград за различные службы, могут быть распущены, после того как акт об амнистии будет издан и дано будет удовлетворение, как сказано выше, не только настоящей армии, но и всем благонамеренным солдатам и подданным всего королевства.

(The Clarke Papers, vol. I).

в) Из программы партии индепендентов „Основы предложений, исходящих из армии".

1 августа 1647 г.

. . . . . .

5. Выборы депутатов в последующие парламенты должны распределиться по всем графствам или другим частям и делениям королевства, согласно известным правилам равенства или пропорции, таким образом, чтобы все графства могли иметь число членов парламента, соответствующее их голосам, пропорционально тем налогам, какие они вносят в общую сумму платежей и повинностей

государственных и сообразно с некоторыми другими правилами равенства или пропорции, чтобы сделать палату общин (насколько только возможно) равным представительством всего целого; и в силу этого соображения, право избрания должно быть отнято от прииедших в упадок и незначительных городов и передано, в качестве некоторого добавления, к наличному количеству парламентских представителей, крупным графствам, которые в настоящее время имеют меньше, чем это допускает правильная пропорция, и таким путем установить всюду, насколько только возможно, такую норму пропорциональности, как сказано выше.

(Gardiner. Constitutional documents of the puritan revolution).

6) „Народное соглашение, предложенное совету армии".

28 октября 1647 г.

Народное соглашение относительно прочного и действительного мира на основаниях общего права.

Так как, благодаря нашим последним трудам и превратностям всему миру стало очевидным, как высоко мы ценим нашу истинную свободу, а бог так далеко поддержал наше дело, что предал в наши руки врагов, наше мы считаем себя связанными взаимным обязательством друг к другу приложить все наши старания к тому, чтобы избежать на будущее время опасности возврата к прежнему рабству, а также обременительных возмездий за новую войну. И поскольку трудно себе представить, чтобы столь многие из наших сограждан выступили против нас в этой распре, если бы понимали свою собственную выгоду, мы выражаем твердую уверенность, что после того, как наши общие права и свободы будут обеспечены, они обманутся в своих попытках стать нашими господами. И, после наших недавних притеснений и едва закончившихся смут, мы пришли поэтому к соглашению и постановили принять меры к тому, чтобы отныне наши представители не были избираемы на неопределенный срок и не становились бесполезными для тех целей, для каких они призваны.

В силу этого мы объявляем:

I.

Английский народ, распределявшийся до сих пор крайне неравномерно по графствам, городам и местечкам для избрания своих депутатов в парламент, должен быть

распределен более пропорционально, сообразно количеству жителей. Точные указания относительно числа, места и способов проведения, должны быть установлены до окончания работ настоящего парламента.

II.

Для предотвращения многих неудобств, с очевидностью проистекающих от продолжительного пребывания у власти одних и тех же лиц, настоящий парламент должен быть распущен в последний день сентября — в год нашего господа 1648-й.

III.

Народ должен производить выборы в парламент один раз в два года, а именно в первый четверг марта месяца каждого второго года, согласно инструкции, которая должна быть выработана до истечения срока настоящего парламента. Сессия должна начинаться в первый четверг следующего (после выборов) апреля, в Вестминстере, или другом каком либо месте, какое будет указываться своевременно предшествующими представителями, и продолжаться до последнего дня сентября месяца того же года, но не долыше.

IV.

Власть как настоящего, так и всех будущих национальных представителей уступает только власти тех, кто их избрал и простирается, без ведома и вмешательства какого-либо другого лица или лиц, на вопросы установления, изменения и отмены законов, на введение и управление учреждений и судов, назначение, удаление чиновников и офицеров всех рангов и затребование у них отчетов, на вопросы войны и мира, заключения договоров с иностранными государствами и, вообще, на все то, что не выделено ясно и намеренно самими представителями из своей компетенции, а именно:

1. Дела религии и божьего почитания не должны никому доверяться нами какой бы то ни было человеческой власти, так как здесь мы не можем отступить или превысить ни одной буквы из того, что диктует нам наша совесть и что является разумом божьим, чуждым всякого греха; однако, публичные средства наставления нации (но только без принуждения) должны быть предоставлены их благоусмотрению.

2. Требование займа и принуждение кого-либо из нас к военной службе противоречит нашей свободе и поэтому

мы не позволяем этого нашим представителям. Лучше будет, поскольку деньги (нерв войны) всегда находятся в их распоряжении, если они никогда не будут ощущать нужды в людях, достаточно способных для того, чтобы служить всякому справедливому делу.

3. После роспуска настоящего парламента, никто не должен привлекаться за что-либо сказанное или сделанное в отношении недавних общественных разногласий иначе, как по судебному постановлению настоящих представителей или палаты общин.

4. Чтобы в исполнении законов уже изданных или тех, какие будут изданы, каждое лицо было одинаково связано и чтобы ни одно держание, поместье, хартия, состояние, происхождение или место не подлежали бы какому-либо изъятию из обычного законного порядка, обязательного для других.

5. Чтобы, — поскольку законы должны быть общеобязательными (равными), то они должны быть хорошими, а не гибельными для безопасности и благополучия народа.

Все это мы об'являем нашими прирожденными правами и поэтому согласились и постановили поддерживать их всеми нашими силами против всякой оппозиции, какова бы она ни была. Нас побуждают к этому не только примеры наших предков, чья кровь часто напрасно проливалась за отвоевание их свобод, причем вследствие обманчивых перемирий они лишались результатов своих побед, но также и наш собственный плачевный опыт, когда долго жданное и доставшееся нам дорогой ценой установление определенного порядка управления привело к тому, что устройство нашего мира и свободы поручено было тому, кто замышлял наше порабощение и привел нас к кровавой войне.

(Gardiner, указ. книга).

3. „Путнейская конференция".

(Из дебатов на общем совете армии с солдатскими представителями (агитаторами) 28 октября — 11 ноября 1647 г. в местечке Путней).

Собрание конференции открывается (28 окт. 1647 г.) заявлением генерал-лейтенанта *Кромвеля*:

„Настоящий митинг созван для обсуждения общественных дел. Те, кто имеет что-либо сказать, может свободно высказаться".

Агитатор Эдвард Секоби информирует собрание, что солдаты представлены на совете 7-ю лицами, избранными от различных полков (оглашает имена делегатов).

После раз'яснений комиссара, генерала Айртона, об обстоятельствах, вызвавших приглашение на общий совет солдатских представителей, слово берет агитатор *Секоби*.

...„По воле Провидения мы очутились в странном положении, какое едва ли кто запомнит здесь с весьма далеких времен. Армия действует сообразно этим целям. Провидение как будто благоприятствует нам, а между тем мы видим мало результатов от всех наших стараний: на самом деле, я полагаю, что мы все здесь присутствующие, большие и малые (офицеры и солдаты), можем прямо сказать, что мы подались вперед и устремились за помощью в Египет. Дело королевства требует спешности, и, поистине наши несчастья, вместе с таковыми наших товарищей солдат, вопиют о настоящей помощи. Я думаю, что сейчас это ваше дело и что на вашей душе лежит утешить одних и удовлетворить других. Вы постановили, что, если какая-либо разумная вещь будет предложена вам, вы примете ее и пойдете дальше вместе с нами.

„Сущность нашего несчастья заключается в двух обстоятельствах. Мы старались удовлетворить всех людей, и это было хорошо, но, идя по этому пути, мы сделали только то, что всех людей обескуражили. Мы работали для того, чтобы доставить удовольствие королю, и, я полагаю, за исключением того, что мы готовы перерезать друг другу глотки, мы не угодили ему. Мы старались подпереть дом, оказавшийся с прогнившими столбами. Я имею в виду парламент, в котором имеется компания испорченных членов. Поэтому мы и просим вас, чтобы вы эти обстоятельства приняли в соображение".

После ряда реплик в ответ на выступление Секоби, совет переходит к обсуждению представленного агитаторами проекта под названием „Народное Соглашение". Общие прения продолжались несколько дней. 21 октября перешли к постатейному обсуждению, при чем наиболее горячие дебаты вызвала статья 1-я.

Первым берет слово генерал *Айртон*. Он высказывается против предоставления всеобщего избирательного права населению Англии.

...„Позвольте мне сказать вам, что если вы установите такое правило, то вынуждены будете прибегнуть к абсолютному естественному праву и отвергнуть целиком гражданское право. Я убежден, что это в действительности

так и будет... Мне думается, что права общего для всех не существует. Я полагаю, что ни одно лицо не обладает правом на интерес и голос в управлении и распоряжении государственными делами, а также в избрании тех, кто должен решать, по каким законам мы будем управляться; ни одно лицо не имеет на это права, если только у него нет в королевстве постоянной и прочной заинтересованности. Такие именно лица, вместе взятые, собственно говоря, и представляют королевство и в силу этого должны выделить тех представителей королевства, которые, собравшись вместе устанавливают, в чем заключается реальный и постоянный интерес в государстве... Мы все говорим здесь о прирожденном праве. Поистине, на основании права рождения здесь много предъявляется притязаний. Совершенно верно, люди по праву рождения, вследствие того, что они родились именно в Англии, имеют право на то, чтобы мы не изгоняли их из пределов Англии, чтобы мы не отказывали им в воздухе, местопребывании, в земле и в свободном проходе по горным путям и в других вещах, чтобы они жили среди нас... Вот что принадлежит, я полагаю, человеку по праву рождения. Но чтобы кто-либо только потому, что он родился здесь должен был бы получить голос в распоряжении здешними землями, как и другими вещами здесь, я не думаю, чтобы для этого были достаточные основания... Если мы начнем упразднять эту фундаментальную часть нашей конституции, то мы несомненно придем к тому, что упраздним всю собственность и выгоду, какую человек получает, будет ли это земля наследственная, или именно по праву владения или что-либо другое"...

Николай Рэмборо. „Правду сказать, сэр, я держусь того же мнения, как и раньше, и решил держаться его до тех пор, пока не узнаю оснований, по которым я должен от него отказаться.. Я не услышал здесь ничего такого, что могло бы убедить меня, почему человек, рожденный в Англии, не должен иметь избирательного голоса в городе. Здесь было сказано, что, если кто не имеет постоянного интереса, не может иметь никаких претензий.

....Я же, наоборот, думаю, что главная причина, почему всемогущий бог дал людям разум, заключается в том, чтобы они пользовались этим разумом и совершенствовали его для тех целей, какие он предуказал им... Я считаю, что все англичане должны подчиняться английским законам и искренно верю в то, что здесь нет ни одного человека, кто бы не сказал, что основание всякого закона лежит в народе, а если оно лежит в народе, то я должен попасть в число

чений. И, поистине, я думал нечто иное о том, в каких несчастных, отчаянных условиях должны находиться многие кто боролся за парламент в эту войну. Я обязан заявить, что многие люди, чье усердие и привязанность к богу и королевству выдвинули их вперед в этом деле, так разорили свои поместья, что на поприще государственном и военном они не в состоянии прямо держать своей головы, и когда их именье потеряно и не приносит 40 шиллингов дохода в год, такой человек, очевидно, уже не обладает каким-либо интересом. А ведь есть много и других поводов, по каким располагающие поместьями люди доходят до разорения... Когда человек имеет поместье, он заинтересован в названии законов, а когда не имеет, он лишается власти. Таким образом, выходит, что человек не может потерять того, что он имеет для поддержания своей семьи, и должен потерять то, что дали ему бог и природа".

Айртон. ... „Здесь есть люди такого-то и такого-то качества, и они определены стать избирателями в парламент, и это все те, которые связаны с королевством прочными интересами и, собранные вместе, представляют полный интерес всего королевства... Теперь давайте посмотрим вместе какое право вы предложите, чтобы весь народ получил право избрания. Не есть ли это естественное право? Если и вы будете развивать дальше этот принцип, то вы, я думаю, принуждены будете отвергнуть всю собственность, и тут и заключается мой довод"...

... „Ни закон божий, ни закон природы не дали нам собственности — собственность есть человеческое учреждение. Я имею собственность и буду настаивать на ней. Конституция создает собственность"...

Дальнейшие прения развертываются вокруг вопроса о собственности, как источнике избирательного права. Они ведутся главным образом между Айртоном и капитаном Рэнборо. Выступает, наконец, и солдатский представитель *Сексби*.

... „Мы были призваны служить королеву и рисковали нашими жизнями, и все это — для того, чтобы восстановить наши прирожденные права и привилегии, как англичан, а здесь стараются доказать, что это не так. Многие тысячи нас солдат жертвовали своей жизнью. Что касается наших имений, то мы располагаем в королевстве некоторой собственностью, но мы все же обладаем правом рождения. Теперь же оказывается, что, кроме людей имеющих собственность в королевстве, никто [illegible] не имеет

прав. Меня удивляет, что мы так обманулись. Если мы не имеем прав в королевстве, то мы простые лишь наемники-солдаты. Есть много лиц в таком же положении, как и я, у них имеются сейчас лишь небольшие участки, но они обладают такими же прирожденными правами, как и эти двое (оратор имеет в виду Кромвеля и Айртона), которые являются законодателями, как и всякий другой в этом положении. Одним словом, я должен сказать вам свое решение. Я решил никому не отдавать моего прирожденного права. Что бы ни случилось и что бы ни подумали я его ни за что не отдам"...

Капитан *Рэнборо* (в ответ на выступление Айртона).

„Сэр, я вижу, что невозможно получить свободу, если не будет упразднена собственность. Если это станет законом и если вы это именно хотите сказать, то пусть будет так. Но я хотел бы знать, неужели солдат до сих пор сражался за все это. Очевидно, он сражался для того, чтобы поработить себя, чтобы отдать власть богатым людям, земельным собственникам и сделать себя вечным рабом. Мы видим, что в тех притеснениях, в каких мы находимся, не должны притесняться только те, кто является фригольдером. Если эти джентльмены перессорятся между собой, то они заставят бедных тружеников прийти и убивать их".

(The Clarke Papers, vol. I).

е) Из второй (измененной) редакции „Народного Соглашения" 15 января 1648 г.

В расширенной редакции „Народного Соглашения" — дается точная таблица распределения по графствам, местечкам и городам депутатских мест.

Пункт об избирательном праве формулирован следующим образом:

..."Избирателями в каждом округе должны быть природные подданные или получившие права гражданства в Англии; (ими не могут быть) лица, получающие милостыню, а только те, кто облагается взносами на содержание бедных; никто из служащих и получающих заработную плату от какого-либо частного лица; и во всех выборах, за исключением университетов, они должны иметь возраст от 21 года и выше, должны быть домовладельцами и находиться в пределах (избирательного) округа в момент избрания".

(Gardiner, указ. книга)

3. Из трактата Мильтона «О праве королей и сановников». (1648 г.).

Король наделен властью не от бога, а от народа. Нельзя найти глупца, который решился бы утверждать, что люди не рождены свободными, созданные по подобию божию; они призваны повелевать земными тварями, а не повиноваться раболепно. Вполне свободными остались они навсегда, если бы не случилось грехопадения. Оно сделалось источником беззаконий и несправедливости. Видя, что они неизбежно идут к собственной гибели, люди с общего согласия решили обеспечить друг друга от возможности дальнейших обид и общими усилиями стали сопротивляться всякому, кто нарушит общее соглашение „жить в мире". Такое решение сделалось источником соединения людей в города и государства. Так как нельзя было положиться на каждого в частности, что он не нарушит обязательства „жить в мире", то явилась нужда в создании власти, карающей нарушителя мира и общего права. Дотоле самозащита была в руках каждого, теперь решено было положить конец праву „быть судьей в собственном деле", судьей, часто лицеприятным. Самозащита общества вручена была где одному человеку, поставленному выше всех ввиду его умственного и нравственного превосходства, где нескольким лицам. Первый назван был королем, вторые — сановниками.

Но, поступая таким образом, люди не имели в виду создать над собою повелителей и владык, а только вверять власть собственным уполномоченным и делегатам, которые приводили бы в исполнение веления справедливости, обязательные для всех, в силу установленного между ними соглашения. Избранные народом на первых порах хорошо управляли им, с большой справедливостью решая вопросы, подлежавшие их разбирательству. Такой порядок вещей длился до тех пор, пока правители, имевшие в своих руках неограниченную власть, не стали злоупотреблять ею и не прибегли к несправедливости и лицеприятию.

Наученные опытом, люди не согласились более оставить в руках правителей абсолютную власть и создали особые законы и установления, имеющие целью ограничения этой власти так, чтобы впредь ими управлял не подверженный заблуждениям монарх, но закон и разум, огражденные от возможности личных заблуждений и промахов. С этого времени закон был поставлен выше правителя в той же мере, в какой последний поставлен был выше народа. Так как правители не

когда соблюдали законы, то являлась необходимость требовать от каждого из них, при вступлении на престол, присяги в точном их соблюдении, нередко с оговоркой, что при неисполнении правителем данной им клятвы, народ признан будет свободным от повиновения.

Одновременно люди установили советы и парламенты не только для контроля за действиями правителя, но и для прямого участия в мерах общественной безопасности. Говоря о парламентах, французский государственный деятель Клавдий Сезель справедливо замечает: „Парламент создан быть уздою по отношению к монарху". Я привожу его слова не потому, чтобы мысли, высказанные Сезелем, не нашли себе выражения задолго до него в сочинениях английских юристов, но с целью показать, что даже в такой абсолютной монархии, какова французская, высказываемые мною мысли считаются общепризнанной истиной. История всех народов — немцев, французов, англичан, итальянцев, эрратонцев — доказывает, в свою очередь, справедливость сказанного мною. Из всего приведенного выше можно заключить, во-первых, что короли и сановники не имеют исконных прав, а лишь права, производные от народа в силу прямого наделения имп. У народа эти первичные, прирожденные права, все еще пребывают и не могут быть отняты. Говорить поэтому, что король имеет такое же право на престол, какое честный человек на наследство, значит не более, как принижать подданных до рабов и почитать их стадом или частным имуществом правителя. Во-вторых, из сказанного выше следует, что говорить: „Правитель ответственен перед одним только богом" — значит ниспровергнуть законы и учреждения государства. Тиранами надо считать всякого правителя, нарушающего законы и учреждения страны, управляющего ею не в интересах государства, а в личных интересах.

(Настоящий отрывок взят из книги М. М. Ковалевского. От народоправства к парламентаризму, т. II).

4. Из памфлета Лильборна «Основные] законы и вольности Англии».

Полнота законодательной и исполнительной власти принадлежит нации, заведующей собственными делами чрез посредство избранных ею парламентов, или общих советов, и судящей все возникающие в жизни споры чрез посредство избранных ею же самой судей-присяжных. Каждый

раз, когда возникает разногласие интересов, свободное соглашение, или договор сторон составляет закон страны. Таким образом нация — начало, середина и конец всякой власти. 1) Таково наследие, завещанное нам предками. Основы здания готовы, нам не предстоит создавать их основ, а только охранять их от узурпации королей, лордов и священников. Это наследие не только наше, но и наших детей. В пределы наших полномочий не входит поэтому отчуждение его. Живущее поколение не может распорядиться тем, что составляет общее достояние всех предшествующих поколений: оно не может обездолить своих преемников. В ряду других свобод и преимуществ Англии, мы особенное значение придаем следующим: английское правительство не основано на произволе, верховная власть не может принадлежать никому иначе, как в силу избрания. Ежегодно созываемые парламенты, составленные из избранных народом представителей, — единственная законная власть в стране. Все чиновники и судьи республики имеют источником своей власти народный выбор, и полномочия их длятся не более года. Суд над личностью и собственностью, к какому бы сословию стороны ни принадлежали, есть дело одних присяжных. Парламенты не могут заседать более года; забота о приведении в исполнение законов принадлежит не им, а судам. Никто не может быть судим иначе, как на основании закона, существующего в момент совершения судимого случая; другими словами, закон не имеет обратной силы. Наказания должны быть сообразованы с преступлениями: „Око за око, зуб за зуб“. Присяжные судьи не только факта, но и права. Судоговорение должно быть публичное и гласное. Свидетели обеих сторон равно приводятся к присяге. Обвинитель должен быть поставлен лицом к лицу с обвиняемым. Ни один подсудимый не может быть принуждаем к даче присяги. Нельзя требовать от него ответа на вопросы, клонящиеся к обвинению его самого или его близких. В вопросах веры недопустимо никакое принуждение. Содержание духовенства церковной десятиной или иным способом, не должно быть принудительным. Все процессы должны оканчиваться в течение определенного срока в судах сотенных и графских. Нельзя отказать подсудимому в праве представления залога. Процессы не могут быть растягиваемы на долгое время. Предварительное тюремное заключение должно быть краткосрочным. Право бедных на общинные земли следует защищать от всяких захватов и огораживаний. Рабские по своему источнику виды земельного владения, в их числе оброчное (копигольд) — отменяются.

Тюремщики не в праве требовать каких-либо платежей от заключенных. Суды не должны налагать на стороны никаких издержек, или платежей в свою пользу. Никто не может быть подвергаем тюремному заключению за долги, но заемщик отвечает всеми видами имущества перед кредитором.

Насильственный набор рекрутов отменяется. За каждым графством признается право иметь свою милицию: граждане время от времени выбирают лиц для заведывания ею. Все граждане равны перед законом и одинаково подлежат ответственности перед ним.

Внешняя торговля свободна для всех англичан. Монополия и патенты, исключительное право на торговлю оптом, акцизы и таможенные сборы отменяются. Все виды обложения сводятся к старинному способу взимания субсидий.

Английскою вольностью следует признать право подсудимого вычеркнуть из пред'явленного ему списка присяжных 35 имен без об'яснения причин и такое же число с указанием на причины, — только этим путем стороны могут добиться беспристрастия присяжных. Статуты, всякого рода правительственные акты и установленные практикой обычаи, несогласные с перечисленными вольностями, должны быть признаны недействительными.

Верховные советы, или парламенты Англии, бессильны уменьшить, или нарушить только что перечисленные конституционные основы.

(Взято из указ. работы М. М. Ковалевского).

5. Памфлеты и воззвания «истинных уравнителей».

а) Свет, сияющий в Бэкингэмшире, или раскрытие великой главной причины всякого рабства во всем мире и особенно в Англии, изложенное в форме декларации многих благонамеренных людей страны, ко всем бедным и угнетенным сельским жителям Англии и предназначенное также к сведению современной, предводительствуемой лордом Ферфаксом армии".

Восстань, господи, судити земле.
(5 декабря 1648).

Иегова Элогим сотворил человека по своему собственному подобию и образу, этот образ — его сын Иисус, образ невидимого бога. Человек создан по образу и подобию божию и сотворенный словом божьим. Слово стало плотью и вселилось в нас. И это слово было жизнью, а жизнь свет для человека. (10 ан. IV, I—V). Я признаю этот свет за тот совершенный дух в человеке, который мы называем разумом и совестью. От него и проистекает то золотое правило, или закон, который мы называем справедливостью, и заключается он, по словам Иисуса, в следующем: как вы хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними... Иаков называет это царским законом, а жить по нему есть справедливая совесть. Но человек, побуждаемый властолюбием, стал истребителем творений и захватчиком, не допускающим, чтобы другой пользовался теми же привилегиями, как и он сам, и стал загораживать все от своего брата. Вследствие этого вся земля, деревья, звери, рыбы, птицы и т. д. оказались в немногих корыстолюбивых руках, а все остальные обездолены и стали их рабами. Так что, если они срубят дерево для топлива, они должны нести наказание, если они охотятся за дичью, их сажают в тюрьму, ибо эта дичь принадлежит джентльмену, как они утверждают. Нельзя ни держать скота, ни построить дома, вся земля загорожена...

И все это рабство одних и тирания других произошли вначале из за убийства и жестокости друг против друга. Для того, чтобы укрепиться в своих подлостях против повелений божьих и против свободы и прав своих братьев— они всегда имели во главе своего начальника, который стал их королем.

. . . . . .

Заметьте, что король стал вашим богом на земле, подобно богу на небесах,—говорят законоведы... Но, друзья, что нам до этих бесполезных созданий тьмы? Последуем лучше совету Петра: „Достаточно того, что мы в прошлую нашу жизнь творили волю язычников, предаваясь похотям, невоздержанию в вине, веселию, пирам и отвратительному идолопоклонству. Да не получим мы печати зверя и проклятья, согласно откровению (XIV, 9—10), да не падет на нас, но воспротивимся могуществу зверя и последуем за агнцем, куда бы он ни пошел".

...„Всякая власть является таковою в силу выданного королем патента, а патент короля исходит от сатаны, ибо предшественник короля, незаконнорожденный иностранец Вильгельм, сделался королем благодаря насилию и убийству. Убийцы же, говорит Иисус, дети диавола: ибо, говорит он,

диавол человекоубийца был искони и не живет в истине. Короли насквозь проникнуты враждою к истине, они преследуют праведников, ибо Иисус говорит: они приведут вас пред лицо царей. Поэтому короли — враги царствия Христова.

Кому вообще нужен король?...

. . . . . .

Богатые люди взывают о короле для того, чтобы бедняк не требовал своего права, данного ему богом.

Коновалы законоведы взывают о короле, так как, если не будет короля, высшая власть перейдет к представителям народа, избранным на законном основании...

Всякие твари, лорды, бароны и т. д. взывают о короле, так как, если его не будет, их тираническая палата пэров погибнет и погибнут их гнилая слава, корпорации и все привилегии. Все их могущество происходит от короля, и если он будет низвергнут, будет низвергнута и их тирания.

„Честный человек, который добивается свободы, восстает против какой бы то ни было корысти или особых привилегий (как сказали бы сегодня), и для этой цели он желает общих прав и справедливости, которые, в частности, заключаются в следующем:

1. Каждый человек должен иметь справедливую долю в жизни, чтобы не быть принужденным просить, или воровать из за нужды и чтобы иметь возможность удобно жить.

2. Справедливый закон для каждого, чтобы следовать ему, и этот закон надлежит найти в писании.

3. Всех людей одинаково должно касаться правило, которое говорит: поступайте с другими так, как другой должен поступать с вами.

4. Управление должно состоять из судей, называемых старейшинами, людей богобоязненных и ненавидящих корыстолюбие; они должны избираться народом и должны решать все дела в каждом городе или деревне без каких бы то ни было дальнейших хлопот, или издержек.

В писании царство Израиля превосходный пример.

В Израиле, когда кто-нибудь был беден, для поддержки его употреблялись общественные запасы и средства пропитания. Для этой же цели могли бы у нас служить земли церковные, казенные и находящиеся под лесом, которые вероломный парламент раздаривает своим под лесом, которые членам и растрачивает на содержание бесполезного создания, именуемого королем. Через каждые семь лет в Израиле вся земля считалась принадлежащею всем бедным, сиротам, вдовам и иностранцам; кроме того, они из всякого урожая полу-

чали известную долю. Поймн же, бедный народ, что сделали для тебя левеллеры! О, зачем вы так безумны, чтобы превозносить короля! Это он, его двор и люди, получающие патенты, как, например, майоры Элдермоны и тому подобные твари, которые как обжоры истребляют то, чем должны были бы пользоваться вы, они понастроили позорные столбы и исправительные дома для того, чтобы поработить вас.

Богатые люди угнетают вас, говорит Паков, а между тем в этой справедливой республике не имеет нужды тот, кто имеет меньше всего.

(Настоящий памфлет и следующие взяты из труда Berens. Digger, Movement. London. 1906.).

б) „Новый закон справедливости, открывшийся для того, чтобы восстановить всю Вселенную от рабства и проклятия. Или проблеск нового неба и новой земли, где находится справедливость, призывающий к молчанию всех тех, кто говорит или проповедует по наслышке или по вымыслу".

26 Января 1649 г. . . . . .

Недавно, когда я был в состоянии видения, многие вещи представлялись моему взору, о которых не должно рассказывать здесь, и я услышал такие слова: — „Работайте вместе: вместе ешьте хлеб: об'явите об этом всему миру. Слышал я также такие слова: всякий, кто трудится над землей для одного или нескольких лиц, которые возвысились над другими, как лорды и правители, и которые не смотрят на себя, как на равных другим во вселенной — рука божия да будет над такими тружениками. Я, господь, сказал это, и это я сделаю, об'явите об этом по всему миру".

После того, как я поднялся, я постарался ясно вспомнить, что я видел и слышал, я открыл обо всем тем, которые были со мной. И я был преисполнен спокойствия и скрытой радости, и с того времени эти слова были подобны как бы плодородному семени, которое стало расти в моем сердце, и побуждало мою душу на то, чтобы об'явить об этом всему миру.

Во времена первого правления Адама бедные люди своим трудом дали возможность своим покупщикам и продавцам земли или богатым людям стать тиранами и притеснителями над ними, но во времена восстановления Израиля, которое теперь и начинается, когда король спра-

ведливости сам станет править в душе каждого человека, никто не должен ни работать за плату, ни сам давать плату, а каждый должен работать с любовью, работать друг с другом и для другого и сообща есть хлеб, будучи членами одного домоправления, Вселенной, в которой разум царствует во славу совершенства.

Никто не должен иметь земли больше, чем может обработать сам или с другими, с которыми работает в любви и согласии и сообща с ними ест хлеб, как один из колена Израилева, не давая платы и не получая ее.

Разделите Англию на три части, едва одна только часть ее возделывается трудом. Так что здесь достаточно земли для того, чтобы пропитать всех ее детей, и все же многие умирают от недостатка или всю свою жизнь проводят под тяжелым бременем нужды. Бедные люди навлекли на себя эти бедствия, увеличивая своими трудами частные барыши. Однако есть три двери надежды для Англии, через которые она может спастись от разрушительных бед. Во-первых, пусть каждый перестанет равняться с другими в знании и благосостоянии.

Надо сбросить покровительство науки, отвергнуть жадную и надменную плоть, вредящую всему, и избрать господа, как настоящего учителя каждого (человека) в его внутреннем опыте.

Во-вторых, пускай каждый откроет свои сумки и житницы, чтобы все могли питаться жатвой земли, чтобы бремя нищеты могло быть уничтожено.

Прекратите покупку и продажу земли и земных плодов и как то было первоначально сотворено в свете разума, так пускай будет теперь между всеми. Пусть будет общая сокровищница никем и нигде не огражденная и не закрытая и никто не скажет э т о м о е, ибо это мятеж и измена королю справедливости. Пусть все действуют сообразно словам господа: Р а б о т а й т е в м е с т е и в м е с т е в к у ш а й т е х л е б.

В-третьих, прекратите власть и господство одного над другим, ибо все человечество есть лишь одна живущая земля. Оставьте заточение, бичевание и убийства — все это действия проклятия.

Пускай те, которые до сих пор не имели земли и из за бедности были принуждены грабить и воровать — с этого времени спокойно владеют землей и обрабатывают ее. Пускай каждый наслаждается плодами рук своих и ест свой собственный хлеб, добытый в поте лица.

Ведь несомненно, что разделение на частную собственность, на мое и твое, довело людей до этого бедствия. Во-

первых, частная собственность была причиной того, что люди начали красть друг у друга. Во-вторых, она же заставила издавать законы, повелевающие вешать тех, которые украли. Частная собственность толкала людей на преступление, а затем убивала их за то, что они его совершили.

Пускай все подумают о том, не есть ли это великое зло.

Итак, если каждый постарается скорее выполнить эти три условия, о которых я упомянул, то все сотворенное восстанет от рабства и наш создатель прославится в деяниях рук своих.

(Berens. The Digger movement).

в) „Декларация бедного, угнетенного народа Англии. Обращается ко всем, называющими себя землевладельцами этой нации, ко всем, кто из страха перед жадностью намерен или уже начал сводить растущие на общественной земле и на пустошах леса и деревья". Март—Апрель 1649.

Мы, нижеподписавшиеся, заявляем от имени всех угнетенных Англиц вам, называющим себя хозяевами земли и хозяевами Англии, что царь справедливости, наш создатель, просветил наши сердца настолько, чтобы понять, что земля создана не нарочно для того, чтобы вы были ее хозяевами, а мы вашими рабами, слугами и нищими, но что земля создана для поддержания жизни всех вообще... И мы считаем доказательством его любви то, что наши сердца начинают освобождаться от рабского страха перед подобными вам людьми и что, наконец, мы чувствуем в себе решимость, основанную на внутреннем законе любви друг к другу, всюду в Англии перепахать и раскопать общественные земли и пустоши; речи же наши будут так безукоризненны, что ваших законов не хватит на то, чтобы подавить нас, если только вы со своими законами не захотите пролить невинную кровь, текущую в наших жилах...

...Если мы будем смирно лежать и позволим вам украсть наше право первородства, то мы погибнем, а если будем подавать петиции, то мы также погибнем, хотя так же, как и вы, ради свободы нации, платили налоги, предоставляли бесплатные квартиры и рисковали нашей жизнью. Поэтому, по праву договора с вами, мы должны иметь такую же часть земли, как и вы".

(Взято из книги Бернштейна „Социализм и демократия в ходе английской революции").

г) Сообщение в государственный совет.

Мне сообщают, что в воскресенье на прошлой неделе, некто Эверард, служивший когда-то в армии, но потом разжалованный, именующий себя пророком, Стьюер и Колтен и еще двое, все живущие в Кобгэме, прибыли к холму св. Георгия в Сэррей и начали копать склон горы около Кэмп Клоз и засеяли землю пастернаком, морковью и бобами. В следующий понедельник они были там опять, уже в большем числе людей, а на другой день, во вторник, они подожгли место, заросшее вереском, и выжгли, по крайней мере, сорок четвертей пустоши, что составляет большой вред для города. В прошлую пятницу они снова пришли, в количестве двадцати или тридцати человек и работали и копали весь день. Они намеревались тогда иметь два, или три плуга для работы, но не запаслись зерном для посева. Они приглашали всех присоединиться к ним и помочь им, обещая за это пищу, питье и одежду. Они угрожали снести и повалить на землю все плетни и ограды, и оставить все открытым и следили за тем, чтобы все было скоро посажено. Они об'явили, что через десять дней их будет четыре или пять тысяч и грозили окрестным жителям, что заставят их всех подняться на горы и работать. Они запрещали близко допускать их скот к своим насаждениям, грозя, в противном случае, отрезать им ноги.

Есть опасение, что они что-то замышляют.

Генри Сандерс.

16 апреля 1649 г.

(The Clarke Papers, vol. II).

д) „Воззвание ко всем англичанам сделать выбор между рабством и свободой. Выпущено теми, кто начал вскапывать землю на холме святого Георгия в Серрей, а теперь продолжают общественные работы на небольшой пустоши, в приходе Кобгэм, неподалеку от холма св. Георгия. Из какового воззвания явствует, что работа „диггеров“ (копателей) находит себе опору не только в Писании, но также и в законах английской республики“.

...Смотрите, смотрите все англичане, земля Англии теперь ваше свободное наследство: всякое вмешательство короля и лордов отвергнуто нашей армией и парламентом.

Норманская власть разбита на поле сражения и голова ее снесена. И завоевание, которое царило над нами в лице короля и палаты лордов, в течение минувших 600 лет, устранено теперь мечем армии, актами и законами парламента и договорами республики...

...Теперь смотрите, все англичане, в силу указанных двух законов, а также договора—держатели свободны от повиновения своим лордам маноров (помещикам) и весь бедный люд может воздвигать постройки и засевать общинные земли, а лорды маноров нарушают закон страны и являются защитниками королевской и лордовской норманской власти, когда препятствуют или стремятся силой устранить их от завоевания общинных земель. И лорды маноров не могут уже ни побуждать своих держателей — являться в их баронские суды, ни исполнять обязанности присяжных, ни брать с них клятву в верности, ни взимать с них штрафы, налоги, наследственную ренту, ни покоряться им, как это было раньше, когда короли и лорды еще были у власти. И если держатели восстанут, чтобы поддержать свою свободу против угнетателей власти лордов, то они не навлекут на себя наказания, а будут находиться под защитой законов и договоров страны . . . . . Поэтому, вы, англичане, все равно, арендаторы или сельско-хозяйственные рабочие, не позволяйте наложить на себя новое рабское ярмо теперь, когда от вас зависит быть свободными, если только вы захотите поддержать свободу. Ибо армия добыла для вас свободу. Парламент заявил себя сторонником вашей свободы. Все законы республики должны оказывать вам покровительство. И с вашей стороны не должно быть только недостатка в смелости и решимости провести в жизнь эти законы и завладеть своей собственной землей, которую норманская власть у вас отняла и в течение 600 лет не отдавала вам и которую вы теперь выхватываете из рук...

Это воззвание вместе с тем является поздравлением и одобрением нашим милым английским землякам в Веллингборо, Нортгамптонгшире и Кокохалле, в графстве Кент, которые вспахали тамошнюю общинную землю и таким образом воспользовались своей свободой. Мы ждем, что цепи рабского страха распадутся, освободят сердца в других графствах, пока, наконец, вся страна исполнится сознания справедливости восстановлений власти, которая исходит от самого Христа, семени Авраамова и будет распространяться, пока не сделается радостью всех наций.

(Berens The Digger movement).

е) „Декларация благонамеренных графства Бекингэмшир от среднего состояния людей из трех Чильтернских сотен — Дисборо, Барном и Сток и части Эльбери сотни—с изложением, почему они об'являют о своих решениях и намерениях, касающихся устранения их обид". 10 мая 1649 г.

...Находя, что „гранды" армии чинят препятствия честному воинству, выступающему за полную свободу, отправляют в тюрьму и предают смерти тех, кто стоит за истинные принципы права и равенства, и эти почтенные люди подвергаются преследованиям со стороны надменных командиров за принадлежность к левеллерам... мы об'являем о наших намерениях, дабы мир был осведомлен о наших принципах, каковые суть общее правило и свобода.

И посему:

1. Мы протестуем против всех произвольных судилищ, судебных сессий, юристов, присвайвателей, лордов манора (помещиков), против патентов, привилегий, таможенных пошлин, податей, против монополистов, барышников, наддателей и т. д., а также против всяких других корыстных партий, чья власть является произвольной — и чтобы не позволять и не допустить порабощения со стороны какой-либо из этих партий, мы должны, по возможности, в полном согласии с законом, сопротивляться их произвольным деяниям.

2. Мы протестуем против всей норманской власти, ибо слишком невыносимо терпеть дольше такое бремя.

3. Мы протестуем против уплаты десятин, податей, пошлин и т. д.

4. Мы протестуем против всякой явки на Вестминстерские судебные сессии и против того, чтобы давать какие бы то ни было деньги адвокатам и будем добиваться того, чтобы все наши тяжбы разрешались 2, 3 или 12 людьми из нашей округи, как это было до норманского завоевания.

5. Мы протестуем против применения военных судов, как произвольных тиранических и нечестивых, пусть свободный народ не терпит их в мирные времена.

6. Мы должны сказать помощь и поддержку беднякам, чтобы они отвоевали все свои права и то, что им полагается, все то, что принадлежало им, но было отнято у них тираном, кто бы он ни был.

7. Подобным же образом и в дальнейшем мы будем помогать названным беднякам возделывать землю, раскапы-

вать и т. д. так называемые общинные земли, продавать лес, растущий на них, делать запасы и т. д.

8. Все те благонамеренные люди, которые соединились в общину, чтобы следовать по божьему пути и желают возделывать, вскапывать и засевать пустоши и общинные земли, должны встречать с нашей стороны не беспокойства или обиды, а скорее поощрение им.

Мы желаем следовать золотому правилу равенства, а именно — делать всем людям то, что мы хотели бы, чтобы они делали нам и ничего другого, и раз мы не станем ни над кем тиранствовать, то мы и сами не допустим того, чтобы сделаться рабом кого бы то ни было.

(Berens, указ. соч.).

ж) Из ремонстрации диггеров к Кромвелю.

Господь наделил вас властью, равной которой не было со времен Моисея. Он сделал вас главой народа, только что сбросившего с себя ярмо фараоново. Вы послужили орудием в руках божиих для низвержения норманского ига, отнявшего у наших предков свободное пользование землею; что остается вам сделать, как не позаботиться о том, чтобы свободное владение землею было возвращено в руки угнетенных общин Англии? Ваши так называемые победы не раньше будут увенчаны „короною чести“, как после того, как лица, жертвовавшие жизнью и состоянием в общем с вами деле, получат доступ к земле и добытой вами свободе. Победа над завоевателем досталась общими усилиями коммонеров [1]. Справедливость требует поэтому, чтобы все они были освобождены от ига. И теперь, когда власть над землею в ваших руках, вам не остается иного выбора, как или об'явить землю свободною для всех участников в борьбе и победе, или принести право собственности на нее из рук короля в другие руки. Но в этом последнем случае слава, какую вы снискали себе вашей мудростью, поблекнет навсегда и честь ваша будет запятнана. Наше желание состоит в том, чтобы земли, почитаемые принадлежностью государства, эти старинные общие земли и пустоши всего английского народа, а также все недавние приращения, к ним сделанные, как то: конфискованные у короля парки и лесные угодья, — об'явлены были свободными для занятия

[1] Коммонер — член палаты общин.

всех и каждого, кто содействовал вам в ваших победах и готов подчиниться установленному вами правительству.

(Взято из указ. книги
М. М. Ковалевского, т. II.).

3) Из письма диггеров к генералу Ферфаксу. (13 июня 1649 г.).

Мы не будем бороться с вами ни мечом, ни копьем, но лопатой и плугом, с помощью которых мы сделаем плодоносными пустоши и лежащую без обработки землю общин... Цель, с которою мы пишем к вам,— не та, чтобы снискать себе вашу милость: мы в праве иметь покровителем одного только бога. Мир не мало пострадал с тех пор, как народ израильский избрал Саула первым царем. Мы об'являем вам поэтому на добром английском языке, что мы одного бога избрали себе в короли и заступники. Мы хотим, найти себе пропитание путем обработки общинных земель, доселе лежавших без пользы, в праве возделывать их — наша свобода — свобода англичан... Если старшие братья, называют загороди своею землей, то почему же мы, их младшие братья, не можем считать своими общинные пустоши. Когда вам угодно было посетить нас, мы сказали вам, что не противимся тем, кто хочет иметь законы и правительство, но что сами мы не нуждаемся ни в том ни в другом. Подобно тому, как земля у нас должна быть общей, так точно общим всем нам должен быть и скот для обработки и все плоды земные. Ничто подобное не должно быть предметом купли-продажи, так как всего этого мы можем иметь достаточно для удовлетворения наших нужд. А если так, то к чему нам частные присвоения и обманы, и может ли явиться для нас необходимость в лишении кого бы то ни было свободы в отмщение за такие присвоения. Какая нам нужда поэтому в законах, предписывающих сечение, заточение в тюрьму и повешение. Сохраняйте ваших правителей и призывайте нас даже к ответственности перед ними в случае присвоения нами вашего скота и хлеба, или разрушения ваших загородей, но предоставьте нам свободу от подчинения властям в пределах наших собственных владений. Предупреждаем вас, что мы не сочтем нужным скрывать под затворами ни хлеба, ни скота: все, что мы имеем, будет предоставлено в полное распоряжение всем. Пусть ваши юристы и богословы зададутся вопросом о том, не в праве ли мы считать своими общинные земли англий-

ского народа, отнятые у него норманским завоеванием и установленными им помещиками. Мы предоставляем им решить вопрос: создана ли земля для того, чтобы быть общим достоянием и источником существования для всех, или нет, а также—не является ли явным нарушением народного договора признавать свободу только за двумя классами лиц: за духовенством и джентри, обеспечивать первым — получение церковной десятины, а вторым — земельной ренты, и оставлять в то же время простой народ в положении близком к тому, какое он занимает в Турции или Франции, где, как и у нас, трудящийся люд обязан довольствоваться одною заработной платой...

(Ковалевский, указ. соч., т. II.).

и) „Новогодний подарок парламенту и армии". Джерарда Уинстэнли, человека, любящего свободу и мир Англии.

(1650 г.).

Отчет о наиболее значительных насилиях, которым подвергались диггеры с 1 апреля 1649 г., т.-е. с первого дня, когда они начали вскапывать и вступили во владение на пользу бедных общинными землями на холме Георгия в Серрей.

1. Сначала несколько человек копателей, в качестве арестованных были привезены в Вальтонскую церковь, где некоторые из них были избиты озлобленными священниками и грубой толпой: спустя некоторое время судья освободил их.

2. Более чем сто человек грубых людей, которыми предводительствовал Джон Тэйлор, схватили их, при чем у них отняли их лопаты, которые частью бесследно исчезли. Их отправили в Вальтонскую тюрьму, а затем к судье в Кингстон, который их тотчас же отпустил.

3. Враг разрушил дом, который копатели построили на Сент-Джорж-Гилле и сломал их лопаты, кирки...

4. Два отряда конницы присланы были генералом, чтобы представить нас в военный совет для снятия показаний о нашем копании.

5. У нас разрушили другой дом и сломали несколько лопат.

6. Одного диггера ранили в голову, одного мальчика избили, а платье его отобрали.

7. Нам сломали повозку с колесами и ударили лошадь топором в спину, когда мы везли воз дерева с общинной земли Стока, чтобы построить дом на Сент-Джорж-Гилле.

8. Несколько диггеров были избиты на холме Вильямом Стор и Джоном Тэйлором и мужчинами в женском платье, при чем раны были настолько серьезны, что некоторых доставили домой на повозке.

9. И еще один дом был разрушен у нас, а дерево отвезено в Вальтон на повозке.

10. Они арестовали некоторых у нас, других же засадили в тюрьму, отнимали имущество...

11. И много раз они совершенно портили нам хлеб, ибо враг был так безумен, что совершенно перерывал землю, чтобы только на ней не росло хлеба.

12. И еще повозка вместе с колесами была разломана на куски, а некоторые из наших инструментов были взяты у нас силою и мы их обратно не получили.

13. Несколько диггеров было избито джентльменами в присутствии шерифа; впоследствии 5 из них были увезены в тюрьму Белого льва, продержали там около 5 недель и затем отпустили.

14. Шериф вместе с лордом манора и солдатами, находившимися здесь, понудили двух или трех бедняков разрушить другой дом, при чем были украдены у них некоторые вещи.

15. В ближайший день два солдата и два или три сельских жителя, посланные Парсоном Платтом, разрушили дом и вынудили одного бедного старика вместе с женой провести холодную ночь на открытом воздухе.

(Berens, указ. соч.).

к) Из декларации диггеров, обращенной к членам тайного совета в 1653 г.

Приходский священник Плят и многие другие, довели до вашего сведения, что мы — мятежники, не желаем подчиняться власти местных судей, укрепились в наших жилищах и приготовились к вооруженному сопротивлению, что мы — тайные приверженцы Стюартов и выжидаем только удобного случая, чтобы произвести реставрацию. Доверившись им, вы послали против нас войска. Но все, что было донесено вам, явная неправда: мы мирные граждане, не противимся врагам силою, но молим бога о том, чтобы он умягчил их сердца и дал нам возможность завоевать их любовью. Англия не может быть свободной, пока коммонеры не приобретут доступа к земле. Иначе наше положение будет хуже того, какое составляло наш удел при королях, и иго норманское останется в руках лендлордов. Пустых, никем не возделываемых полей достаточно для наделения

землею всех нуждающихся в ней. Пока нам отказывают в земле, вам поневоле приходится облагать ваши имения налогом в пользу нищих, но многие слишком горды для того, чтобы пользоваться милостыней и предпочитают акты явного насилья необходимости существовать на счет общественной благотворительности. Наделите нас землею, — и в стране не окажется ни одного нищего, ни одного лентяя. Англия в состоянии будет пропитать сама себя. Не служит ли позором тот факт, что, при обилии никем не возделанных земель, многие умирают с голоду.

(М. М. Ковалевский, указ. ст., т. II.).

6. Из речи Оливера Кромвеля в палате общин.

(4 сентября 1654 г.).

Дженльтмены! Вы собраны при столь величайших обстоятельствах, каких, я полагаю, еще никогда не видела Англия, ибо на ваших плечах интересы трех великих наций с территориями, им принадлежащими. И я могу сказать без преувеличения, на ваших плечах интересы всех христиан в мире... Как бы то ни было, но, мне кажется, более, чем необходимо поставить вас в известность, насколько только я могу, о том положении, в каком находилась эта нация, или вернее эти нации, когда настоящее правительство было создано... Каково же было наше положение? ...Дворянин, дженльтмен, юмен — вот где благой и великий интерес нации! А разве не попирался этот интерес с яростью и презрением ногами уравнителей? Я спрашиваю вас... разве уравнительные принципы не направлены были к тому, чтобы свести все к равенству? Сознательно, или бессознательно, разве не применялись они к собственности и имуществу? И при всех этих обстоятельствах, к чему приводили эти старания, как не к тому, чтобы сделать арендатора столь же свободным в распоряжении имуществом, как и лендлорда? Но хотя бы они и успели в этом, подобное положение дел не могло быть продолжительно; совершив свое дело, эти же самые люди стали бы, в свою очередь, прославлять и защищать собственность и имущество, а между тем произвели бы много зла своими принципами, потому что тут есть слова, которые приятны всем бедным людям, но по душе также и всем негодяям... Низвергать, низвергать и низвергать — вот все, что было в умах и сердцах людей...

(Oliver Cromwell's Letters and Speeches. vol. IV. London 1871).

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

Борьба за новый политический строй в Англии в XVII веке.

1. Петиция о праве.

1628 г.

(С сокращениями).

Петиция, представленная его величеству духовными и светскими лордами и общинами, собравшимися в настоящем парламенте, относительно различных прав и вольностей его подданных, вместе с ответом, данным на нее его величеством королем в полном собрании парламента.

Его королевскому пресветлому величеству.

1. Духовные и светские лорды и общины, собравшиеся в парламенте, всеподданнейше представляют нашему верховному государю королю нижеследующее. Так как статутом, изданным в царствование короля Эдуарда I. . . . .

. . . . . .

об'явлено и узаконено, что никакие подати или сборы не будут налагаемы или взимаемы в этом королевстве королем или его наследниками без доброй воли и согласия архиепископов, епископов, графов, баронов, рыцарей, горожан и других свободных людей из общин этого королевства; и властью парламента, созванного на двадцать пятом году царствования короля Эдуарда III, об'явлено и узаконено, что на будущее время никто не должен быть принуждаем против своей воли давать взаймы деньги королю, ибо такие займы были противны справедливости и вольностям страны; и другими законами этого королевства постановлено, что ни на кого не должны быть налагаемы повинности или налоги, именуемые доброхотным приношением, или подобные им сборы; и, в силу вышеупомянутых статутов и других добрых законов и статутов этого королевства, ваши подданные унаследовали ту свободу, что они не могут быть принуждаемы платить какой-либо налог, подать, сбор, или другую подобную повинность, не установленную общим согласием в парламенте.

2. Но тем не менее в недавнее время были изданы различные предписания, обращенные к комиссарам во многих графствах с инструкциями, в силу которых ваш народ был собираем в различных местностях и побуждаем ссудить

известные суммы денег вашему величеству, и некоторые, после отказа их сделать это, были приводимы к присяге, вопреки законам и статутам этого королевства, и были принуждаемы являться к допросу в ваш тайный совет и в иные места, и другие были по той же причине задерживаемы и заключаемы в тюрьму и стесняемы и беспокоимы разными другими способами; и различные другие сборы были налагаемы и взимаемы с вашего народа во многих графствах лордами-наместниками, наместническими депутатами, комиссарами по смотрам, мировыми судьями и другими, по повелению или указанию вашего величества или вашего тайного совета, противно законам и вольным обычаям королевства.

3. Так как равным образом статутом, называемым „Великая Хартия вольностей Англии", об'явлено и узаконено, что ни один свободный человек не может быть схвачен, заключен в тюрьму, лишен своей земли или вольностей, поставлен вне закона, изгнан или утеснен каким-либо иным образом, иначе, как по законному приговору равных ему или по закону страны.

4. И на двацать восьмом году царствования короля Эдуарда III было об'явлено и узаконено властью парламента, что ни один человек, какого бы звания и состояния он ни был, не может быть лишен земли, принадлежащей ему на правах собственности или пользования, схвачен, заключен в тюрьму, ни лишен наследства или предан смерти, не будучи привлечен к ответственности в законном порядке судопроизводства.

5. Но тем не менее, вопреки смыслу означенных статутов и других добрых законов и статутов вашего королевства, изданных на тот же предмет, многие из ваших подданных в недавнее время были заключены в тюрьму без указания какой-либо причины, и когда для освобождения их они были приводимы к вашим судьям по указам вашего величества о Хабеас Корпус, чтобы поступить с ним согласно распоряжению суда, тюремщики, на приказ обозначить причину задержания, не указывали никакой причины, кроме той, что лица эти содержались под стражей по особому повелению вашего величества, удостоверенному лордами вашего тайного совета, и, несмотря на это, они были препровождаемы в различные тюрьмы, хотя против них не было выставлено никакого обвинения, на которое они могли бы отвечать согласно закону.

6. Так как в последнее время значительные отряды солдат и матросов были расставлены в различных графствах королевства и обыватели были принуждаемы против своей воли принимать их в свои дома и давать им поме-

щение вопреки законам и обычаям этого короловства и к великому неудовольствию и отягощению народа.

10. Вследствие сего духовные и светские лорды и общины всеподданнейше просят ваше пресветлое величество, чтобы впредь никто не был принуждаем платить или давать что-либо в виде дара, ссуды, принопления, налога или какого-либо иного подобного сбора без общего согласия, данного актом парламента; и чтобы никто не был призываем к ответу, приводим к присяге, понуждаем к службе, задерживаем, или иным образом стесняем, или беспокоим по поводу этих сборов или отказа платить их; чтобы ни один свободный человек не был заключаем в тюрьму или содержим под стражей так, как упомянуто выше; чтобы ваше величество соблаговолили удалить солдат и матросов, о которых было сказано выше, и чтобы ваш народ на будущее время не был отягощаем таким образом; чтобы вышеозначенные уполномочия для производства по законам военного времени были отменены и уничтожены на будущее время, никакие подобного рода уполномочия не выдавались какому-либо лицу или лицам, дабы под предлогом их подданные вашего величества не предавались смерти противно законам и вольностям страны.

11. Обо всем этом они всеподданнейше ходатайствуют пред вашим пресветлым величеством, как о своих правах и вольностях, согласных с законами и статутами этого королевства, и просят кроме того, чтобы ваше величество соблаговолили об'явить, что решения, действия и меры, состоявшиеся в ущерб народу в каком-либо из означенных пунктов, не могут иметь последствий для будущего или служить впредь примерами, — и чтобы ваше величество всемилостивейше сопзволили, для вящшаго удовлетворения и успокоения народа, об'явить вашу королевскую волю и желание, чтобы в вышеозначенных делах все ваши чиновники и должностные лица служили вам согласно с законами и статутами этого королевства, как этого требует слава вашего величества и благоденствие этого государства.

(Хрестоматия по новой истории Ардашева).

2. Пени, наложенные в пользу казны с 1629 по 1640 г.

		Ф. стерл.
1.	Ричард Чамберс, за отказ в платеже таможенных пошлин, на взимание которых не было из'явлено согласия парламента, был присужден к уплате пени в	2.000

		Ф. стерл
2.	Гиллиард, за продажу селитры	5.000
3.	Гудиоф, за то же самое	1.000
4.	Сэр Джон Мэльверер, за то, что не хотел согласиться с королевскими комиссарами насчет титула	2.000
5.	Граф Сэльбери, за нарушение прав королевских лесов	20.000
6.	Граф Уэстморленд тоже	19.000
7.	Лорд Ньюпорт, тоже	3.000
8.	Сэр Кристоф Гаттон, тоже	12.000
9.	Сэр Льюис Уатсон, тоже	4.000
10.	Сэр Антони Копер, за обращение хлебных полей в луга	4.000
11.	Александр Лейтон, за пасквиль	10.000
12.	Генрих Шерфильд, за то, что разбил несколько расписных оконных стекол в церкви сэльсберийской	500
13.	Джон Оверман и многие другие мыльные фабриканты, за нарушение королевских повелений по предмету производства и продажи мыла	13.000
14.	Джон Ри	2.000
15.	Петр Герн и многие другие, за вывоз золота .	8.100
16.	Сэр Дэви Фулис с сыном, за непочтительные речи в северном суде	5.500
17.	Прейнн за пасквиль	4.000
18.	Бакнер, цензор, за позволение книги Прейнна	50
19.	Мичель Спаркс, типографщик, за напечатание той же книги	500
20.	Аллисон и Робинс, за дурные речи насчет архиепископа Лода	2.000
21.	Баствик, за пасквиль	1.000
22.	Прейнн, Бортон и Баствик, за пасквили . . .	15.000
23.	Слуга Прейнна, за то же	1.000
24.	Бойрр, за речи против Лода	3.000
25.	Юменс и Рейт, за дурную окраску шелковых материй	5.000
26.	Сэведж, Уэльдан и Боргон, за дурные речи против лорда Фокленда, лорда-наместника Ирландии	3.500
27.	Гренвиль, за дурные речи о графе Соффольке .	4.000
28.	Фэверс, тоже	1.000
29.	Морлей, за то, что оскорбил и ударил сэра Джорджа Теобальда в стенах дворца	1.000
30.	Уилльямс, епископ Линкольнский, за дурные речи о Лоде.	10.000

		Ф. стерл.
31.	Бернард, за то, что проповедывал против употребления распятий	1.000
32.	Смарт, за то, что проповедывал против церковных нововведений доктора Козенса, и т. д. . .	500
	Итого.	164.650

(Гизо. История английской революции, Приложения).

3. Отмена патентов, привилегий и монополий, пожалованных короной (15 апреля 1639 г.).

Так как разные пожалования, разрешения, привилегии и патенты были получены от его величества... которые впоследствии на опыте оказались предосудительными и неподходящими для его народа, вопреки милостивого намерения его величества при жаловании таковых, так как на основании подобных внушений были получены от его величества, лордов и др. членов тайного совета разные полномочия и письма о содействии для выполнения этих пожалований, разрешений, привиллегий и патентов, согласно благому намерению и желанию его величества в этом.

Так как его превосходительнейшее величество (чей царственный слух и предусмотрительность всегда направлены к общественному благу своего народа) теперь усматривает, что нижепоименованные специальные пожалования, разрешения и патенты были найдены впоследствии не соответствующими тем основаниям и причинам, ради которых они были дарованы, и в их выполнении были открыты злоупотребления, то его величество благоволит по своей милости и расположению к своим любимым подданным своей королевской властью обнародовать и провозгласить, что различные нижепоименованные патенты и разрешения, независимо от того, имеется-ли на них большая печать, малая печать, собственноручная подпись, или одно из таковых, считать впредь совершенно недействительными, отмененными и в силу этого окончательно упраздненными, а именно:

...Патент на сбор взысканий с виновных в вырубке лесов для железных заводов.

Разрешение на перевозку баранов и ягнят.

Патент на преследование лиц, обязавшихся не готовить кушаний из дичины, фазанов и куропаток в постоялых дворах, питейных домах, гостиницах и тавернах.

Патент на винные бочки.

Патент на пивоварение.

Разрешение на право доставки миног.

И его величество, в равной милости и снисхождении к своим подданным, изволили далее об'явить свое королевское желание и волю, что нижеупомянутые особые пожалования, (полученные от него по ложным представлениям, к общественному вреду), имеющие на себе его величества большую печать, малую печать, собственноручную подпись или одно из них, отныне не будут приводиться в исполнение, а именно:

Дозволение взвешивать сено и солому в Лондоне и Вестминстере и на 3 милях вокруг.

Разрешение клеймить копченые сельди.

Разрешение клеймить железо, выделанное в этой стране.

Разрешение клеймить плетеные кружева.

Разрешение выделывать и клеймить бочки для масла.

Привилегии, касающиеся кальп и водорослей.

Разрешение клеймить полотняные материи.

Разрешение собирать тряпки.

Разрешение на добывание и клеймение заграничного хмеля.

Разрешение клеймить пуговицы.

Все разрешения на сбор штрафов, взысканий и конфискаций, выданные до суда, или до об'явления о нем на основании публичных писем, малой печати, собственноручной подписи или т. п.

Все патенты на новые изобретения, не получившие практического применения в продолжение 3 лет со дня выдачи данного пожалования.

И разные пожалования на образование корпораций:

Мастеров по изготовлению шляпных лент.

Мастеров по изготовлению струн.

Оптиков.

Мастеров по изготовлению гребешков.

Мастеров по изготовлению табачных трубок.

Мясников и роговщиков.

И его величество точно предписывает и повелевает, чтобы все отдельные лица, получившие патент и пожалование, или другие лица . . . . . .

. . . . . .

не осмелились в какое-либо время впоследствии использовать или привести в исполнение какое-либо из названных пожалований, патентов и разрешений . . . . . .

под страхом гнева его величества, и чтоб их преследовали судом, как нарушителей королевских приказов его величе-

ства, о чем он потребует точного отчета. Дано в нашей усадьбе в Норке 9-го апреля в 15 год нашего царствования, 1639.

(English economic history. Select documents).

4. Великая Ремонстрация.

(в отрывках).

[Представлена королю вместе с петицией 1 декабря 1641 года.

Общины, собравшиеся в настоящем парламенте, проникнутые очень серьезными и добросовестными чувствами и усердием к общественному благу королевства, чести его величества и службе, в течение 12 месяцев старались побороть с великими опасностями и тревогами угнетающую нищету и бедствия, разного рода волнения и смуты, которые не только обрушились, но даже подавили и истребили свободу, мир, благосостояние королевства, утешение и надежды всех добрых подданных его величества и чрезвычайно ослабили и подорвали основание и крепость его собственного королевского трона и пробуждают возрастающую злонамеренность и противодействие в рядах тех партий и фракций, которые были причиною всех этих зол и все еще стараются оклеветать то, что уже сделано и создать еще большие затруднения для противодействия тому, что еще остается невыполненным и разжигать разногласие между королем и парламентом и, таким образом, они могут лишить его и его народ результатов его собственных милостивых намерений и их смиренных желаний — обеспечить общественный мир, безопасность и счастье королевства.

Для предотвращения тех жалких последствий, которые могут породить столь злокозненные усилия, мы признали за благо об'явить — о корне и развитии этих несчастных замыслов; о зрелости и расцвете, каких они достигли до созыва парламента; о реальных способах, какие были применены для потребления этих опасных бед и успеха, который был достигнут добротой его величества и мудростью парламента; о путях противодействия и оппозиции, благодаря которым этот успех был расстроен; о мерах, предпринятых для устранения этих препятствий и для осуществления наших, преисполненных долга и совести, намерений и стараний — восстановить и утвердить старинную честь, величие и безопасность короны и нации.

Корень всех этих несчастий мы усматриваем в злокозненном и гибельном намерении подорвать основные законы и принципы правления, на которых прочно покоились религия и суд королевства. Виновниками и вдохновителями их были:

1. Иезуитские паписты, ненавидящие законы, как препятствия к той перемене и искажению религий, каких они так долго добиваются.

2. Епископы и испорченная часть клира, которые поддерживали обрядности и суеверия, как естественные последствия и более надежную опору их собственной церковной тирании и узурпации.

3. Те советники и придворные, которые из личных побуждений взялись содействовать интересам некоторых иностранных принцев и государств — к погибели его величества и своего собственного государства. В этой смешанной партии иезуитские советы, как наиболее деятельные и преобладающие, могут быть легко раскрыты, благодаря величайшему розмаху всех их замыслов, и если бы им не препятствовали, они могли бы поглотить остальных или придать им свою собственную природу.

В начале царствования его величества, партия начала оживать и процветать снова, потерпевши некоторый ущерб вследствие разрыва с Испанией, в последний год правления короля Иакова и вследствие брачного союза его величества с Францией; интересы и советы этого государства не столь противоречили благу религии и преуспеянию королевства, чем таковые Испании и паписты Англии, всегда расположенные более к Испании чем к Франции, они все еще не оставляли намерения и решения ослабить протестантские партии во всем мире, и даже во Франции, и тем самым проложить путь к переменам в религии, на которые они рассчитывали у себя дома.

1. Первым последствием и доказательством их возрождения и силы был роспуск парламента в Оксфорде, после того как были даны две субсидии его величеству. И раньше чем они оказали удовлетворение хотя бы одной жалобе, возникли многие другие, более несчастные, последствия.

2. Потеря флота в Рошеле — при содействии наших судов, поставило нас во враждебное отношение к французам, вопреки советам парламента, так как этот город остался беззащитным со стороны моря, и это привело не только к потере этого важного пункта, но также и к утрате сил и опоры протестантской религии во Франции.

3. Поворот военной политики его величества от Вест-Индии, которая была в высшей степени легким и надеж-

лым способом для королевства одолеть испанцев, к разорительным и безуспешным операциям у Кадикса, которые производились таким образом, как будто нарочно хотели ослабить нас войной, а не обогатиться в ней.

7. Роспуск парламента во второй год правления его величества, после декларации об их готовности пожаловать пять субсидий. (Ст. 8—9 о насильственных поборах).

10. Несправедливая и гибельная попытка исторгнуть крупные платежи у подданных посредством наложения акциза и для этой цели был издан патент за печатью.

11. Петиция о праве, которая была признана в присутствии всего парламента, искажена незаконной декларацией, делающей ее вредной для ее самой, для власти парламента, для свободы подданных и напечатанная с этою целью вместе с ней петиция не нашла себе применения, кроме разве того, что доказала дерзкую и надменную несправедливость тех министров, которые жаждали нарушать законы и подавлять вольности королевства после того, как они столь торжественно и убедительно были провозглашены.

(Статьи 12—17 трактуют об актах насилия и нарушения личной неприкосновенности как членов парламента, так и остальных подданных).

18. Боченочный и фунтовый сбор взимался без видимости или претензии на закон, и многие другие тяжкие взыскания продолжались вопреки закону, при чем некоторые из них настолько неразумны, что сумма платежей превышала ценность товаров.

19. Нормы цен в последнее время были подняты до высокого уровня, а те купцы, которые не хотели подчиниться их беззаконным и бессмысленным нормам, принуждались и притеснялись свыше меры, обычный же порядок суда, это прирожденное право подданных Англии, был полностью для них закрыт.

20. И хотя все это было предпринято под предлогом охраны морей, было введено еще и новое неслыханное взыскание корабельных денег и под тем же самым предлогом, — и хотя в результате того и другого подданные были обложены суммою около 700.000 ф. ст. в год, купцы настолько оказались беззащитны при нападении турецких пиратов, что много больших кораблей с ценным грузом и тысячи подданных его величества были захвачены в плен и до сих пор еще пребывают в несчастном рабстве. (Ст. 21—24 указывают на различные злоупотребления в пользовании лесами, взыскании платежей, продаже пороха).

25. Всеобщее расхищение королевского строевого леса, особенно в проданных папистам деканских лесах, ко-

торые были лучшими складами в королевстве для нужд нашего судоходства.

26. Отнятие у населения прав под видом королевского титула на земли, отмеченные знаками высокой и низкой воды (заливные пространства).

27. Монополии на мыло, соль, вино, кожу, морской уголь и, в одинаковой степени, на все предметы первой необходимости.

28. Подавление вольностей подданных в отношении их жилищ, торговли и других интересов. (Ст. 29—30—злоупотребления чиновников в отношении торговли и права застройки в Лондоне и его окрестностях).

31. Превращение пахотных земель в пастбища, сохранение пастбищ, — известное под именем обезлюдения, опустошило карманы подданных на много миллионов без особой выгоды для его величества.

32. Обширные пространства общинных и других земель были отобраны у подданных якобы на основании статута об улучшениях, без их согласия и вопреки ему. (Ст. 33—40 трактуют о различных судебных правонарушениях).

41. Выдвинуты были незаконно новые судилища. Канцелярский стол своими приказами стремился ограничить подданных в распоряжение их фригольдами (свободными держаниями), поместьями, в их исках и сделках. (Ст. 42—43—произвол судебных учреждений).

44. Состояния многих семейств были подорваны, а некоторые вовсе разорены вследствие исключительных поборов, взимавшихся с них в качестве опекунских платежей.

45. Все аренды на срок свыше 100 лет подвергались опеке вопреки закону. (Ст. 46—48 — о правонарушениях власти в отношении различных взысканий и штрафов).

49. Были дарованы патенты на расследование злоупотребления по феодальным платежам, и когда обнаруживались чрезмерные взимания, на деликвентов налагались штрафы не только за прошлое время, но как бы в качестве гарантий против нарушений и за будущие времена, что, сохраняя видимость предупредительной меры, только увеличивало и усиливало страдания подданных. (Ст. 50—53—насилия шерифов и епископских судов).

54. И настолько все это приводило в отчаяние и запугивало иных, что большое количество людей во избежание нищеты выехало из королевства, некоторые в Новую Англию и другие части Америки, а другие в Голландию.

55. Туда же они перенесли и свои суконные фабрики, и это было не только убыточно вследствие уменьшения наличного капитала в королевстве, но являлось и большим

бедствием, так как ухудшало и подвергало риску в особенности торговлю сукном, которая была обильным источником богатства и чести нации. (Ст. 56—82—о происках „папистов“ в отношении религии, парламента, о деспотических деяниях Страффорда).

83. Принудительный денежный заем был предпринят в Сити Лондона.

84. Лорд мэр и эльдермены различных кварталов получили предписание составить список тех лиц, каких, по их мнению, надлежит подвергнуть займу, а также определить и суммы, какие они должны ссудить. Тех же эльдерменов, которые отказались выполнить это, приказано было заключить в тюрьму. (Ст. 85—106 — детальная характеристика политики правительства—в беспарламентный период).

107. Хозяйство короля нуждалось в поддержке, ибо они довели его до такого недостатка, что он не мог покрыть своих обыкновенных и необходимых издержек без поддержки со стороны народа.

110. Затруднения казались невыносимыми, но, по божьему провидению, мы их преодолели; несообразные крайности мы в значительной мере сгладили.

111. Было дано шесть субсидий и кроме того издан билль о подушном налоге, каковой, в случае если бы он был собран, равнялся бы сумме, превышающей шесть субсидий, — около 600.000 фунт. ст.

113. Корабельный сбор был уничтожен, а он определен королевству около 200.000 ежегодно.

114. Обмундировочный и сторожевой сбор и другие военные повинности были отменены, а это во многих графствах составляло не меньше, чем корабельный сбор.

115. Монополии были все упразднены, ибо на основании их немногие лица приносили ущерб подданным на сумму свыше 1.000.000 ф. ст.

(ст. 116 — 118 перечисляют монополии на мыло, вино, кожу и соль).

119. Кроме того и более мелкие монополии, если бы можно было их точно сосчитать, достигли бы самой крупной суммы.

120. Но, благодетельнее всего этого было то, что самый корень этих зол был устранен, не ограничена власть от имени его величества облагать подданных и обременять платежами их имения без согласия парламента, что в настоящее время об'явлено противным закону, на основании постановлений обоих палат и в силу парламентского акта.

(В последующих статьях 121 — 140 излагаются мероприятия, намеченные парламентом в целях устранения ги-

бельных последствий произвола со стороны королевских приспешников, целых учреждений и епископов).

141. (Требуется) проведение ряда надлежащих мер для того, чтобы устранить вывоз золота и серебра и неравномерность вексельных курсов между нами и другими нациями, чтобы содействовать вывозу наших товаров, умножению наших мануфактур и достижению хорошего торгового баланса, наличность которого приведет к увеличению капитала королевства, или, по крайней мере, воспрепятствует его уменьшению, как это имело место благодаря пренебрежению этими вещами в течение многих лет недавнего прошлого.

142. Содействие развитию ловли сельдей у наших берегов, что будет чрезвычайно полезно в деле приискания занятий бедным, а также обильное снабжение моряков, чтобы сделать королевство могучим во всяком великом деле.

(в статьях 143 — 203 подробно излагается способ установления государственного порядка и церковного устройства).

„Великая Ремонстрация“ заканчивается пожеланием (статья 204)

„чтобы его величество действовал сообразно добрым советам и в согласии с добрыми людьми, которые почтительно и по чувству долга указывали бы ему, насколько выгодно для него самого видеть свое собственное состояние снабженным всем для поддержания чести; видеть свой народ об'единившимся в исполнении своего долга перед ним и в усилиях, направленных к общему благу, видеть, как счастье, богатство, мир и безопасность водворяются в его королевстве, переходят даже и к его союзникам, благодаря силе авторитета его собственного и правительства“.

(Gardiner. указ. книга).

5. Приговор высшей судебной палаты над королем.

(Заключительная часть приговора).

27 января 1649 г.

И посему, на основании серьезного и зрелого обсуждения обстоятельств и гласного рассмотрения существа деяний, он был обвинен, как сказано выше. Настоящий Суд по разуму и по совести убедился, что он, упомянутый Карл Стюарт, виновен в поднятии войны против парламента и народа, а также в поддерживании и в продолжении ее, в чем

он и изобличается в упомянутом обвинении. В виду направления его политики, советов и действий до начала этого парламента и после (что было и остается общеизвестным и гласным и последствия чего в изобилии закреплены в официальных документах), настоящий суд, по разуму и совести, вполне убедился в том, что он был и продолжает быть виновным в беззаконных умыслах и стараниях, изложенных в упомянутом обвинении, в том, что, как было сказано, упомянутая война была начата, поддерживалась и продолжалась им ради преследования и исполнения упомянутой цели, что он был и продолжает быть виновником, творцом и продолжателем указанной противоестественной, жестокой и кровавой войны и тем самым он виновен в государственной измене, убийствах, грабежах, пожарах, насилиях, опустошениях, во вреде и несчастьях нации, совершенных, предпринятых и причиненных в названную войну.

За все эти измены и преступления настоящий суд решил, что он, упомянутый Карл Стюарт, как тиран, изменник, убийца и как враг добрых людей этой нации, должен быть предан смерти через отсечение головы от тела.

(Gardiner. указ. книга).

6. Акт, отменяющий палату лордов.

Члены палаты общин Англии, собравшиеся в парламенте, убедившись на слишком долгом опыте, что существование палаты лордов бесполезно и опасно для английского народа, сочли удобным постановить и утвердить, и это (в действительности) постановлено и утверждено настоящим парламентом и его властью, что отныне палата лордов в парламенте должна быть и в силу этого и в действительности совершенно уничтожена и отменена, что с этих пор лорды не должны собираться или заседать как палата лордов в палате, называемой палатой лордов, или в каком бы то ни было другом общественном месте или собрании, как палата лордов, и точно также они не должны, как палата лордов в парламенте заседать, вотировать, присуждать, обсуждать или решать какие бы то ни было дела.

Однако, настоящим об'является, что ни те из лордов, которые вели себя с честью, мужеством и преданностью по отношению к государству, ни их потомство, которое будет поступать так же, не будут исключены из государственных советов нации, но должны быть туда допущены и располагать правом свободного голоса в парламенте — если они

будут туда избраны на-ряду с другими лицами, избранными и получившими такие права, и пусть будет дальше предписано и утверждено властью, о которой уже было сказано, что никакой пер этой страны, не будучи избранным, признанным и заседающим в парламенте, как было сказано раньше, не требовал бы, не имел бы и не пользовался бы какою-либо парламентской привилегией в отношении собственной персоны, титула или владения, какого-либо закона, обычая или существующей практики, вопреки (им) и во что бы то ни стало".

(Gardiner. указ. книга).

7. Акт, об'являющий Англию Республикой.

19 мая 1649 г. II 30.

Об'является и утверждается настоящим парламентом и авторитетом его, что народ Англии и всех принадлежащих ей владений и территорий есть и будет, и в силу этого установил, образовал, учредил и подтвердил, быть Республикой и Свободным Государством, что отныне он будет управляться, как Республика и Свободное Государство верховной властью нации, представителями народа в парламенте и теми, которых они назначат и утвердят, как подчиненных им должностных лиц и министров ко благу народа и без какого бы то ни было короля и палаты лордов.

8. Форма присяги Английской Республики.

(для всех мужчин от 18 лет).

2 января 1650 г.

Я об'являю и обещаю, что буду верным и преданным Республике Англии, такой, как она учреждена теперь, без короля и палаты лордов.

(Gardiner. указ. книга).

9. Об Английской Республике (записка, представленная королеве Анне Австрийской и ее совету кардиналом Мазарини).

Январь 1651 г.

По предложенному вопросу прежде всего нельзя не заметить, что, если действовать по законам чести и справедливости, то отнюдь не следует признавать английской республики, ибо король не может сделать ничего более предосудительного для своей репутации, как это признание: им он не только пренебрегает интересами законного короля, своего близкого родственника, соседа и союзника, но еще

наносит ему публичное оскорбление. Потом его величество не может сделать ничего более несправедливого, как признать законность власти узурпаторов, омочивших руки в крови своего государя и нагло присвоивших себе право осудить его на смерть — поступок возмутительной дерзости, могущей служить опасным примером для всех монархий и внушающий ужас и отвращение всем честным людям. Английский король будет жаловаться на такое признание и, без сомнения, выскажет нам свое неудовольствие в таких выражениях, которые произведут затруднения. Государственные соображения побуждают, напротив, скорее дать помощь королю, его сыну, в Шотландии и Ирландии; ибо нужно сильно опасаться, чтоб, по усмирении волнений в этих двух королевствах, английская республика не возгордилась чересчур своими успехами и, видя власть свою утвержденною внутри, не пустилась во внешние предприятия и не употребила огромных сил своих более против Франции, чем против какого-либо другого государства, по причине постоянной и естественной вражды и ненависти, существующей между двумя народами, увеличенной еще в последнее время стычками, происшедшими между ними на море.

Но, как законы чести и справедливости никогда не должны заставлять делать то, что противно правилам благоразумия, то следует принять в соображение, что какие бы мы не сделали теперь демонстрации в пользу английского короля, они отнюдь не восстановят его престола; что дальнейший отказ признать республику, на деле пользующуюся уже верховной властью, нисколько не послужит к усилению или утверждению прав короля; что все, что мы могли бы сделать теперь для него, послужило бы единственно к лишению нас возможности помочь ему в другое, благоприятнейшее, время более деятельным образом; что настоящее положение дел во Франции не позволяет дать ему никакой помощи; что англичане, владея морем, не пропустят даже к нему наших вспомогательных войск и что все участие, какое мы приняли бы в их войне, и все неудовольствие, какое мы снова выразили бы англичанам, только доставили бы им новые выгоды; что Франция, ведя теперь большую внешнюю войну и волнуемая внутри различными партиями, может подвергнуться крайней опасности, если англичане соединятся с одной из этих партий и привлекут на свою сторону религиозных отступников нашей страны, чего нужно сильно опасаться впоследствии. Более же всего нужно иметь в виду то, что если крайность нынешних обстоятельств и заставит что-нибудь сделать в пользу английской рес-

публики, то ничто не помешает впоследствии воспользоваться благоприятными обстоятельствами и предпринять что-нибудь решительное тогда, когда мы будем находиться в лучшем положении и будем иметь более вероятности успеха; сверх того, нужно еще опасаться, чтоб испанцы, вступив в тесный союз с англичанами — о чем они теперь сильно хлопочут — не помешали им помириться с нами, и не побудили их, если не начать с нами открытую войну, то по крайней мере, дать им сильную помощь против нас. Таким образом не остается никакого сомнения, что следует ныне же войти в переговоры с английской республикой и признать за ней титло, которого она желает.

Есть, однако-ж, одно крайне необходимое условие, без которого нет никакой пользы обязываться признать английскую республику, именно: непременно нужно заранее удостовериться, что из этого признания мы извлечем такую пользу, которая уравновешивала бы собою стыд, нанесенный нашей репутации; ибо если только мы будем иметь полную уверенность в выгодах, какие извлечем отсюда, то я не считаю нужным много останавливаться на каких-нибудь формальностях; но было бы вдвойне предосудительно сделать низость, если после нее англичане останутся в прежней холодности и равнодушии к нам и если наша предупредительность возбудит в них только бо́льшую гордость и требовательность насчет условий трактата, который мы должны будем с ними заключить для примирения наших взаимных ссор и неудовольствий.

(Гизо, указ. соч., Приложения).

10. Людовик XIV Английскому Парламенту.

2 декабря 1652 г.

Возлюбленные и великие друзья. Посылаем к вам г. де-Бордо, одного из советников нашего государственного совета, рекетмейстера нашего двора и президента нашего великого совета, назначенного от нас послом в Савойю, чтоб известить вас о нашем к вам добром расположении и о нашем желании продолжать с вашей республикой дружеские сношения, какие были соблюдаемы всегда между обоими народами. Мы поручили ему об'явить вам, что, так как с нашей стороны не было сделано ничего, что могло бы разубедить вас в нашей дружбе или что было бы оскорбительно для вашего государства, то мы были бы весьма удивлены, услышав о нападении ваших судов на наши. Ибо, хотя вы и выдали некоторым вашим купцам арматорские грамоты, но нигде не слыхано, чтоб можно было направлять их против

кораблей какого-либо государя. Выдача подобных грамот частным лицам вещь вовсе не необыкновенная и не непредвиденная трактатами, напротив, они не только не запрещены, но даже именно дозволены, но только в таком случае, когда последует формальный отказ в законном удовлетворении; в таком отказе вы нас не можете упрекнуть; и кто узнает все наши старания разведать как о потерях наших подданных, так и о захватах, сделанных ими у наших, с целью доставить им взаимное удовлетворение, тот, без сомнения, рассудит и признает, что наше намерение всегда было соблюдать трактаты, заключенные между двумя нациями для безопасности и удобства их торговли, и сделать ее цветущею для общей выгоды обоих государств. Сказанный г. де-Бордо, согласно данному ему от нас поручению, об'яснит вам подробно наше намерение жить с вами в тесном союзе. В надежде, что вы дадите полную веру всему, что он вам скажет от нас о чем мы покорно вас просим, молим бога, да сохранит вас, возлюбленные и великие друзья, в своей святой и всесильной милости.

Писано в Париже, во второй день января 1652 г.

Ваш добрый друг и союзник
Людовик.

(Гизо, указ. сочинения, Приложения).

11. Акт о присяге.

1672.

I. Чтобы предотвратить опасности, которые могут произойти от упорных папистов, и успокоить умы добрых подданных его величества, постановлено следующее: ...Что все и каждый, как перы, так и коммонеры, которые будут занимать какие-либо должности гражданские или военные или же будут получать какую либо плату, жалование или вознаграждение, в силу какой либо грамоты или пожалования со стороны его величества... должны будут лично явиться в верховную канцелярию его величества или в суд королевской скамьи и там в публичном, открытом заседании принести особую присягу в признании духовного верховенства короля и в верноподданстве... до 1-го августа 1673 г.... а также должны будут прачаститься по обряду английской церкви в какой либо приходской церкви в один из воскресных дней немедленно после богослужения проповеди.

III. Все и каждое из вышеназванных лиц, кто не позаботится или откажется принести названную присягу и при-

частится, тем самым будут совершенно лишены права занимать или пользоваться какой бы то ни было из названных должностей.

VIII. В то же время, когда лица, которых касается этот акт, будут приносить упомянутую присягу в признании духовного верховенства короля и в верноподданстве, они также сделают и подпишут, под страхом определенных этим актом наказаний и лишения прав, следующее заявление: „Я, такой-то, заявляю, что верую в то, что не существует никакого пресуществления в таинстве причащения, или в хлебе и вине, во время или после освящения их кем бы то ни было". Этим подпискам и приносящим присягу будет вестись соответствующий реестр.

(Ардашев, указ. Хрестоматия).

Билль о праве.

1689 г.

(В извлечениях).

...И посему означенные духовные и светские лорды и общины, в силу упомянутых грамот и выборов, собравшиеся ныне в качестве полного и свободного представительства этого народа, по зрелом обсуждении наилучших средств для достижения вышесказанных целей, прежде всего (как делали, обыкновенно, в подобных случаях их предки) заявляют, для восстановления и удостоверения своих древних прав и вольностей, нижеследующее:

1. Что предполагаемая власть приостанавливать законы, или исполнение законов королевским повелением, без согласия парламента, незаконна.

2. Что предполагаемая власть изъятия от законов, или исполнения законов королевским повелением так, как она присваивалась и применялась в недавнее время, незаконна.

4. Что взимание сборов в пользу и в распоряжение короны, в силу якобы прерогативы, без согласия парламента, или за более долгое время или иным порядком, чем установлено парламентом, незаконно.

5. Чтобы обращаться с ходатайствами к королю есть право подданных, и всякое задержание и преследование за такие ходатайства, незаконно.

6. Что набор или содержание постоянного войска в пределах королевства в мирное время, иначе как с согласия парламента, противно закону.

8. Что выборы членов парламента должны быть свободны.

9. Что свобода слова, прений и актов в парламенте не должна быть стесняема или подвергаема контролю в каком-либо ином суде или месте, кроме парламента.

13. И что для пресечения всяких злоупотреблений и для улучшения, укрепления и охранения законов, парламент должен быть созываем достаточно часто.

II. Означенные духовные и светские лорды и общины собравшиеся в Вестминстере, постановляют, что Вильгельм и Мария, принц и принцесса Оранские, признаются и, об'являются королем и королевой Англии, Франции и Ирландии и принадлежащих к ним владений, так чтобы корона и королевский сан означенных королевств и владений принадлежали пожизненно упомянутым принцу и принцессе и тому из них, кто переживет другого, и чтобы в течение совместной жизни названных принца и принцессы исключительное полное осуществление королевской власти принадлежало только упомянутому принцу Оранскому и производилось им от имени их обоих, по кончине же их обоих, корона и королевский сан сказанных королевств и владений должны перейти к нисходящим наследникам названной принцессы, а за отсутствием такового потомства,— к принцессе Анне Датской и ее нисходящим наследникам, а за отсутствием такового потомства, — к нисходящим наследникам вышепоименованного принца Оранского. И духовные и светские лорды и общины просят названных принца и принцессу принять престол согласно сказанному.

VI. Ныне, на основании вышеизложенного, духовные и светские лорды и общины, собравшиеся в парламенте для того, чтобы ратификовать, утвердить и установить означенное заявление и содержащиеся в нем статьи, условия, положения и пункты сплою закона, изданного в надлежащей форме парламентом, просят, чтобы было об'явлено и узаконено, что все удостоверяемые и отыскиваемые в означенном заявлении права и вольности, в их совокупности и в отдельности, суть достоверные, исконные и несомненные права и вольности народа этого королевства и, как таковые, должны быть почитаемы, предоставляемы, присуждаемы, рассматриваемы и понимаемы, и что все вышеприведенные статьи должны быть строго и неуклонно исполняемы и соблюдаемы так, как они изложены в означенном заявлении, и все должностные лица и чиновники должны впредь служить всегда их величествам и их преемникам согласно сказанному.

IX. И так как опыт показал, что с безопасностью и благосостоянием этого протестантского королевства несовместимо правление папистского государства или короля или королевы, состоящих в браке с папистом или паписткой, означенные духовные и светские лорды и общины просят также, чтобы было узаконено, что всякое лицо, которое примирилось или примирится, или будет поддерживать общение с римским престолом или церковью, или будет исповедывать папистскую веру, или вступит в брак с папистом или паписткой, должно быть устранено и навсегда неспособно наследовать, обладать и пользоваться короной и правлением этого королевства и Ирландии и принадлежащих к ним владений или какой-либо части их, или иметь, отправлять, или осуществлять какое-либо королевское право, власть или юрисдикцию в пределах их, и во всех таких случаях народ этих королевств, в силу этого, освобождается от подданнической присяги; и означенная корона и правление переходит в обладание и пользование того лица протестантского исповедания, которое должно было бы наследовать их в случае, если бы лицо, устраненное от престолонаследия по вышесказанным причинам, умерло естественным образом.

X. И чтобы каждый король и королева, которые бы в какое-либо время впоследствии наследовали имперскую корону этого королевства, в первый день собрания первого парламента после вступления на престол, восседая на своем троне в палате лордов, в присутствии собранных там лордов и общин, или во время своего коронования, при принесении коронационной присяги (которая должна состояться прежде всего), пред тем лицом или лицами, которые будут свидетелями означенной присяги (составляли, подписывали и прочитывали вслух заявление), упомянутое в статуте, изданном на тринадцатом году царствования короля Карла II и озаглавленном „Акт для более действительного предохранения особы и власти короля посредством лишения папистов права заседать в той или другой палате парламента“. А если бы случилось, что король или королева, по наследовании короны этого королевства, имели менее 12 лет от роду, тогда такой король или королева должны составить, подписать и прочитать вслух сказанное заявление при коронации или в первый день собрания первого парламента по достижении этим королем или королевой двенадцатилетнего возраста.

(Ардашев. указ., хрестоматия).

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Общественные настроения в Англии в эпоху революции.

1. От маркиза де-ла-Ферте-Эмбо, господину *, в департамент иностранных дел.**

Лондон, 16 января 1642 г.

Дела Англии с каждым днем становятся хуже. Три дня назад парламент просил у короля стражу под командой графа Эссекса, и король не захотел дать им ее немедленно.

Английский король и королева приняли двух членов нижней палаты в свой совет, другого члена той же палаты сделали канцлером казначейства, а графа Соутемптона, члена высшей палаты, камергером. Все эти повышения крайне неприятны парламенту.

Когда парламент собрался, его великобританское величество прислал королевского прокурора об'явить верхней палате, что виконт Мандевилль виновен в государственной измене и требовал, чтоб его заключили в Тоуэр. В то же самое время верхняя палата послала просить конференции с нижней и назначила этого самого виконта Мандевилля своим депутатом для этой конференции. Те и другие нашли, что это насилие: сажать знатного члена парламента в тюрьму, не говоря причин. Пока они рассуждали об этом деле, прибыли еще другие депутаты от короля к нижней палате, которые об'явили Пейма, Голлиза и еще троих членов этой палаты государственными преступниками, и даже король прислал опечатать своей печатью кабинет и сундуки в ложах этих шести членов. Парламент, узнав об этих действиях, послал снять печати, об'явил, что эти люди находятся под его покровительством, что хотят уничтожить их привилегии, но что они решили отстоять их; что при дворе есть собрания и стража; что они просят короля удалить все дворянство, которое бросилось в его дворец, и соблаговолить, чтоб парламент имел стражу в таком же количестве, в каком он берет ее для себя и из тех лиц, каких они выберут.

Королева великобританская прислала ко мне настоятеля капуцинов сказать, чтоб я спрятал у себя серебро из ее

часовни. В то же время святых отцов напугали, что их будут бить. Я ходил к королеве, и она подтвердила приказание, которое было мне от нее сделано, и свои опасения насчет этих отцов. „Я это предусмотрел,—сказал я—и мои парламентские друзья уверили меня, что им ничего не будет, и что они отдали приказание, чтоб мастеровые не ходили туда“. Впоследствии я узнал, что служители королевы распускали слухи, что она вовсе не заботится о капуцинах, потому что это противно чувствованиям народа.

Король и парламент ломаются, каждый с своей стороны. Увидим скоро, кто погнется. Не знаю, выгоднее ли будет для Франции, если одна из этих двух сил одержит верх. Прошу вас уведомить меня, что я должен делать.

Я вижусь со своими друзьями как можно реже; при дворе тоже не бываю, чтоб избежать подозрений. Умоляю вас, чтоб я знал о намерениях его сиятельства по этому предмету.

Двенадцать епископов заключили в Тоуэр; думали начать их процесс. Я отсоветовал делать это, ибо осужденных заместили бы другими, тогда как, в качестве только заключенных, они все же составляют двенадцать голосов на их стороне. Я думаю, что они замедлят этот суд.

Теперь только и видишь, что приготовления к великим бедствиям; с той и с другой стороны собираются. У короля и в парламенте публично носят карманные кинжалы и пистолеты; в комнатах короля и королевы обнажают шпаги и кинжалы, чтоб показать, что их берут с собой не без намерения.

Вчера король был в парламенте с тремя стами дворян и с той небольшой стражей, какая у него есть. Он вошел в нижнюю палату и спросил пятерых обвиненных; но так как на этот раз дело могло разыграться нехорошо для парламента, то я предуведомил своих друзей и они приняли меры, удалив за четверть часа этих лиц и дав приказание городу взяться за оружие.

На другой день король, думая овладеть народом, был у мэра, где был совет, потом обедал у одного шерифа, взяв с собой только одного маркиза Гамильтона, графов Эссекса, Голланда и Ньюпорта. После обеда он должен был итти в Тоуэр. Говорят, что у него было намерение оставить этих четырех вельмож пленниками, еслиб только граждане оказались расположенными стать за него; но, совершенно напротив, в городском совете и по улицам народ громко кричал: „свобода парламента“. Граждане вооружились, и на дороге в Тоуэр было их более двух тысяч. Король, видя, что взять нечего, воротился прямо во дворец. Парламент

и народ об'явили покровительство этим шести лицам, так что мои приятели, из которых четверо были в этом числе, удержатся, и при том я боюсь, как бы авторитет английского короля сильно не поколебался.

Г. Жербье был у меня, чтоб говорить об одном предложении, которое поручил ему сделать венецианский посланник, чтоб спасти честь английского короля. Этот посланник предлагал, чтоб нам обоим вместе потребовать публичной аудиенции и просить короля дать амнистию всему тому, что делалось в парламенте; что посланники могут склонить к этому королеву, так как они с ней близки; а я, будучи хорош с парламентом, убедил бы его согласиться на это, и таким образом мои друзья, подвергшиеся обвинению, были бы прикрыты. Я отвечал г. Жербье, что не могу соединить имени его величества, для какого бы то ни было дела, ни с каким другим посланником, и что не хочу ни с кем иметь совместной аудиенции; что английского короля и королеву я вижу часто и что, когда бы они потребовали моих услуг, то я употребил бы все усилия доказать им, что король всегда готов помогать им своими добрыми советами; что я вовсе не желал бы вести этого дела дальше, так как их величества всегда об'ясняли мне, что они и думать не хотят ни о каком соглашении.

Полагают, что английскому королю нет другого спасения, как ехать в Ирландию.

Я не буду в состоянии существовать, если его сиятельство не даст мне средств. Еслиб у меня было столько имения, сколько желания служить ему, я не стал бы его беспокоить.

(Гизо, указ. соч., Приложения).

2. Из частной переписки дворянской семьи Верней.

Верней в XVII веке были типичными представителями английского дворянства („джентри"), но основателем этой фамилии были лондонские купцы второй половины XV века. В 1470 г. лорд-мэр Лондона Ральф Верней был пожалован титулом рыцаря, а в следующем году был избран членом парламента. В XVI веке Верней становятся землевладельцами. Их родовым имением становится усадьба Клейдон—в графстве Бекингамшир. В XVII веке главой дома Верней был сэр Эдмонд, женатый на дочери помещика (сквайра) Дентона из того же графства. Эдмонд Верней служил при дворе Карла I в должности маршала, но в то же время занимался хозяйством и вел широкую жизнь. У Эдмонда

было 4 сына. Старший, Ральф, женатый на дочери купца, учился в Оксфордском университете, потом занялся хозяйством, а в 1640 г. был избран вместе с отцом в Долгий парламент. Второй сын, Томас Верней, вплоть до гражданской войны, когда он зачислился в королевскую армию, вел бродяжью жизнь, побывал несколько раз в Америке, служил на континенте, транжирил отцовские деньги и предавался разгулу в обществе таких же, как он, товарищей. Третий сын, Эдмонд, и четвертый—Генрих точно также не могли найти приложения своим силам до начала гражданской войны и вели такую же бродяжью жизнь, как их второй брат. У Эдмонда Верней было несколько дочерей, проводивших время в усадьбе Клейдон. Гражданская война внесла разлад в семью. Все члены ее, кроме Ральфа, стали на сторону короля, но и последний через два года отказался подписать „Торжественную Лигу и Конвенант" и эмигрировал во Францию. У Верней был обширный круг знакомых, с которыми в течение гражданской войны и революции поддерживалась деятельная переписка.

(Memoir of the Verney family during XVII century. 2 ed. vol. I—II. London. 1907).

1641 г.

Леди Сессекс, давнишняя знакомая семьи Верней, пишет Ральфу, члену Долгого парламента, в Лондон.

...Теперь вы приступите к вашему великому делу. Молю бога, чтобы это был счастливый для всех нас парламент. Если у вас найдется досуг, черкните мне иногда строчку или две, а я пошлю вам немного бисквитов, чтобы сунуть их в карман и желе, чтобы поддержать вас, как только моя служанка сможет их приготовить.

Сессюкс Ральфу.

10 января 1642.

Эти беспокойные времена вводят нас всех в большое смятение, но я надеюсь, что нас не убьют; все же, я полагаю, вы находитесь в большей опасности, чем мы в деревне. Молю бога о вашей безопасности. Ваш парламент залетает высоко. Мне думается, это великое счастье иметь столько мужества, чтобы отстаивать свои права. Твердое настроение Лондона как будто направлено к тому же; поистине—

они достойны похвалы. Партия короля, несомненно, должна будет ослабеть, и он (т.-е. король) вынужден будет уступить парламенту. Молю бога направить ваши сердца к наилучшему для нашего общего блага; если мы будем побеждены теперь—мы погибнем навсегда. Надеюсь, что джентльмены, которых король хотел удалить из вашей палаты, будут в безопасности. Они так крепко стоят за общее благо, что было бы несчастьем, если бы они пострадали. Это письмо дойдет в сохранности, иначе я не решилась бы говорить так много. Это хорошо, что джентльмены были вне парламента, когда являлся туда король. Очевидно, по чьему то злому наущению он пришел таким способом. Молю бога, чтобы все сложилось хорошо и чтобы вы были так счастливы, как вам этого желает ваш искренний друг.

Лэди Сессюкс Ральфу.

29 января 1642.

Молю бога, чтобы установилось согласие между королем и его народом, и чтобы бедная Ирландия получила помощь.

Я искренно огорчена известием, что ваш парламент все еще идет по тому же бурному пути. Молю бога, чтобы мы все не пострадали из-за этого... Вы отменили публичные отчеты, как мы слышали; я жалею об этом, так как мы были рады знать, что вы делаете.

Ральф к лэди Барримор.

Июнь 1642.

Мир и наши свободы — вот единственное, за что мы стоим; пока мы не получим мира, я уверен, что мы не сможем радоваться никаким свободам, а без свобод я не буду от всего сердца желать мира; то и другое вместе могут сделать нас всех счастливыми, но одно без другого, должен сознаться, никогда не сможет удовлетворить меня.

Миссис Eure (крайняя роялистка) Ральфу из Йоркшира.

20 июня 1642.

Я в такой ярости на парламент, что ничто не может успокоить меня, так как они обещали, что все будет хорошо, если будет снесена голова милорда Страффорда, а

с тех пор ничто не улучшилось. Я думаю лишь, что мы все погибнем от налогов, а если мы не будем иметь также и доходов, положение станет тяжелым.

Сэр Эдмунд (отец) из Иорка к своему управляющему в имение.

19 июня 1642.

Прошу вас, поймайте мою лошадь и держите ее при доме. Я скоро приплю за лошадьми моего экипажа. В стране вскоре предстоит вербовка. Прошу вас, постарайтесь подыскать способного и здорового молодого человека для королевской службы, так как мне поручено найти такового.

Ральф у того же управляющего просит...

„пару отцовских пистолетов, лучшего качества; отец сообщает мне, что имеется пара, с белой оправой и замками и что они очень легкие. Пусть Мозес привезет их и тщательно бережет от сырости, и приплите вместе с ним формы и другие принадлежности".

Сэр Эдмунд управляющему.

21 июля 1642.

Прошу вас, держите наготове карабины для защиты зданий в случае надобности и запаситесь порохом и пулями; я боюсь, как бы не наступило время, когда бродяги начнут искать добычи в таких домах: поэтому не оставайтесь без запасов, но и не говорите никому о них, чтобы не навести на злое дело тех, кто еще не помышляет об этом.

Ральф управляющему имением.

Вы очень хорошо разместили людей в доме. Прошу вас, будьте осторожны насчет дверей в дневное время. Я думаю, что двух людей достаточно для ночной охраны, пока не наступили более опасные времена.

Сэр Эдмунд (отец) управляющему имением.

2 августа 1642.

Прошу вас, позаботьтесь о моем доме, чтобы бродяги не ворвались в него: имейте в запасе пули и порох и составьте сторожевой отряд, который жил бы в доме и защи-

щал его, если понадобится; держите наготове мою повозку на случай, если я пришлю за ней. Соберите отовсюду деньги, которые вам должны и по возможности скорей, так как нам, очевидно, предстоит великая война. Позаботьтесь о жатве, и бог ниспошлет на нас благословение свое, дабы мы могли возблагодарить его. Больше писать не могу...

Ваш любящий хозяин.

Из писем капитана Гардинера к Ральфу.

19 сентября 1642.

Имение в Кедсдоне, в 25 милях от Оксфорда (Гардинер — муж сестры Ральфа — Керп).

... другие графства не подозревают о притеснениях наших. Одно неосторожное слово, сказанное одним лишь человеком, достаточно для конфискации имущества целого семейства солдатами парламента; я не сужу о том, какова их цель, но, на мой взгляд, это странный вид справедливости—брать силой то, чего не допускает разум; я убежден, что многое лежит на совести обеих сторон, и если бы что-либо случайно оказалось ошибочным, то все же следовало бы обратить на это внимание. Но подобные соображения недоступны пошлым душам. Дворяне (говорят они) долгое время были нашими господами, а теперь мы имеем возможность повелевать ими. После того, как они познали свою силу, они воспользуются этим, и придется очень тяжко. Я не хочу заниматься обличениями: мне достаточно положиться на ваше покровительство и поддержку и так как ваша забота обо мне была, в известном смысле, отеческой, то и мое отношение к вам должно быть преисполнено долга.

Ответ Ральфа Гардинеру из Лондона.

13 октября 1642.

... Милый брат, благодарю вас за ваше письмо... Насколько полно случайностей то, что может произойти я предоставляю решить вашему лучшему суждению, но говорят, что король идет сюда со всеми своими силами и, кажется, он уже в походе. Вы говорите — странная справедливость, что парламентские солдаты берут силой то, что разум не разрешил бы им взять. Верно, что недостаточно с их стороны делать себя судьями того, что разумно, но, с другой стороны, вам известно — когда разум не может

взять верх, должна быть употреблена сила: законы были бы ничем без принудительной силы; однако, довольно об этом".

Лэди Сессекс получила 9 сентября 1642 г. письмо от сэра Эдмунда Верней (главы семьи) и сообщает об этом Ральфу.

Оно (т. е. письмо) было очень грустное, и такими же были его слова о вас... Часть его письма к вам, которую вы прислали, я сожгла немедлено; я никогда не раскрою рта насчет этого или чего-либо другого, что вы еще доверите мне. Он взволнован и сильно расстроен, мне кажется, из-за того, что вы об'явили себя на стороне парламента. Быть может, он хочет дать понять королю, что он недоволен выбранной вами дорогой. Если бы вы могли не посещать парламента, то это, я думаю, было бы хорошо: я сочла бы большой радостью для себя принять вас и ваших милых лэди. Теперь позвольте вам посоветовать, как друг, сердечно любящий вас, не писать слишком резко вашему отцу, но обойтись с ним возможно мягче; хороший человек, он бесконечно грустит и, как мне кажется, по многим другим поводам, помимо размолвки с вами. Ради бога, не проявляйте себя в парламенте ни прямо, ни косвенно. Надеюсь на господа, что он пошлет нам мир. Парламент покажет свою великую мощь, которая, наверно, заставит короля согласиться на большинство требований".

Письмо капитана Эдмунда Верней к брату Ральфа из Дублина.

14 сентября 1642 г.

Брат, то, чего я боялся, оказалось слишком верным— а именно то, что вы против короля; позвольте мне сказать вам, что, по моему мнению, вы в высшей степени некрасиво поступили; и еще горестней — подумать о том, что мой отец и я, так горячо любящие и уважающие вас, вынуждены совестью (по долгу к нашему королю) быть вашими врагами. Я знаю, что это тяжелый удар для моего отца. Ради бога, подумайте, что ведь его величество священно; бог говорит: „Не тронь помазанника моего". Давида смущало то, что он отрезал лишь полу у одежды Саула. Я уверен, вы все скажете на это, что не намерены вредить королю; но может ли кто из вас ручаться хотя бы за один выстрел и сказать, что он не угрожает его собственной особе? Я так расстроен, думая о том, что вы на той стороне, что не могу больше писать, только я буду от всего сердца молиться о

мире, а если бог не исполнит этого, то о том, чтобы он так повернул ваше сердце, чтобы вы нашли возможным исполнить свой долг по отношению к королю и чтобы мой отец мог и впредь иметь повод радоваться за вас". (В конце 1642 г. глава Эдмунд Верней был убит во время сражения).

Не дождавшись от Ральфа ответа, Эдмунд пишет брату второе письмо.

24 февраля 1643 г.

Я верю, что вы писали тоже, и что только расхождение наших взглядов по разным путям было причиной расхождения и наших писем. Умоляю вас, пусть это наше несчастное разногласие не создаст ни малейшего недоверия в наших родственных чувствах; и хотя я бы с радостью отдал правую руку на отсечение, чтобы вы только пошли другой дорогой, все же я никогда не соглашусь на то, чтобы это разногласие перешло в ссору между нами, — слишком со многими придется сражаться, и помимо нас самих. Молю бога послать быстрый и прочный мир, чтобы мы невредимыми могли встретиться и с добрыми чувствами. Хотя я принадлежу душой и телом делу короля и буду до смерти стоять за него, какова бы ни была его судьба, все же, милый брат, пусть это мое мнение (руководимое моей совестью), или какие-нибудь иные слухи обо мне, не вселят недоверия к моей искренней любви к вам.

Письмо Ральфа к брату Эдмунду.

21 апреля 1643 г.

Брат, я не знаю, дойдет ли это письмо в сохранности до ваших рук, поэтому скажу вам только, что в октябре я получил ваше письмо, помеченное 14-м сентября, которое было так полно резкостей, что я предпочел лучше не отвечать на него (желая избегнуть возможности ссоры), чем посылать брату, которого я так сильно люблю, такой ответ, какого заслуживало бы подобное обращение. Теперь я получил через м. Роджерса другое письмо от вас и в другом тоне, за которое благодарю вас и прошу не изменять своего решения относительно меня, и я обещаю сделать то же самое по отношению к вам. Я не хочу посылать вам новостей (чтобы это не послужило причиной недоставки письма)

кроме того лишь, что Том (хотя он все еще находится в флоте) женился и, боюсь, крайне несчастливо.

Ваш искренно любящий и готовый служить вам брат

Р. В.

Письмо Ральфа к Эдмунду.

ноябрь 1643 г.

Я бесконечно скорблю о том, что бедная Ирландия так сильно пострадала от нашей смуты и что на вас пришлась такая крупная доля нашего общего несчастия. Что касается ваших опасений, то вы знаете мое мнение, и я сам слишком измучился, чтобы беспокоить вас этим еще раз; поэтому теперь я только благодарю вас за выражение вашей любви и дружбы, которую вы мне высказали в этом письме и прошу вас верить, что если мы можем расходиться в суждениях и мнениях, все же ничто не сможет разорвать тех уз искренней дружбы, которая должна быть между нами; и без того найдется много таких, с кем придется препираться. Милый брат, пусть и ваша и моя душа об'единятся в молитве за мир, и если бы нам было отказано в нем на этом свете, мы, быть может, найдем его потом. Да благославит вас бог в своем милосердии. Прощайте.

Леди Сессекс Ральфу.

14 апреля 1643 г.

Мой управитель приехал из Ессекса в тот день, когда вы были здесь, но не привез ни пенни денег; огромные налоги наложены на землю, так что он явился сообщить мне о том, что арендаторы не станут платить их, но что я должна разрешить им это; я сказала ему, что согласна на это, но чтобы это было сделано от имени арендаторов... Надеюсь что никаких грабителей не было в Клэндоне.

После принятия парламентом „Торжественной Лиги и Ковенанта", Ральф отказался подписать его и в августе 1643 г. уехал из Лондона в имение „Герхэмбери".

Его близкий друг, член парламента, сэр Роджер Бергойн, подписавший Конвенант, сообщает Ральфу 29 августа 1643 г.

...„сегодня утром был издан приказ о секвестре имений тех членов палаты, которые будут отсутствовать не имея на то разрешения“.... (5 сентября)... „Какими вы покинули нас, такими и найдете: много говорящими и мало делающими“.

Другой приятель Ральфа В. Велль пишет 14 сентября 1643 г.

„Я просил их принять от меня заявление о том, что вы не делинквент“.

Немного позднее он же сообщает Ральфу:

„...Сегодня было сильное возбуждение против вас по поводу того, что вы отсутствуете и что будто бы отправились к королю. Господин Спикер, мистер Рейнольдс и я раз'яснили им, как обстоит дело с вами, и вся палата этим вполне удовольствовалась“.

Из писем леди Сесилии.

(Из имения „Горхэмбери“ в Париж. Ральфу).

1643.

...я с удовольствием выплатила бы свои долги, пока я вообще имею чем заплатить их, так как для меня было бы большим огорчением, если бы кто-нибудь терпел нужду из за меня.

...я очень охотно пошла бы на все, что разумно, но, если они употребят мое имение на собственные уплаты и оставят меня без ренты, я принуждена сама позаботиться о себе.

Ноябрь 1643.

Ральф эмигрировал во Францию в конце 1643 г. и оттуда пишет своему кузену Паркер—в ноябре 1644 г.

Когда я увидел, что Конвенат проводится с такой суровостью и что ваш родственник только за отказ (хотя и сделанный в самой скромной и смиренной форме) был не только арестован и тем лишен возможоости служить своей стране, но приговорен и к еще большему наказанию... я подумал, что менее оскорбительно будет для парламента и более удобно для меня, отстраниться на время, пока пройдет ярость этого пламени, чем исполнять то, в чем я так сомневаюсь, или заставлять их трудиться над измышлением наказаний (там, где закон их не предусматривает) для таких несчастных созданий: я и без того даю повод поразить меня, так как, по слухам, король подверг секвестру мое имение, а парламент ежедневно предполагает сделать тоже самое

и даже более. Сэр, я глубоко переживаю собственное несчастие и должен поневоле согласиться с вами в той великой истине, что какая бы сторона ни взяла верх, нет почти никакой надежды на возмещение убытков. Но, вы прекрасно знаете, что вместо того, чтобы заключать торжественную лигу (Ковенант), в чем я не нахожу удовлетворения, лучше остановить свой выбор на том, чтобы пострадать.

Из письма сэра Роджера Бергойн Ральфу в Блуа (Франция).

24 сентября 1645.

Мой друг исключен голосованием 22-го сего месяца и выпало на долю присутствовать при этом его (покорному) слуге, который не был там уже давно; его заботы и старания оказались уже ненужными, и он ничего не мог сделать. Предстоит издание приказа о производстве новых выборов от этого места. Подобным же образом он подлежит секвестру... И не за какое-нибудь преступление, а только за долгое отсутствие; правда, некоторые выставили против него обвинение в том, что он был в штабе короля, но один его слуга, присутствовавший там, вполне заверил их в противном (могу сказать, что он не оставил ни одного средства неиспользованным и ни одного друга, не обеспокоенным, чтобы только предотвратить это тяжелое несчастие). Мой сердечный друг, пусть владыка небес благословит и сохранит тебя и твоих и позаботиться для вас о всем, в чем вы нуждаетесь.

Лэди Сессекс—Ральфу (во Францию).

29 сентября 1645.

...К прискорбию, всячески могу заверить вас, что мое имение упало в цене так низко и самое мое существование без дохода и наследования столь непрочно, что надежда на какую-либо помощь с моей стороны не может быть значительной... Почти все мое серебро ушло, осталось очень мало; ушли также и некоторые из моих драгоценностей; так как за последние полтора года я истратила гораздо больше, чем я получаю; я заплатила свою двадцать пятую часть и кроме того выплачиваю по 10 фунтов в неделю по одному экстраординарному делу в течение уже долгого времени. И это, не считая сборов с обеих сторон и постоянных платежей. Поверьте мне на слово, я сказала вам су-

щую правду о моем имении, в каком оно положении находится в настоящее время... А так как и все королевство пребывает сейчас в таком же состоянии, то трудно сказать, когда еще сможем мы радоваться чему бы то ни было... Что же касается той небольшой ренты, которую я должна получить, то долги мои больше того, что я получу; меня глубоко огорчает, что я не могу помочь вам, как хотела бы... Деньги сейчас с великим трудом добываются, и многие терпят большую нужду. Дети моей бедной сестры Марты очень бедствуют и обращаются ко мне ежедневно, но я не могу ничего сделать для них, а также и для некоторых других, столь же для меня близких. Мой брат Эдвард, недостойный и негодный человек, он не желает пожертвовать ни одним пенни после смерти моей матери. Теперь позвольте вам сказать, я думаю было бы лучше всего, если бы вы разрешили сбыть посуду, кувшин и подсвечники...

И, если бог пошлет лучшие времена, и я буду жива, я постараюсь возместить все это... Думаю, что за них дадут около шестидесяти, а если мне удастся получить ренту, то это составит около сотни... Я решила продать все, что имею, прежде чем занимать снова.

Окончательный секвестр на имение Ральфа Клэйдон был наложен в сентябре 1646 г. (первое постановление об этом было вынесено парламентом в 1644 г., при чем Ральф назван в нем „делинквентом"). В ноябре 1646 г. жена Ральфа, Мэри Верней, отправляется в Англию хлопотать о снятии секвестра. В ее письмах к мужу из Лондона имена знакомых, о которых она сообщает, заменены условными кличками. В частности лэди Сессекс, ставшая уже теперь лэди Варвик, именуется „женой стариков".

Из писем Мэри Верней своему мужу из Лондона.

10 декабря 1646 г.

...Все страхи теперь возникают здесь по поводу пресвитериан и индепендентов; последние уже начинают шумно толпиться у здания палаты. В пятницу пришла к парламенту целая тысяча с требованием об освобождении шестерых из их людей, которые были арестованы. Их немедленно отпустили... Я измучилась здесь до последней степени, так как от прежней дружбы не осталось ничего. Кругом одна лживость, какую только можно себе представить. За исключением мистера Гуда (псевдоним приятеля Ральфа, Родж. Бергойна), здесь уже никого не было из той партии. Только один раз был „Порчез" (Франк Дрэк, знакомый семьи

Верней), но и тот так боязлив и труслив, что не смеет даже взглянуть на тех, чьим другом считал себя прежде. Самое большое доказательство дружбы, какое можно здесь ожидать от кого бы то ни было, это—чтобы он не был вашим врагом.

Недавно, в субботу, я была у „жены стариков". Она, обошлась со мной очень вежливо и мило расспрашивала, как поживаете вы и дети, а также о вашем имении, но при всей любезности ничего не предложила мне, хотя я была с ней наедине в течение целого часа и старалась навести ее на это, указывая много раз на то, что есть друзья, которые помогают во всем, но их трудно найти, а без их содействия ничего нельзя сделать. Но в ответ на это она все же не предложила ни своих услуг поговорить с мужем, ни какой-либо другой помощи.

Из письма 21 января 1647 года.

Я плачу Имрэльд (леди Eure) 1 фунт стерлингов в неделю за содержание мое и служанки... она ничего не хотела назначить, так что я не знала, что делать; но брат сказал мне, что говорил ей однажды о такой сумме, и я просила его предложить это ей, на что она согласилась и была очень довольна. Все продукты до крайности дороги: говядина 4 пенса, телятина и баранина 8 пенсов за фунт; рожь свыше 8 шиллингов за бушель. Очень боятся голода.

28 февраля 1647 г.

В этом городе каждый так недоволен, как только это возможно. Мясники показали дорогу всем остальным, так как на днях они поднялись против сборщиков акциза и сожгли здание акцизного управления, повыбрасывали акцизные деньги на улицу и нанесли увечия некоторым акцизным служащим. Палаты были в большом волнении по этому поводу, но не осмеливаются повесить ни одного из них; они говорят, что предоставят их закону, который не может повесить ни одного из них, так как это вызвало бы восстание; но и акциза не хотят отменить, а мясники поклялись, что не убьют ни одной туши, пока его не отменят.

11 марта 1647 г.

Поистине, здесь живешь, как язычник: после того, как я поправилась, я пошла в нашу приходскую церковь, но только раз мне удалось найти там место, несмотря на предлагаемые деньги. И я вынуждена или брать экипаж

и об'езжать все церкви, или сидеть дома. Если же и найдешь место, то слышишь очень странную службу и в таком тоне, что большинство смеется. Всякого, кого принимают (в общину), допрашивают „старшие“, после чего они приносят присягу, при чем им задаются такие вопросы, что стыдно рассказывать“.

1 апреля 1647 г.

„Здесь вышла чрезвычайно резкая книга против принятия Конвенанта, которую, если достану, то пошлю ее вам, ее приказано сжечь. Она немного велика, чтобы можно было послать ее вам по почте“.

17 июня 1647 г.

„Парламентские люди очень смиренны и теперь разговаривают с простыми людьми. Поверьте, вы никогда не видели более грустных и расстроенных людей, чем все они. Все бегут из города; некоторые говорят, что будет новая война, другие говорят, что нет... Но что меня пугает больше всего, так это замедление, которое могут вызвать в нашем деле все эти волнения; признаюсь, это так пугает меня, что я не знаю спокойной минуты. Надеюсь, что ваш друг уже не считает для себя несчастием исключение из парламента, ибо, уверяю вас, теперь это величайшая честь быть исключенным одним из первых... Вы не можете себе и представить здешних перемен, не наблюдая их.

Из Клейдона.

31 августа 1647 г.

...Завтра я думаю уезжать и вынуждена оставить на произвол дом, переполненный солдатами. Боюсь, что они сделают нас совсем нищими. Я решительно не знаю, как мы сможем жить, если в деревне будут все время квартировать солдаты. Клянусь, что предпочла бы жить на воде и хлебе, чем быть среди них.

Из писем д-ра Дэнтона Ральфу (из Лондона).

Несогласие между парламентом и армией до сих пор загадка для большинства. Я не могу предсказать, каков будет исход. Вы можете вывести некоторые заключения из

тех книг, которые я Вам послал. Поскольку я могу догадываться, индепенденты недовольны тем, что не удалось подчинить палату, и теперь они стараются очистить ее от пресвитерианских вожаков, чтобы иметь возможность властвовать снова.

7 декаяря 1648 г.

... Армия стоит у дверей парламента и задерживает всех членов, которых можно заподозрить в том, что они будут голосовать против их заявлений.

Армия сегодня не ловит и не арестовывает членов, как вчера, но просто стоит у дверей парламента с 2-мя списками; если кто оказывается в одном списке — его впускают, а если в другом — то нет. И, таким образом, никому нельзя проникнуть туда кроме друзей. Большинство арестованных членов прошлую ночь провели в тюрьме и теперь отправлены к генералу. Осталось на свободе едва достаточное количество, чтобы образовать палату.

2 января 1649 г.

Слышно, что лорды во вторник выносили сплошь отрицательные вотумы после того, как армия захватила членов... Невозможно описать того беспорядка, в котором мы находимся; лорды отложили заседание на неделю, а общины заявляют, что законодательная власть принадлежит только им. Молю бога, да ниспошлет он мир на землю и запечатлеет имена всех в книгу жизни. Дорогой Ральф, я всегда твой, будет ли то мир, или война.

11 января 1649 г.

... Кредиторы... видят, что нет ничего, что можно было бы взять кроме земли, но они скорее рискнут всем, чем возьмут ее, настолько хлопотливая и неприятная вещь теперь владение землей; она подлежит расквартированию и обложению; земельная собственность делает человека слишком заметным и подвергает его опасности, ибо в эти дни считается почти преступлением иметь какую-либо собственность. Раньше, чем это письмо дойдет до вас, короля наверно уже не будет в живых, и можно опасаться, что меч будет управлять нами вместо короны.

Лентон из Оксфорда.

7 сентября 1649 г.

Прошло два дня с тех пор, как здешние солдаты отделились от офицеров и все стали левеллерами; думается, что большинство полков армии настроено таким же образом.

Роджер Бертой и Ральфу.

13 сентября 1649 г.

Левеллеры начали еще больше разыгрывать свои штуки возле Оксфорда, но есть надежда, что их быстро усмирят, хотя многие и сомневаются в этом. Прискорбно, что солдаты, еще недавно столь единодушные в божеском деле, теперь начинают восставать один на другого; весьма вероятно, что в их среде имеется несколько негодяев, которых, я надеюсь, бог когда нибудь разоблачит.

3. Из мемуаров Вайтлока.

13 апреля 1649 г.

... Сообщают из Ланкашира о недостатке хлеба, вследствие чего многие семейства умирают с голоду.

Май 1649 г.

... Сообщают из Ньюкэстля о том, что в Кумберленде и Вестмореленде в горных местностях мрут из за недостатка хлеба, некоторые покидают свои жилища и вместе со своими женами и детьми перебираются в другие места, чтобы получить облегчение, но нигде не могут его найти. Комитеты и мировые судьи Кумберленда удостоверяют, что 30 тысяч семейств не имеют зерна ни для посева, ни для еды, ни денег для покупки. Они хотели сделать сбор для них, но этого было слишком мало, чтобы удовлетворить такое великое множество людей.

Май 1649 г.

... Сообщают из Ланкашира о большом недостатке зерна, голод царил среди них, а затем стала свирепствовать во многих портах страны чума, унося сразу целые семейства.

Лишь немногие избежали этой участи. Левеллеры проникли в армию, но были быстро подавлены правителем.

Август 1649 г.

Сообщают о многочисленных жалобах на налоги в Ланкашире, о том, что некоторые угрожают покинуть свои жилища и требуют, чтобы их жены и дети кормились за счет „джентри", о том, что они не могут дальше терпеть притеснений и есть хлеб, вырванный из рта их жен и детей, вследствие налогов и что если придет к ним хотя бы турецкая армия освободить их, они охотно к ней присоединятся.

(Взято из Berens, указ. соч.).

4. Из памфлета «Умерщвление не убийство».

(1657 г.).

Краткий трактат, состоящий из трех вопросов и опубликованный с целью удержать тиранов от захвата верховной власти.

Его высочеству Оливеру Кромвелю.

Да будет благоугодно вашему высочеству ознакомиться по нижеследующей записке с плодами часов досуга, милостиво данных мне вашим высочеством.

Как вы истолкуете написанное мной, я не знаю, но могу сказать с уверенностью, что мной руководило намерение воздать вашему высочеству ту должную справедливость, которую до сих пор никто вам еще не воздает, и дать понять народу, что чем дольше он будет откладывать отправление правосудия над вами, тем больший вред принесет и себе и вам.

Вашему высочеству по справедливости принадлежит честь умереть за народ, и в последние минуты расставания с миром сознание той пользы, которую вы принесете ему тем самым, что его оставляете, должно несомненно служить вам невыразимым утешением. Тогда только, милорд, титулы, теперь узурпированные вами, будут действительно вам принадлежать, тогда только вы сделаетесь настоящим избавителем вашего народа, освободив его от неволи, немногим лишь уступающей той, от которой Моисей освободил свой народ. Вы будете тогда тем реформатором, которым вы

хотели бы, чтобы вас считали. Религия тогда будет восстановлена, свобода утверждена и парламенты получат те привилегии, за которые они боролись. Мы надеемся, что кроме права сильного, тогда будут иметь место другие законы и правосудие будет определяться иначе, чем только волей и желанием сильнейшего.

Надеемся также, что люди тогда перестанут быть клятвопреступниками, из чувства самосохранения не будут принуждены, как теперь, в лживости и предательстве уподобляться своим правителям.

Всего этого мы надеемся достигнуть через счастливую кончину вашего высочества, истинного отца своей страны. Ведь пока вы живы, мы ничего не можем назвать своим и надеяться на наследство можем лишь после вашей смерти. Пусть это соображение укрепит ваш ум в борьбе со страхом смерти, и совесть ваша успокоится сознанием, что благо, которое вы создаете вашим концом, до некоторой степени уравновесит зло, сотворенное вашей жизнью, и, если в темном перечне злодеев найдется немного, которые принесли бы человечеству столько несчастья и смут, как вы, зато самые заклятые враги ваши должны признать, что немногие из них принесли столько пользы своим исчезновением, как это сделаете вы. Ускорить наступление этого блага есть главная цель моей записки, и если она достигнет этой цели, то ваше высочество скоро окажетесь вне достижения злобы людской, и враги ваши смогут уязвить только вашу память, а не вас самих.

Доставить вам эту возможность скорее — есть горячее желание всей благодарной вам страны, об этом молятся и добрые и злые, без различия толков и партий, быть может, в этом случае только так единодушно соединяясь в одной общей мольбе. Но между всеми молящимися о скорейшем избавлении вашего высочества от всех земных тревог, нет более постоянного и ревностного молельщика, чем тот, который со своими соплеменниками имеет честь быть пока, да будет это благоугодно вашему высочеству, рабом и вассалом вашего высочества.

Умерщвление не убийство.

Мы переживаем время тяжелых испытаний: богу угодно было не только допустить нас до потери свободы и дать нам впасть в рабство, но он помрачил наш рассудок и принизил наш дух до покорности и раболепства перед существующим порядком, о поддержании которого мы его же

просим и, если осторожность заставляет человека молчать, то порыв негодования прерывает это молчание, бессильный, быть может, подействовать на умы других людей, но зато приносящий облегчение заговорившему.

Не в праве ли английский народ поставить регенту следующий вопрос: кто сделал тебя князем и судьбой над нами?

Если бог дал тебе эту власть, то дай нам тому доказательство.

Если народ, то скажи, где мы собрались для этой цели? Кто собирал подписи? Каким уполномоченным мы передали наши выборные права? Где и когда эти депутаты вынесли свое решение?

Эти вполне естественные вопросы смутят, вероятно, совет вашего высочества и всех ваших приверженцев. Буду краток, чтобы не утомлять моего читателя, который, если только он обладает памятью, не потребует доказательств к моим словам: если сменить правительство без согласия народа, разогнать силой народных представителей и уничтожить их акты; если дать название народных представителей своим союзникам, чтобы, на основании закона, установить беззаконие; если лишать жизни вне законного правосудия, посредством нескольких убийц, им же назначенных, под названием „Верховного Суда"; если взимать десятину с земельных имуществ и собирать произвольные налоги и, наконец, весь этот порядок поддерживать силой оружия; если, говорю я, всего этого достаточно, чтобы быть тираном, то, при всей его наглости, он не будет отрицать, что является самым совершенным из тиранов, когда-либо существовавших в человеческих обществах.

Чернь до смешного ценит себе подобных. Мишура предметов прельщает им глаза, и они судят о них по их внешности и по наложенным на них краскам. Ибо что может быть в природе более нелепого и противного всякому здравому смыслу, как назвать вором и убить того, кто приходит меня ограбить один или с несколькими сообщниками и называть лордом-протектором и повиноваться тому, кто грабит меня с уставом и армией. Рыскать с двумя или тремя кораблями—значит быть пиратом, а 50-ю — адмиралом. Но если не дела, а только количество приверженцев отличает разбойника от протектора, то я хотел бы, чтобы это количество было определено, дабы мы могли знать, где кончается вор и начинается государь (правитель), и чтобы мы имели возможность отличать грабежи от налогов. Но, наверное, каждый англичанин знает, что по праву своего рождения он—хозяин своего состояния и что никто не мо-

жет распоряжаться какой бы то ни было частью его без его собственного разрешения и согласия, выраженных им или непосредственно, или косвенно, через парламент. Все другие пути — от'явленный грабеж, под какими названиями.

Посмотрите, до чего мы уже дошли. Можно ли найти такую клятву, настолько скрепленную всеми религиозными узами, которую было бы нельзя легко нарушить, когда к этому побуждает нас выгода или опасность?

Что осталось в нас от дворянства, кроме имени и роскоши, с протекающими от нее пороками? А наши священники, что они имеют, или, вернее, чего они жаждут от своего призвания, кроме десятины? Каким образом эти отвратительные кривотворцы объединяют противоположные клятвы? Как они искушают святое писание во имя лести, с которой они бесстыдно пресмыкаются перед его чудовищным высочеством? Что представляет из себя Сити, как не домашнее животное, которое ест и работает, не заботясь о том, кто управляет им? То, что называют парламентом, разве не посмешище? После исключения всех тех, которых лишь подозревали в том, что они имеют какие-либо достоинства, он состоит из людей, пребывание которых терпят только потому, что они известны отсутствием всяких добродетелей. Что они из себя представляют, как не сподников тирании, которыми пользуются только для того, чтобы обманывать народ и бесчестить его свободу?

До сих пор я говорил, обращаясь ко всем англичанам, теперь я обращаю свою речь к тем, которые, конечно, лучше заслуживали это имя — к нам самим, сражавшимся, хотя и не удачно, за нашу свободу, под начальством этого тирана, проливавшим нашу кровь и в результате ничего не получившим, одураченным его клятвами и слезами. Право предать этого изверга правосудию принадлежит в особенности нам, которых он делал орудием и соучастником своих злодейств, за которые все хорошие люди воздают ему проклятия и ненависть. Другие имеют лишь право оправдания, мы же — свободу и честь.

Ради народа мы сражались и вместе с ним и против него, и от нас народ справедливо ожидает казни, так как сам он не может этого совершить.

Его постель, его стол не безопасны, и он стоит перед необходимостью иметь других сторожей, которые бы защитили его против его собственных. Смерть и гибель преследуют его всюду, куда бы он ни шел: они следуют за ним всюду, подобно спутникам и, в конце концов, они нападут, как вооруженные люди. Мрак скрывает его в укро-

ных тайниках — не раздутый огонь истребит его; с ним случится несчастие, с ним, который оставлен в своем шатре.

Он будет бежать от сурового оружия, а лук из железа насквозь поразит его, потому что он притеснял и оставлял беднях, потому что он нагло обманет домом, которого он сам не строил. Мы можем быть уверены, и он также, что скоро все это будет совершено, так как торжество нечестивца коротко, а радость лицемера лишь мгновенна. И хотя его высочество возносится к небесам и его голова достигает облаков, все-таки он должен погибнуть и исчезнуть навсегда. Те, кто видел его, должны будут сказать: — Где он?

(Famous Pamphlets. London. 1890).

Приложение I.

Важнейшие факты и события истории Англии XVII в.

(Хронологическая канва)

Годы	События	Состояние торговли и промышленности
1603	Вступление на престол новой династии Стюартов — в лице Иакова I (1603—1625). Чума (в Лондоне 30.561 жертва).	1603—16 — годы благоприятные для торговли.
1604	Созыв первого парламента при Иакове I. Борьба за парламентские привилегии. Прения „о свободе торговли".	
1607	Аграрное движение в связи с „огораживаниями".	
1608	Начало колонизации Виргинии. Издание Хартии. Первое поселение—основано в 1607 г.	
1611	Начало колонизации Ульстера (в Ирландии) англичанами и шотландцами.	
1614	Созыв второго парламента. Отказ в субсидии королю — и роспуск парламента.	
1616	Усиление фаворитизма при дворе. Возвышение герцога Букингэма.	1616–17. Кризис в торговле сукном.
1617	Экспедиция Вальтера Ралек в Гвиану.	
1618	Начало „Тридцатилетней войны" на континенте Европы.	1618—20. Оживление в торговых делах.
1620	Первые пуританские поселения в Плимуте (Сев. Америка).	1620—5. Застой в торговле сукном. Усиление конкуренции Голландии во внешней торговле. Заминка в делах Ост-Индск. и Русской компаний.
1621	Созыв третьего парламента. Выступления оппозиции против монополистов. Падение канцлера Бэкона (за поддержку монополий и взяточничество).	

Годы	События	Состояние торговли и промышленности.
1622	Роспуск парламента и аресты вождей оппозиции — (Кока, Пима, Сельдена и др.).	
1623	Кровавые столкновения английских купцов с голландскими на Моллукских островах.	
1624	Созыв четвертого парламента. Пожалование субсидии королю. Монополии об'являются незаконными. Война с Испанией.	
1625	Смерть Якова I и вступление на престол Карла I (1625 — 1649). Чума (в Лондоне 35.403 жертвы). Созыв первого парламента. Пожалование двух субсидий королю. 8 кораблей отправлены во Францию. Ришелье использовал их для осады гугенотской крепости Ларошель. Роспуск парламента за отказ в дальнейших субсидиях. Экспедиция в Кадикс для захвата испанского транспорта с серебром потерпела неудачу.	
1626	Созыв второго парламента. Выступления Джона Эллиота, лидера оппозиции против герцога Букингэма. Отказ в субсидии. Роспуск парламента. Насильственное взимание платежей и «боченочного и фунтового сбора».	1626 8. Торговые дела идут на улучшение.
1627	Об'явление войны против Франции. Экспедиция Букингэма на выручку крепости Ларошель. Жестокое поражение. Арест 5 джентельменов (в том числе Гэмпдена) за отказ подчиниться принудительному взысканию.	
1628	Созыв третьего парламента. Атаки оппозиции на Букингэма. Петиция о праве. Пожалование королю 5 субсидий. Возвышение Лауда. Переход на сторону короля одного из вождей оппозиции Венворта (впоследствии графа Страффорда). Убийство Букингэма. Незаконный сбор „боченочных и фунтовых денег".	

Годы	События	Состояние торговли и промышленности
1629	Парламент об'являет врагами государства всех, кто делает нововведения в религии и взимает пошлины без его согласия. Арест вождей оппозиции (Дж. Эллиота и др.). Роспуск парламента. Начало беспарламентского правления. Основание колонии Массачусет.	
1630	Заключение мира с Францией (апр.). Заключение мира с Испанией (ноябрь). Чума (в Лондоне 1.317 жертв).	1629 Голод. Застой в торговле.
		1631 г. Торговля сукном оживает. В 1631 г. осуществление мероприятий по ограждению монопольной компанией с капиталом в 33.000 ф. стер.
1633	Назначение Вентворта (Страффорд) наместником в Ирландию. Назначение Лауда Кентерберийским архиепископом. Введение монополий на мыло, крахмал, пиво и др. предм.	
1634	Взимание „корабельных денег" с прибрежных графств.	1634. Компания купцов для торговли с Гвинеей (капитал 45.000 ф. ст.).
		1632. Общество для рыбной ловли в Великобритании и Ирландии.
1635	Взимание „корабельных денег" с внутренних графств.	1636—7. Застой в торговле вследствие широкого развития монополий и всеобщих поборов.
1637	Преследование Джона Гемдена за неуплату „корабельных денег". Чума (в Лондоне 10.400 жертв).	
1638	Шотландская революция. Уничтожение епископата в Шотландии. Война епископов. Возвращение Вентворта в Англию.	
1640	Созыв четвертого парламента. Выступление Пима. Отказ в субсидии. Роспуск парламента. Секуляризация Карла I с пиратом. Неудачная погоня в испанских водах за транспортом с серебром.	1640. Кризис в торговле затягивается на весь период гражданской войны.

Годы	События	Состояние торговли и промышленности
1640	Чума (в Лондоне 1.450 жертв). Вторжение шотландцев в Англию. Созыв Долгого парламента (пятого) в ноябре. Привлечение к суду Страффорда и Лауда. Чума (в Лондоне 1.158 жертв).	
1641	„Акт о трехгодичных парламентах". Казнь Страффорда. Билль о „корне и ветвях" (май). Статут об упразднении Звездной палаты и ограничение прав других королевских учреждений. Статут о незаконности взимания „корабельных денег". „Великая ремонстрация" (22 ноября). Восстание в Ирландии.	
1642	Требование Карла I о выдаче 5 депутатов (4 янв.) Билль о милиции (март). Начало гражданской войны (22 авг.) Битва при Эджгиле — 23 окт. Перенесение штаб-квартиры короля в Оксфорд. (15 ноября).	1642. Компания предпринимателей для покупки земель в Ирландии (капитал 200.000 ф. ст.)
1643	Учреждение „Ассоциации восточных графств". Попытка „кавалеров" захватить Лондон. Битва при Ньюбери. „Торжественная Лига и Ковенант" с Шотландией.	
1644	Вступление в пределы Англии Шотландской армии. Победа Кромвеля и Ферфакса над королевскими войсками при Марстон-Муре (2 июля). Вторая битва при Ньюбери.	
1645	Казнь архиепископа Лауда. Упразднение палаты Феодальных сборов. Реорганизация парламентской армии. („Новая модель"). Поражение королевской армии при Нэзби.	
1646	Бегство Карла I в Шотландию.	1646—9. Кризис осложняется последствиями гражданской войны, неурожаями и высокими налогами. Необычайный застой в торговле.

Годы	События	Состояние торговли и промышленности
1647	Выдача Карла I парламенту. Вестминстерский церковный собор высказывается за введение пресвитерианства. Офицерский митинг протеста в Саффроп-Вальдене против роспуска армии (21 марта). Митинг солдат в Ньюмаркете: протест против роспуска армии (4 июня). Захват короля Армией. „Основы предложений, исходящих из Армии"—1 августа. Вступление Армии в Лондон. „Народное соглашение" 28 октября. Конференция Совета Армии в Путней.	
1648	Вторая гражданская война. Восстание роялистов. Поражение шотландцев при Престоне. Подавление восстаний. „Прайдова чистка" парламента. 6 дек. Первое выступление „истинных уравнителей".	
1649	Казнь Карла I. 30 янв. Упразднение палаты Лордов. 6 февр. Провозглашение Англии республикой. Учреждение Государственного Совета. 15 февр. Под'ем левеллерского движения и восстание солдат. Выступления „диггеров" и „истинных уравнителей". Экспедиция Кромвеля в Ирландию.	
1650	Экспедиция Кромвеля в Шотландию.	
1651	Разгром шотландской армии при Ворчестере. Навигационный акт. „Левиафан" Гоббса.	
1652	„Акт об устройстве Ирландии". Об'явление войны с Голландией. (июль).	1652 — 54 Потери в английском флоте во время голландской войны.
1653	Разгон „Охвостья" Долгого парламента. (20 апреля). Учреждение нового „Государственного Совета". „Малый" или „Бернбонский" парламент. (4 июля). „Орудие управления"—16 дек. Установление протектората.	

Годы	События	Состояние торговли и промышленности
1654	Мир с Голландией (5 апр.) Присоединение Шотландии. Созыв первого парламента (3 сент.)	
1655	Роспуск парламента. (22 янв.) Введение института „генерал-майоров". Союз с Францией против Испании.	
1656	Об'явление войны Испании. Созыв второго парламента. „Покорная петиция и Совет"—предложение Кромвелю короны. Востановление „другой палаты", акт об отмене палаты „феодальных сборов".	
1657	Памфлет „Умерщвление не убийство".	
1658	Роспуск парламента. Победа англичан и французов над испанцами и взятие Дюнкирхена. Смерть Оливера Кромвеля. 3 сент. Провозглашение протектором Ричарда Кромвеля.	
1659	Созыв парламента — и роспуск его. Реставрация „Охвостья" Долгого парламента. Отречение Ричарда Кромвеля.	1659 — 60. Убытки во время Испанской войны, особенно в суконной торговле. Чрезвычайно высокие налоги.
1660	„Охвостье" распускает себя. Созыв нового парламента („Конвента"). Приглашение Карла II и его вступление в Лондон (29 мая). Реставрация Стюартов. Карл II (1660—1685). „Акт о безнаказанности и забвении". Акт об упразднении палаты „феодальных сборов". Роспуск армии. Роспуск парламента (Конвента). Подтверждение навигационного акта.	1660 — 4. Торговля начинает восстанавливаться.
1661	Созыв нового парламента (роялистского по составу).	
1662	„Акт о единообразии". Продажа Дюнкирха Франции.	
1665	Об'явление войны Голландии. Чума (в Лондоне 68.596 жертв).	1664 (зима) — 1667 (июль) кризис в торговле.

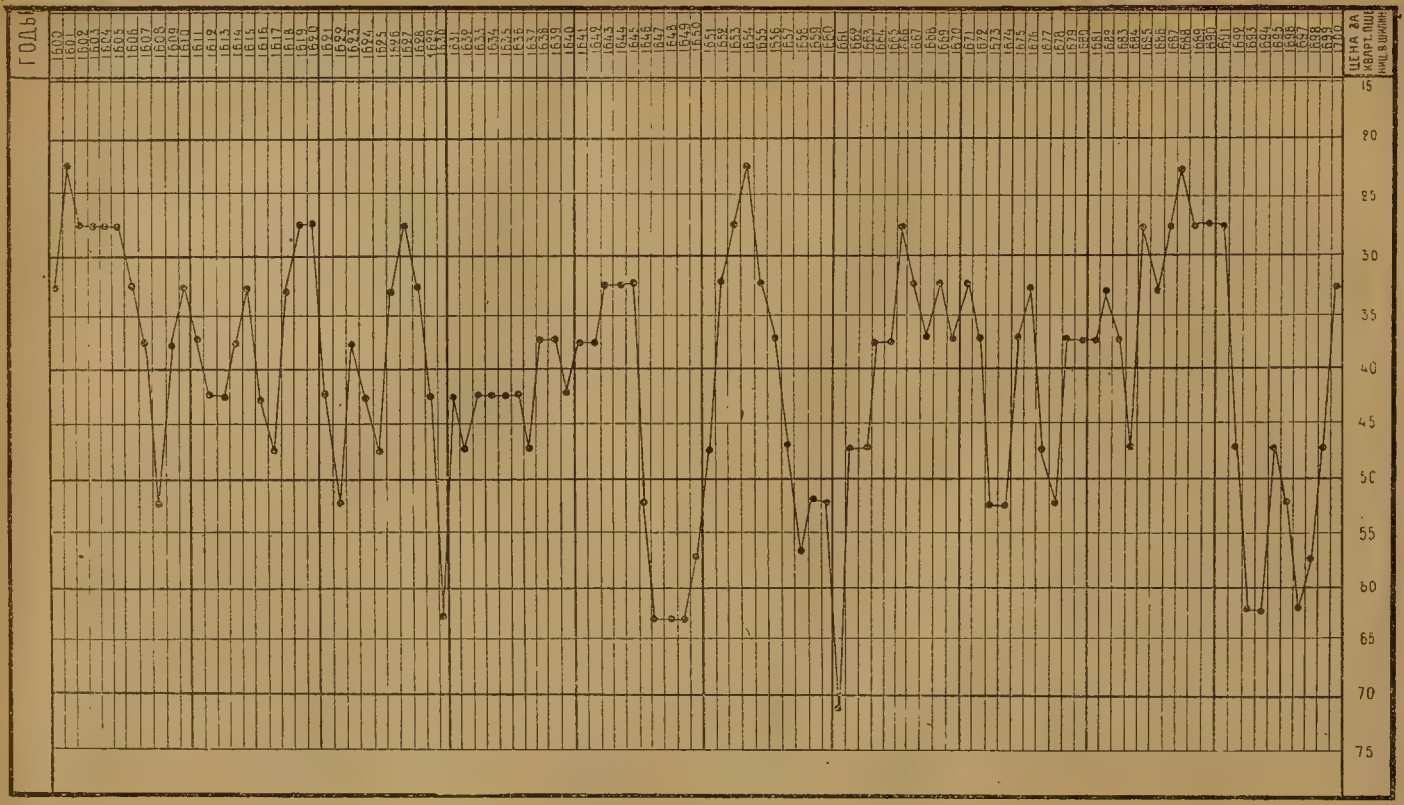
Годы	События	Состояние торговли и промышленности
1666	Людовик XIV об'являет войну Англии и заключает союз с Голландией. Победа над Голландией. Большой пожар в Лондоне.	1664. Компания королевского рыболовства в Великобритании и Ирландии.
1667	Поражение французского и голландского флота в Вест-Индии. Вторжение Голландского флота в Темзу. Мир с Голландией. Уступка Англии голландских колоний в Сев. Америке.	1667. Крах банкиров.
1668	Заключение тройственного союза между Голландией, Швецией и Англией против Франции. Уступка Англии Голландских колоний в Сев. Америке.	1667—71. Оживление в торговле.
1670	Тайный договор с Францией, в целях восстановления католицизма.	1670. Королевская компания для рыбной ловли в Шотландии. (капитал 25.000 ф. ст.). 1670. Компания для торговли в Гудзоновом заливе. 1670. Компания для разработки королевских рудников. (кап. 4.200). 1670. Компания для выработки свинца.
1671	Парламент вотирует 800.000 ф. ст. на флот.	
1672	Англия и Франция об'являют войну Голландии.	1672. Паника на бирже. Банкротства. 1672. Начало деятельности королевской африканской компании (капитал 111.100 ф. ст., в 1691 г.—444.400 в 1693 — 625.250. в 1697—1,101,050).
1673	Созыв нового парламента. Тест — акт.	
1674	Мир с Голландией.	1674—8. Оживление в торговле.
1675	Закрытие кофеен, как мест политической пропаганды.	

Годы	События	Состояние торговли и промышленности
1678	Парламент вотирует 1.000.000 ф. ст. на войну с Францией. Тайный договор Карла II с Францией. Роспуск парламента. Нимвеческий мир между Францией и Голландией. Расторжение тайного договора Людовика XIV с Карлом II. Установление ответственности министров.	Затруднение в торговле с Францией. Ожидание войны с Голландией. Банкротства.
1679	Созыв третьего парламента. Habeas Corpus Act. Роспуск парламента и созыв нового (четвертого).	1679—81. Торговля становится очень активной.
		1681. Шерстяная мануфактура в Гаддингтоне (Шотландия) капитал 5.000 ф.ст.
		1682. Банкротства в связи с внутренними неурядицами, слабое развитие внешней торговли.
		1683. Компания для колонизации Табачного острова, капитал 60000 ф.с.
1685	Смерть Карла II и вступление Иакова II (1685 — 1689). Отмена Нантского эдикта во Франции.	1686. Компания для выделки белой бумаги в Англии.
1688	„Бескровная революция“ и вступление на престол Вильгельма Оранского.	1688. Королевская компания для выделки люстриновой материи в Англии, (в 1692 г. капитал 60.000 ф. ст.)
		1688. Революция, — ряд банкротств.
1689	Билль о праве. Война Франции с Испанией. Трактат Локка — „Об управлении“. Война Англии с Францией.	1689. Компания собственников „высасывающей машины“ (для дренажных работ).
1690	Переменные успехи на войне.	1690—1. Королевская корпорация — для учреждения льняной мануфактуры в Ирландии (капитал 2.000 ф. ст.)

Годы	События	Состояние торговли и промышленности
		1690. Компания для разработки серебро-свинцовых руд (капитал 81.600).
1691	Великая коалиция против Франции.	1691. Лондонская компания для выделки стекла (капитал 25.000 ф. ст.) Компания на перевозку льняной мануфактуры и бумаги на острова Джерси и Гернси. Компания для разработки меди в Англии. Компания для выделки селитры. Компания для выделки кликов в Северной Англии. (в 1703 г. капитал 150.000, в 1708 – 268.867).
1692	Разгром англичанами французского флота возле Ла Хоя и последующие неудачи англичан. Новые ставки для поземельного налога.	1692. Компания для водопроводных работ в Гемстеде. Компания для выплавки свинца. Компания купцов для торговли с Гренландией (капитал 40.000 ф.).
1693	Разгром и захват английского торгового флота в Смирне французами. Новая Грамота Ост-Индской Компании (об этой компании см. в хрестоматии).	1693. Компания для бурадления и постройки шахт. Компания для выделки железа. (капитал 10.000 ф.ст.).
1694	Директор и компания Банка Англии (см. в хрестоматии).	1694. Компания для учреждении шотландской льняной мануфактуры (капитал 30.000) 1695. Компания (шотландская) для выделки белой бумаги (мануфактуры) капитал 5.000 ф. 1695. „Миллионный" Банк - (ссудный банк — общества частных банкиров). В 1700 капитал 320.000 + 500.000 ф. ст.

Годы	События	Состояние торговли и промышленности
		1695. Контора Земельного кредита.
		1695—6. Компания национального поземельного Банка (100.000 ф. ст.).
1695	Победы англичан на войне. Отмена цензуры на печать.	1695. Компания Шотландского Банка (100.000 ф. ст.).
		1692 — 5. Внутренняя торговля активна, внешняя в застое вследствие войны.
		1696. Контракт предпринимателей с Московским царем относительно ввоза табака в его владения.
		1696. Шотландская компания для торговли с Африкой и Индией (капитал 400.000 ф.). (см. в „Хрестоматии“ материал об „Ост-Индской компании).
1697	Заключение Рисвикского мира. Путешествие Петра Великого в Англию для изучения корабельного дела.	1696—7. Финансовые затруднения вследствие войны. Плохие урожаи. Прекращение платежей Лондонским банком. Неудачи с организацией поземельного банка.
1698	Первый договор между Англией, Голландией и Францией по разделу „Испанского наследства“.	1698. Компания предпринимателей по разработке рудников (в 1698 г. капитал—125.000, в 1705—80.160, в 1710 — 270.540).
1700	Второй договор по разделу „Испанского наследства“.	1699 — 1700. Необычайный под'ем в торговле и предприятиях.

Таблица урожайным и неурожайным годам в XVII веке, согласно ценам на хлеб.



Методические замечания к хрестоматии.

Предлагаемая хрестоматия рассчитана на лабораторно-исследовательскую работу учащихся по цифровым и документальным материалам — для самостоятельного изучения закономерного исторического процесса. Из этой основной задачи вытекают и принципы построения хрестоматии. Не иллюстрирование событий имеет она в виду, а связывание фактов и явлений прошлого в единый и цельный, марксистски осознанный комплекс. Хрестоматийный материал дает возможность не только изучать отдельные стороны исторического процесса (напр., хозяйственную эволюцию Англии в XVII веке), но и связывать явления одного порядка с явлениями и фактами другого порядка — с тем, чтобы у учащихся создалось отчетливое представление не только об экономической сущности эпохи торгового капитализма, но и о типичных особенностях этой эпохи в области социально-политической и идеологической. Цифровые данные первого отдела хрестоматии легко могут быть сопоставлены с документами классовой борьбы, даже с бытовым материалом частной переписки этой эпохи. При такой разнородности содержания предлагаемых документов является вполне возможным — создать у учащихся навыки методологически правильно, подлинно марксистского подхода к столь сложной эпохе, как эпоха английского торгового капитализма. В хрестоматию намеренно не включены отрывки из монографий (т.-е. из законченных уже исследовательских работ) и художественной литературы, воспроизводящей действительность. Лабораторный метод в обществоведении должен проводиться на сыром, но хорошо подобранном материале. Только при таком условии и выявится наиболее ценная для новой школы исследовательская сторона этого метода.

В зависимости от типа и уклона школы лабораторная проработка хрестоматийного материала должна варьироваться и приспособляться к особенностям данной аудитории.

Таблица урожайным и неурожайным годам в XVII веке, согласно ценам на хлеб.

Хрестоматия достаточно обширна и позволяет преподавателю производить отбор наиболее подходящего материала, но она дает возможность поставить и максимальную задачу — проработки всей темы по документам и цифровым данным и в обстановке классовой системы преподавания и по так называемому „лабораторному плану".

Последний начинает уже применяться в нашей школе, но при отсутствии надлежащих пособий превращается на практике в организованную коллективную проработку учебников, а между тем наибольшая ценность лабораторного плана и заключается в том, что он открывает большие возможности для исследовательской работы. Для того, чтобы поставить ее, необходима строгая продуманность всего задания. В таких сложных дисциплинах, как обществоведение, нет никакой возможности рассчитывать исключительно на инициативу учащихся. Роль руководителя гораздо более здесь значительна, чем в других дисциплинах.

Исследовательская работа в таких темах, как данная тема — „Английский торговый капитализм", будет плодотворна только при одном условии, если задание, равно как и материал, предлагаемый для проработки, не слишком расплывчаты и широки. Последний должен быть сконцентрирован в основной части темы и в сравнительно небольших хронологически рамках, при чем исследовательской работе учащихся должна предшествовать большая подготовительная работа — совместно с преподавателем.

Наша тема естественным образом распадается на три части: „Хозяйственный переворот", „Предпосылки революции" и „Гражданская война и революция" с ее последствиями. Первая часть могла бы и сама служить самостоятельной темой для исследовательской проработки по лабораторному плану, но в данной связи она является лишь необходимым введением. Поэтому и в хрестоматии, посвященной развитому торговому капитализму, не дано документов по истории хозяйственного переворота в Англии. От этого я вынужден был отказаться из экономии места, но по существу считал бы важным проработать эту часть на документальном материале. Частично он дается в первой главе, но его, разумеется, далеко недостаточно. При отсутствии на русском языке таких материалов, придется разыскивать его в монографиях по английской истории. Так, например, по вопросу об „огораживаниях" и аграрном перевороте XVI века — ценный материал документальный в многочисленных выдержках, а также цифровой в виде таблиц можно найти в книге Граната: „К вопросу об обезземелении крестьянства

в Англии" (Москва, 1908 г.), — в монографии А. А. Савина. „Английская секуляризация" (в последней главе, посвященной распродаже монастырских имуществ), — в небольшой книжке Чепей „Аграрный переворот в Англии по отзывам современников" (1891). К ним следует присоединить соответствующие выдержки из „Утопии" Томаса Мора и недавно вышедшую книжку Петрова: „Английский капитализм на заре его развития" (1925. Госиздат).

Вторая часть темы, — „Подготовка революции" — уже по самому своему характеру предполагает инициативу и руководство преподавателя. Только при его участии и содействии учащиеся смогут разобраться в этом сложном и до сих пор еще в науке неразработанном вопросе. Здесь очень легко при недостаточной бдительности руководителя сбиться на шаблонную и мало убедительную трактовку вопроса, так как столкновения короля с парламентом заслоняют собою более глубокую подпочву назревающей революции. В этой части возможно только частично строить работу на самостоятельной проработке сырого материала; главным же образом, придется перенести центр тяжести на совместное выяснение движущих экономических и социальных сил революции. Цель эта будет достигнута, если учащиеся придут к выводу о неизбежности революции, выяснят руководящие социальные группировки, а также и проблемы, какие встают перед средними классами накануне гражданской войны. Первый отдел хрестоматии, охватывающий хозяйственную жизнь Англии за весь XVII век, в особенности должен быть использован, но этот материал, впервые вводимый в обиход трудовой школы, требует ясной постановки вопросов самим руководителем.

Проработка этой части нашей темы и должна привести к формулировке основного задания для дальнейшей исследовательской работы самих учащихся — над хрестоматийным материалом, который хронологически охватывает узкий период времени (40-е и отчасти 50-е годы XVII в.) и освещает события революции всесторонне.

Было бы большой ошибкой вести исследовательскую работу по параллелям исторического процесса, т.-е. — одному давать документы хозяйственного развития, другому — классовой борьбы и т. д. Изучение нужно вести по вертикалям или другими словами: давать каждой группе разнородные документы и материалы с тем, чтобы они смогли подметить связь между явлениями различных порядков. В качестве отдельных заданий — могут быть такие: первый этап революции — единый фронт против абсолютизма, второй этап революции — классовая борьба конца монархии и первых

лет республики (1646—50 г.г.), завоевания и последствия революции. Эти задания можно и детализировать. Так например — во втором периоде классовой борьбы — выделить особо социальное и политическое движение в кромвелевской армии (1646—48 г.г.), а последующее движение левеллеров и коммунистов поставить как особое задание.

Хрестоматийный материал, предлагаемый в книге, вполне допускает такое разграничение, да это отвечает и существу дела. Точно также и следующий отдел — „Завоевания и последствия революции" следует разбить на более частные задания: внутренняя политика протектората (в связи с классовой борьбой этого периода), утверждение английского торгового капитала на внешнем рынке (Навигационный Акт и международное положение), социальные и экономические последствия революции (реставрация и „бескровная революция"). Из указанных трех заданий только первое недостаточно представлено в хрестоматии, и здесь помощь руководителя особенно важна [1]; остальные два задания могут быть разработаны почти целиком на материале, какой имеется в первом отделе хрестоматии (таблицы, данные об ост-индской торговле, данные Кинга и Дэвенента и хронологическая канва), и отчасти в третьем (билль о праве 1689 г., знаменующий окончательную политическую победу средних классов и раскрывающий неограниченные возможности для дальнейшего роста производительных сил Англии). Поскольку мы здесь уже суммируем результаты проработки всей темы об английской революции целиком и подводим итоги, является необходимым для большей отчетливости закрепить полученные выводы путем диаграмм или какими-либо другими графическими способами, которые должны быть намечены на конференции.

Я даю здесь только примерное распределение заданий и самые общие методические указания, предоставляя более детальную разработку затронутых проблем творческой инициативе самого учительства. Предлагаемый мною хрестоматийный материал впервые вводится в обиход школьной работы и нуждается в проверке на опыте, после чего только и возможно прийти к окончательному разрешению новой для всех нас и очень сложной проблемы постановки исследовательской работы в школе. Пока ясно только одно: хрестоматия становится основным пособием в школе, а учеб-

[1] Для проведения этого задания следует использовать и документы (политические) времен реставрации и „бескровной" революции с тем, чтобы учащиеся проследили до конца социальную и политическую эволюцию Англии этого периода.

ник старого типа должен окончательно отмереть. Взамен его необходим справочник к хрестоматии. Этой цели до известной степени и служит приложенная к книге „хронологическая канва", а также фактический материал, имеющийся в основном тексте книги. Этот материл должен быть выделен самим руководителем.

Мой очерк истории английской революции рассчитан, главным образом, на преподавателя, который заранее должен методологически правильно и методически ясно и отчетливо построить и продумать весь план работы. В отношении английской революции это не так легко сделать, так как в марксистской литературе она недостаточно освещена. Из существующих на русском языке работ можно рекомендовать в первую очередь следующие: Конради. „История революций от нидерландского восстания до кануна французской революции", т. I. Госиздат, 1924 г. (II том еще не вышел на русском языке). Бернштейн. „Социализм и демократия в ходе английской революции—и недавно вышедшие популярные книжки Петрова—„Английский капитализм на заре его развития" (Госиздат, 1925 г.) и С. Куниского—„Очерк истории английской революции". Краснодар. Изд. „Буревестник", 1925 г. Превосходно дана классовая борьба в кромвелевской армии у Лукина-Антонова. „Из истории революционной армии". Из старых авторов до сих пор сохраняет свое значение книга Гизо „История английской революции", где уже дается оценка событий с точки зрения классовой борьбы. В этой же книге имеется обширное и очень ценное приложение документов, лишь в очень незначительной своей части включенных в настоящую хрестоматию.

Работы по истории Англии и английской революции А. А. Савина, М. М. Ковалевского, Гардинера, Вейнгартена, Гиббенса, Трайля и др. ценны, главным образом, по своему материалу.

В заключение мне остается указать на пробелы предлагаемой мною хрестоматии. При составлении ее пришлось натолкнуться на отсутствие в наших ленинградских крупнейших библиотеках всех необходимых изданий, и только поездка в Москву дала возможность воспользоваться превосходным собранием книг и изданий Института К. Маркса и Ф. Энгельса и Московского Университета. В хрестоматии недостаточно представлена идеология этой эпохи — документы религиозной борьбы, образцы философской мысли. На них делается ссылка в тексте книги, но было бы не-

обходимо дать отрывки из „Левиафана“ Гоббса, из „Трактата об Управлении“ Локка, „Океании“ Гаррингтона, „Утопии“ Уинстэнли и др.

Но это еще более расширило бы об'ем книги. Остается предоставить выбор материала по идеологии — самим преподавателям; совершенно же исключить его из плана проработки темы я бы считал неправильным по существу, так как это противоречило бы задачам комплексного изучения исторического процесса.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
Предисловие.		3
Глава I.	Хозяйственный переворот в Англии и его последствия	5
Глава II.	Англия в первой половине XVII в. (Подготовка революции)	29
Глава III.	Гражданская война и революция	48
Глава IV.	Английская республика и протекторат (1649—1660).	80
Глава V.	Последствия английской революции	108
Хрестоматия.		
Отдел I.	Хозяйственная жизнь Англии в XVII в.	117
Отдел II.	Классовая борьба в Англии в эпоху революции.	146
Отдел III.	Борьба за новый политический строй в Англии в XVII в.	174
Отдел IV.	Общественные настроения в Англии в эпоху революции.	194

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стр. 118, столбец 5-й таблицы, 5 строка снизу, вместо - следует 9.
Стр. 136, 21-я строка снизу, вместо 2.823.000 следует 2.825.000.
Стр. 139, 5-й столбец таблицы, строка 1-я сверху, вместо $15^1/_2$ следует $5^1/_2$.
Стр. 141, 13-й столбец таблицы, строка 1-я сверху, вместо $4^1/_2$ следует $4^1/_4$
Там же, 16 столбец, 3 строка снизу, вместо — следует 3
„ 16 „ 1 „ „ „ 2 „ —
„ 17 „ 3 „ „ „ — „ 0
„ 17 „ 1 „ „ „ 3 „

585.00

KC112
K88